

*Посвящается 70-летию героической Победы
советского народа
в Великой Отечественной войне (1941–1945),
а также учителям —
детям или участникам той войны*

Наталья Советная

*ЛУЧОК
ПРАВЫ*

Санкт-Петербург
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4
С 54

Советная Н. В.

Пучок травы. — СПб., 2015. — 280 с.

ISBN 978-5-90678-231-1

С 54 Сильные корни дают крепкие ростки. Преодолевая сопротивление, их стебельки несут миру мощь земли, тепло небесного света. Наши прадеды, деды, родители, учителя... — основа, корни новых поколений. Книга «Пучок травы» — о них, простых людях, переживших Великую Отечественную войну.

Это истории маленьких подвигов настоящих людей. Их судьбы по-своему уникальны, так как неповторима, бесценна жизнь каждого человека.

Книга подготовлена к знаменательной дате — празднованию 70-летия Великой Победы — и посвящается нашим дорогим ветеранам.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4

ISBN 978-5-90678-231-1

© Н. В. Советная, 2015

Пучок травы

ПОДРАНДА

Дуб всё помнит...

Прихватив соломенную шляпу, резиновые перчатки, бутылку с водой и фотоаппарат, я устроилась на переднем сиденье. Володя, муж, уже закинул в багажник лопату, грабли и украшенный проволочными завитушками железный крест, который накануне сварил на даче. Мама прижимала к себе пакет с «помином»: освещённой в церкви кутьёй, пачкой печенья, конфетами, рыбой, котлетами и блинчиками, тарелки с которыми бережно завернула в вафельные полотенца для сохранения тепла, — постоянная, сколько себя помню, поминальная кладбищенская трапеза. Раньше о ней заботилась бабушка Дуся. Теперь — мама.

— Зоя Егоровна, — Володя звал тещу уважительно, по имени-отчеству. — По старой или новой дороге?

«Новой» дорога звалась не по срокам её существования — узнали мы короткий путь к погосту, где упокоились наши предки, всего год назад, когда взяли в поездку маминого племянника Сергея, работника Витебских энергосетей, объездившего все деревни в районе, облазившего все столбы с электропроводами. «Через Кисели — на двадцать километров короче. А вы — через Оболь — такой круг нарезаете!» — удивился он.

Зоя Егоровна вспомнила слова племянника.

— По короткой, Володя. И время, и горячее сэкономим. Как ехать, запомнили?

Праздник Троицы, когда мы собрались навестить могилки, выпал на последние дни июня. Лето уже разгорелось, дышало жаром, буйствовало луговым многоцветьем, радовало светлой глубинностью неба. Ехать приятно-радостно: почитаемый в народе праздник, разговоры-воспоминания, для которых в суете редко выпадает свободная минутка, — легко и спокойно на душе...

Машина миновала одну за другой наполовину опустевшие деревни; в Селище свернула на узкую разбитую шоссейку. Отсюда до Подранды километров десять. Зоя Егоровна помнила, как пятилетней шла с мамой Дусей от дедовой хаты, через те же деревни, до самого дома в Городке! Ноги стёрла в кровь. Надеялись на попутную подводу, да никто не нагнал.

И теперь дорога была пустынна. Промелькнули заброшенные подворья, потянулись поля, густой беспорядочный кустарник обочин. Володя вёл машину неторопливо, объезжая выбоины на асфальте. За очередным поворотом неожиданно, словно вынырнули, появились два мужичка. Замахали руками — притормози! Немолодые, в пиджаках поверх выношенных футболок, в рабочих брюках, оба — в подпитии. Володя ещё снизил скорость.

— Не останавливайся! — испугалась Зоя Егоровна. — Может, эки сбежавшие? В газете писали...

Я улыбнулась: умеет наша пресса нагнать страху — там убили, тут украли, здесь сбежали...

— Тормози, тормози! — попросила мужа.

— Люди добрые! — бросился к машине мужчина, заросший седоватой щетиной. Второй, помоложе, остался на обочине.

— Вы ж на Кисели? Подвезите меня одного, Николай-то местный, селищанский.

— Какие Кисели! Не едем, — вдруг заупрямилась Зоя Егоровна, хватаясь за ручку дверцы.

— Как... не едете?! Тута ж другой дороги нету...

— Не едем, не едем... — твердила Зоя Егоровна, удерживая дверь.

Зной... Путник тяжело дышал, по отекившим серым щекам катился пот. Не желая упустить чудом оказавшуюся на просёлке попутку, взмолился:

— Тёточки, миленькие, подвезите! Мне ж ещё километров пять... Тёточки-и-и-и!

Я повернулась к мужу. Володя согласно кивнул:

— Садитесь! — и бросил тётце строго: — Дверь откройте. Сумки отодвиньте. Дайте место человеку!

Мужчина забрался в машину, помахал товарищу. Тот повернул назад, в сторону Селища.

Винный дух заполнил салон. Зоя Егоровна опустила стекло полностью. Попутчик не скрывал нечаянной радости:

— С праздничком вас! Три дня Троицы. Отметили с Николаем... Спасибо вам, люди добрые! Спасибо, тёточки!

— Небось, дома жена ждёт, переживает, а вы тут с друзьями. — Зоя Егоровна отодвинулась от попутчика.

Мужчина сник.

— Жена у меня шесть лет уже как померла... Помянули с товарищем, стало быть... Дочка в городе. — Он снова оживился: — Эх, тёточки, не дошёл бы я по жару! Лег бы под кустом... Никто меня не ждёт.

Я оглянулась назад. Крупный нос, нависшие брови... А глаза-то — добрые!

— Сколько же вам лет?

Он наморщил лоб, пригладил ладонью волосы и вдруг простодушно рассмеялся:

— А чего тут скрывать? Что я — красна девица? Не на смотринах же! Скоро семьдесят. Старый... старый Василий Кузьмич.

Володя глянул на себя в зеркало: бородка уже не та, что лет десять назад, — посивела. Озорно подмигнул.

— Давно в деревне живёте? — Голос Зои Егоровны смягчился.

— Всю жизнь. Дом у меня крепкий. Огород. Сад. Пчёлы, — хвалился попутчик. — У дороги прямо, я покажу.

Кузьмич располагал к себе. Хозяин. Всю жизнь на земле. Не сбежал в город. Даже когда один остался, не подался к дочке.

И Володя поделился:

— Мы на кладбище. В Подранду. Крест металлический хочу на могилке поставить. Деревянный сгнил. Помянуть родню её, — он кивнул в мою сторону, — похристиански надо...

— Подранда? Знаю, знаю! — оживился Кузьмич. — Туда дорога одна: мимо моего дома, значит. Через Кисели. И кладбище знаю. На горушке оно... А Подранду немцы в сорок втором сожгли, спалили вместе с жителями.

Казалось, до усадьбы Кузьмича ехали мы долго-долго. Жалобила мысль: как бы он добирался домой под таким солнцем? Следы страшной войны заросли травой и деревьями. Раны войны сегодняшней, смердящей перегаром, повсюду, как кладбища. Мужики и бабы деревенские — корни народные, выгорают без огня... Не усохнуть бы народному древу...

— Не надо пить! — неожиданно попросила я. — Долго так, как сегодня, не протянете.

Он согласно закивал:

— Не протяну. Точно. А брошу — годков десять-то смогу прожить...

И вдруг оживился:

— Вот дом мой! На перекрестке. Хата моя. Приезжайте за малиной! Ох, малины много... Кру-у-упная! Во, какая! — Он показал красный кулак. — А собирать некому, стало быть.

Выходя из машины, задержался, потянулся к Во-
лоде:

— На рыбалку! Всё есть: лодка, снасти, рыба в реке.
Всякая! Всё есть у Василя-рыбака!

Машина быстро проскочила обезлюдевшие Кисели, куда бегали в стародавние времена барышни и парни из Подранды на танцы. Моя бабушка Дуся, девчонкой, босоножь, чтобы сберечь ботиночки (лишь перед деревней обувалась), ходила с подружками в церковь: освящать пасхальные яйца.

За селом, над дорогой, едва не смыкались заросли борщевика, но вскоре показался светлый участок. Где-то здесь жила, дышала, пела голосистыми бабами и девчатами Подранда. Ни таблички с именем бывлой деревни, ни памятного валуна с надписью, ни креста... Мама высматривала вековой дуб. Он один, страж, — живой свидетель.

...Десятилетняя Зоя с Евдокией, тётей Аней, дядей Ваней впервые ехала на кладбище в Подранду. Добралась пригородным дизелем до станции Бычиха, оттуда пешком по дорожкам-тропкам, приговаривая: «Сейчас, за поворотом, будет пригорок — там и погост. А деревни нашей нет...».

На месте Подранды зеленела трава и высился ко-
ржавый дуб, посаженный когда-то поодаль домов, возле пруда-сажалки, где была дедова баня. Потому, видимо, уцелел, что поодаль и возле воды. Дуб всматривался в путников, замирая от неожиданной встречи. Как же давно не видел эти родные лица! Возмужал Иван, старший сын Федота Есипёнка. Потомок мужиков из рода Аверьяна-богатыря. Дуб помнит, как на глазах у всей деревни Аверьян на плече перенёс через ручей до своего дома лесину-бревно, которую еле-еле тащила из лесу соседская кобыла. На спор.

Встретился с соседом, увидел, как тот лошадей погоняет, сам рядом, чтобы скотине облегчение. А она-то ноги чуть волочит, хрипит от напряжения.

— Ты пошто животину мучаешь? — укорил соседа.

— Жалостливый! — Матвей вытер матерчатой кепкой лицо. — Можешь сам заместо кобылы?

— Да уж не слабее. — Аверьян засучил рукава холщёвой косоворотки.

— Запрягайся тады! — раззадорился сосед.

— А давай! На спор! Если смогу лесину на плечах — до своей хаты, то она — моя. А не смогу, твоей худобе меньше тащиться...

— Не-е-е. Ты мне ещё одну лесину приволочёшь!

— Добре! — согласился Аверьян.

Матвей живо отвязал бревно. Он знал, что сосед его — мужик крепкий, жилистый. Коли тушу поросёнка после убоя надо подвязать повыше или даже бычка поднять... Вся деревня Аверьяна на подмогу зовёт. На спор он и подкову гнул. Но чтобы лесину? Не-е-е, лесина потяжелее бычка. Проиграет он, проиграет...

Сгорела та лесина вместе с Аверьяновым домом в сорок втором. Дуб всё помнит...

А кто ж это рядом с Ваней? Неужто сестрица его, Евдокия? Давно из родительского дома выпорхнула. Увёз красавицу в город Егор, пришлый, нездешний, человек добрый, работающий. Федот дочку за него без сомнений, без страха отдал... Только сейчас рядом с Дусей мужчин не видать. Сгинули? Войну не пережили... Треклятая!

— Я помню, помню! Здесь дом дедушкин стоял! — закричала Зоя, указывая в сторону дуба. Великан вздрогнул, вздохнул, зашелестел листвой. Узнала, узнала! А он не сразу признал девчушку. Вылитая Евдокия — эта маленькая Зоя. Не разглядел сразу. Стар стал...

Ветер откуда-то пригнал облака, они сбились в кучу,

потемнели. Давно заметил вековой, что на Троицу после литургии, ближе к обеду, всегда дождик. И хоть церкви давно нет, в небе, как всегда... Дуб призывно зашумел. Люди остановились, помахали ему, дедушке. Он заметил трепыхавшийся белый платок, который пыталась повязать на голову Аннушка. Ветер раздувал её пушистые светлые волосы. Отросли они после тифа — закудрявились! Горе-горькое долго Анна мыкала, привязалась беда. Сначала — похоронка на мужа из Ленинграда, он там на пороховом заводе. Потом тиф-болезнь. Сама выкарабкалась, а сыночек-младенец и мать Меланья — вечная им память...

К ним, к бабкам да к деду Аверьяну на родные могилки, торопились, как всегда на Троицу, люди.

Горсточка земли

Машина стояла во дворе. Задний борт откинут, рядом — стул. Девчонки поставили его, чтобы попасть в кузов. Мальчишки подмогой пренебрегали. Ухватившись за протянутую мне руку, оказалась я в крытом брезентом кузове грузовика. «Мягкие» места на тяжёлых матах, позаимствованных из спортзала, были заняты. С трудом отыскала свободное местечко на узкой боковой скамейке. Путь предстоял дальний — почти триста километров к Минску, в Хатынь. «Обязательно отыщи там нашу Подранду!» — напутствовала перед дорогой бабушка.

Следила за посадкой семиклассников Инна Васильевна Бодяко, молодая учительница — строгая, правильная, пунктуально-точная, как и её предмет — математика. Когда я впервые увидела её в классе, обрадовалась: это же она в кинотеатре, на августовской конференции учителей, хвалила меня за чтение стихов! Вытянувшись в шеренгу, мы замерли на сцене. Все

в пионерской форме. Синие юбочки-клёш, белые гольфы — у девочек, брюки со стрелочками — у мальчиков. Красные галстуки. Белые рубашки (на моей — ещё погоны и «золотые» пуговицы!). Косички, хвостики, увенчанные пышными капроновыми бантами. Как на плакатах: «Будь готов!» — «Всегда готов!» Звонкие голоса весело скандировали:

Мы учиться в школе рады,
Нам уроки, как награда!
В класс спешим скорей, скорей —
Ждём своих учителей!

Бодяко сразу узнала меня.

— О, ты девочка с конференции? В моём классе?

«Своим» Инна Васильевна называла седьмой «а», два года была в нём классным руководителем. Я же перевелась из другой школы, чтобы изучать немецкий язык.

Как старалась на том первом уроке математики, чтобы не огорчить учительницу! Однако счастливое знакомство не принесло лёгких отметок. Инна Васильевна «любимчиков» не выделяла. После проверки в тетрадке появилась четвёрка. С минусом. Ещё бы немного — и тройка... Ох, как мне было стыдно!

Машина свернула с минской трассы. Мы замолчали, выглядывая из-под брезента, ожидая, когда же появится открытый всего год назад мемориальный комплекс «Хатынь» — память сожжённой вместе с жителями деревне. Никто из нас здесь ещё не был.

Совсем некстати заморосило небо. А может, наоборот, — так и надо? Надо, чтобы наше беззаботное настроение смыл летний дождь, чтобы замолкли неуместные шутки и смех. Чтобы в тишине мы вдруг услышали мерный, тревожный звон множества колоколов. Над каждой печной трубой сгоревшего дома гудел набат,

стонал неприкаянный ветер. Я зябко поёжилась — может, от дождевой сырости, может, от нахлынувшего знобкого напряжения.

В ожидании экскурсовода ребята столпились у памятника. Задрав головы, притихшие, смотрели на огромного человека с мёртвым ребенком на руках. Он возвышался над Хатынью, будто её окаменевшее горе. Двадцать шесть сгоревших домов, сто сорок девять душ... И он. Один. Один, чудом оставшийся в живых, разгребал тлеющие головешки сгоревших младенцев, соседей, родственников, детишек, жены... Единственный уцелевший взрослый — Иосиф Каминский. Как он после этого жил — вставал по утрам, встречал восходы и закаты, зиму и лето?

Я думала о людском горе, о взрослых, детях... Раненный в руку семилетний Витенька Желобкович, прикрытый телом матери... Вырвавшийся из горящего сарая двенадцатилетний Антон Барановский, от разрывной пули рухнувший на землю, — фашисты приняли за мертвого. Что видел во снах этот мальчик, который был младше меня всего-то на два года? Юные девушки Мария Федорович и Юля Климович выползли из огня. Спрятанные жителями деревни Хворостени — выжили! Но немцы и сюда добрались... Сожгли дома и людей...

И чудо — дети, не обожженные пламенем! Володя и Соня Яскевич, Саша Желобкович... Не замеченные палачами... Чудо спасения... Чудо? Я не знала Бога, не понимала. Лишь чувствовала свет и мрак, тепло и холод, родительскую ласку, любовь... А теперь ещё — ненависть! К жестокости и войне.

Инна Васильевна поблагодарила гида, посмотрела на часы:

— В нашем распоряжении один час. Сбор у машины. Прошу не опаздывать!

Надо успеть выполнить бабушкину просьбу: оты-

скать на «Кладбище деревень» её родную Подранду! Я побрела по серым плиточным дорожкам, словно по окаменевшему пеплу. Вчитывалась в списки жильцов сгоревших хат и леденела: женщины, старики, дети — Яскевичи, Иотки, Барановские, Новицкие...

Рядом со мной охали девчонки: «Смотри, смотри: Толику Яскевичу — всего семь недель!.. А вот ещё детки — один годик, три года, пять лет... И в этом доме!.. И здесь!..».

— Галя, — позвала одноклассницу, — пойдем со мной бабушкину деревню искать!

Воробьева, моя верная подружка, отзывчивая Галочка, окинула взглядом территорию поиска:

— Думаешь, успеем? Здесь же сто восемьдесят шесть деревень! Не возродились... «Мурашки» по коже!

— Смотри, области и районы отдельно. Надо сначала наш, Городокский, отыскать.

Галя решительно потянула меня:

— Тогда — полетели!

Из двухсот уничтоженных в районе деревень исчезли навсегда тридцать пять. Бабушкина Подранда немо смотрела на нас из стеклянной урны. Тридцать пять дворов — горсточка земли... Могилка.

Докторка

Инна Васильевна подозвала девочек:

— Скоро отъезжаем, не уходите далеко. Постоите у Вечного огня.

На его фоне три берёзки, несмотря на молодую крепость, казались по-детски беззащитными. Вместо четвёртой прозрачно и невесомо возносилось к небу пламя, словно светлая, неуловимая взором человеческая душа. Огонь завораживал и пугал.

— Это во всей Белоруссии погиб каждый четвёртый. А на Витебщине — каждый третий. На Городокщине — каждый второй.

Учительница смокла.

— А вы, Инна Васильевна, войну помните?

Помнить войну она не могла: родилась в сорок пятом. Но почему-то ей казалось, что когда мама со старшей дочкой, пятилетней Неллей и трёхлетним сыном Толиком пряталась от карателей под густой разлапистой ёлкой в Щелбовском лесу, то и она, Инна, была вместе с ними в партизанском крае. Замирая от страха, шептала вслед за братиком, не научившимся ещё произносить все звуки: «Мама, тисе, тисе, не плаць г'омко — немти нас застлелють!».

Дождь стих, солнце вмиг подсушило и листву, и травы, и дорожки. Ромашки покачивали белыми головками. Небо, светлое, бездонно-голубое, дышало свежестью. Места какие! Берёзы, берёзы, берёзы... ширь да раздолье! Там, в Хвошне, Рудне, Езерище, где прошло её детство, такая же золото-полевая, духмяно-лесная благодать... Там доньше мужики землю пахут, бабы деток рожают. А здесь? Мерный колокольный звон вместо скрипа калиток и младенческого призывного крика: «У-ааа!». Щемяще-погребальный, надрывный, предупреждающий...

Её подопечные ребятишки рассыпались, разбрелись по каменно-пепельной Хатыни. Что они запомнят? Поймут ли? Как пронесут по жизни этот день?

...Звонок в Руднянской школе звучал непривычно долго: звал на встречу с подпольщицей, партизанкой Надеждой Архиповной Мирончик. Инна поправила пионерский галстук, одёрнула фартук, выпрямила спину, руки — на парте, как учили с первого класса. Дочь нынешней гостьи должна выглядеть достойно. Иско-

са девочка поглядывала на одноклассников — седьмой класс был в сборе, ребята шушукались, ждали.

Её мама возле учительского стола, сцепив пальцы в замок, молчала, всматривалась в лица ребят, словно не знала, с чего начать... Она была молода, всего сорок два года — и белёдые пряди... седина! Сколько раз слышала Инна о войне... Но от близких — скупое, вскользь, без подробностей: не любили, больно было. Всякий раз — больно.

— Рождается маленький человечек, — нарушила молчание Надежда Архиповна, — говорят, будто он — чистый лист. Что напишешь, то и получится. А так ли это? Каждый родитель мечтает о ласковом, умном ребёнке. В школе — светлому, доброму наставляют. Но приходит час, и делятся люди на героев и предателей. Одни жертвуют собой, другие, ради собственной шкуры, проливают людскую кровь...

Был же Адольф Гитлер маленьким мальчиком? Рос, учился, воевал. Стал верховным главнокомандующим вооружённых сил Германии. Издал приказ «Ауфбау Ост»: в новой войне уничтожить, превратить в рабов миллионы славян! «Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию охраны германского народа. Нам придётся развить технику истребления... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви...»

Семиклассники ахнули, возмущение, ропот прокатились по классу. У Надежды Архиповны дрогнули губы:

— Я иногда сомневаюсь: так был ли ребёнком этот Адольф? Хотел семьдесят пять процентов белорусов уничтожить! Двадцать пять — онемечить, оставив на

каждого немца-господина по два раба-славянина. Сжёг пять тысяч двести девяносто пять белорусских деревень, растерзал на нашей земле два миллиона двести тридцать тысяч детей, женщин, стариков... Нет, это не человек... Дьявол!

Школьники зашумели. Надежда Архиповна подняла руку — все мгновенно смолкли. Говорила она уверенно, горячо:

— Мне было двадцать четыре года, доченьке Нелле — три, сыну Толику всего один годик, когда началась война. Муж мой, Василий Иванович Мирончик, двадцати семи лет, партизанил. Я — в деревне. Куда ж с маленькими детками? Была мамой. И партизанской связной. Помогала раненым, пекла хлеб... Пока кто-то не донёс фашистам...

Сознание к Наде возвращалось медленно, хоть полицей щедро обливал её колодезной ледяной водой.

— Ты мне всё скажешь, сучка партизанская! Имена... Явки... Где твой муж?! — орал фашистский холуй, вытирая тряпкой забрызганные кровью руки и пособачьи преданно ожидая указаний немецкого офицера-хозяина.

Надя приходила в себя, понимая, что возвращается в маленькую каморку полевой жандармерии, где на её истерзанное тело снова посыплются жёсткие удары металлических шомполов. Боль — сверлящая, непрерывная, невыносимая. Сердце металось-колотилось в груди, в голове пронзительно-звонкий гул. Зачем вернулась сюда? Помнила, как стремительно она, невесомая, выскользнула из растерзанного тела и ринулась ввысь. Прозрачным шариком, совсем не ощущая боли, тыкалась в стены каморки, в потолок, пытаюсь найти выход, но его не было... «Господи! — кричала, звала. — Господи, помоги! Помоги-и-и-и!»

Не открывая глаз, застонала. Полицай, оставив пустое ведро, потянулся к шомполам. В это время болезненно тощій немец-жандарм неожиданно закашлялся и, похлопывая себя ладонью по груди, вылетел из тёмной, душной подвальной каморки. И вдруг Надя услышала тихий голос переводчицы:

— Андрей, ты ослеп, что ли? На ней места живого нет! Да если бы она что-то знала, уже давно всё рассказала. Разве можно вытерпеть такую боль? Не знает ничего! Наболтал Петька: приглянулась ему молодица, да отказала, — вот и мстит!

Истязатель оторопело уставился на бывшую учительницу немецкого языка:

— Откуда ведаешь?

— Бабы языками трепали.

Полицай почесал заросший щетиной подбородок.

— Гы-ы! Оболтус энтот домогался, а она не подпустила?!

Переводчица заговорила смелее:

— Слышь, Надька ведь — докторка по скотине. А у меня корова захворала, с выменем что-то. Боюсь, чтоб не околела. Скажи ты начальнику своему, пусть отпустит арестованную, мол, не знает она ничего про партизан, непричастная. Может, Рыжуху мою вылечит докторка?

Полицай молчал, сопел, водил мутным взглядом по забрызганному кровью потолку.

— Андрей, я ж тебя отблагодарю — самогонки дам, у меня цельная бутылка есть, для гостей берегла, — торопливо шептала переводчица. — И закусить найдётся.

...Надежда Архиповна вздохнула, посмотрела в окно. У забора напротив школы, с южной стороны, уже пробилась нетерпеливая зелень, мать-и-мачеха зазолотилась у калитки. Ещё неделя-две — и брызнут из набухших почек берез, лип, тополей, словно молоко из

переполненного коровьего вымени, молодые пахучие листья. Крохотная синичка в густом вишеннике, перелетая с ветки на ветку, неожиданно звонко запела-затинькала. И женщина улыбнулась.

— Переводчица служила у немцев по заданию партизан. А корова у неё действительно болела...

«Леший» на сене

Старушка в цветном платочке, щурясь на солнце, слушала, как звенит-поёт весенний воздух, как перекликаются сияющие чёрные, словно политые лаком, скворцы. Земля поспела, звала, и надо было торопиться: поздняя весна не оставляла времени на раскачку. Дочкины дачные сотки — не деревенские гектары, но и они подгоняли горожан братья за лопаты и грабли.

От Надежды Архиповны много не требовалось. Инна управлялась сама. Почистив от прошлогодней листвы клумбу у дома, она уже принялась вскапывать грядку под морковь и лук, которые всегда садила-сеяла рядышком для их взаимной пользы: запах ботвы и пера отгоняет вредителей-мух. Надежда Архиповна готовила лук к посадке — обрезать, замочить в растворе золы ей как раз по силам. Не могла она усидеть в квартире, когда земля наполнилась весенней силой. Радостно крестьянской душе ощутить, как рождается в семенах, луковицах, в крошечных сердцевинках клубничных розеток новая жизнь.

— Бог в помощь! — приветствовал соседей Михаил Семёнович Комаров, историк, до пенсии преподававший в колледже.

— Здравствуй, Мишенька! — обрадовалась Надежда Архиповна. — Вот судьба-то: в войну с тобой в одной деревне, теперь здесь — соседи!

Комаров присел на лавочку рядом с землячкой:

— Скоро уж семьдесят лет будет победе над фашистами...

— Господь даст — доживём. А мой Василий Иванович... С войны-то вернулся целёхонек — счастье какое! Да кто ж знал, что немного ему осталось? Заразился при вскрытии павших коней. Ветеринарами мы с ним работали тогда в Езерище. Никогда перчаток не надевал... Кто ж знал?

Надежда Архиповна высыпала лук в ведро, добавила золы, залила горячей водой.

— Чтоб в пуки не шёл. Прогреется лучок — цвести не будет, зато даст гнездо деток.

Михаил Семёнович достал из кармана прививочный нож:

— А я для внуков-правнуков хочу сегодня дичку черенками «коробовочки» прищепить. Сладкие у неё яблочки. Ребяшня их любит.

Надежда Архиповна склонила голову, заглядывая соседу в глаза:

— Мишенька, а сколько тебе, детка, было в войну? Немцев помнишь?

— С тридцать седьмого года я... Не только фрицев, вашего Василия-партизана помню...

* * *

Василиса Комарова накинула фуфайку, влезла в валенки и, повязавшись теплым платком, собралась в хлев: время корову подоить, пошло ей вынести, свежего сена подкинуть. Только за дверную ручку взялась, чтобы в коридор выйти, тут же и замерла. Вчерашний вечерний снег зычно скрипел под чужими ногами. Кинулась к заиндевевшему окошку, стала протирать на стекле кружок — кого принесло?

А что разглядывать? Маленький Мишка раньше неё

услышал треск мотоциклов. На них по деревне лишь немцы шастают — больше никому.

Василиса глянула в протаявший глазок, громко ойкнула, бросилась вон из хаты. Малец, как был, в одной рубашонке, валеночках на босу ногу, побежал следом, притаился за неплотно прикрытой дверью, приник к щёлке.

У широко распахнутых ворот на дороге были хорошо видны мотоциклы с колясками. Постукивая ногами в застывших на морозе сапогах, расхаживали немецкие автоматчики. Ещё двое фрицев с хохотом гоняли по двору кур, а поймав, скручивали им шеи, ощупывали, потрясывая в вытянутых руках, любовались добычей. Сбрасывали тушки в мотоциклетные коляски. Старший из немцев, краснолицый, толстопузый, пригнув голову, по-хозяйски заглянул внутрь сарая. Испуганные появлением чужака несушки с кудахтаньем бросились врассыпную. Неловкий толстяк погнался за курицей, которая неожиданно вспорхнула вверх, вверх, выше — на сеновал, манящий спасительной темнотой. Преследователь неуклюже полез следом, но шаткая деревянная лесенка, не желая соучаствовать в разбое, неодобрительно громко треснула под тяжестью чужака. Раздосадованный фриц сполз вниз, отдуваясь, отрясая с себя сено, которое прилипло к шинели, торчало из карманов, рукавов, из-под воротника. Выбрался из хлева, намереваясь отправить на ловлю удравшей несушки солдата, но увидел у двери хаты стоявшую в растерянности женщину.

— Матка, матка! — обрадованно закричал немец, тыча пальцем в сторону хлева, путь к которому был усыпан пёстрыми куриными перьями.

Василиса сообразила, что от неё требуется, но всё же нерешительно топталась на месте.

— Wir sind ihre Gastgeber! Sie sind verpflichtet auf uns zu hören, zu arbeiten und Deutsche Soldaten und Offiziere

zu nähren¹, — разъяснял толстый фриц, подталкивая женщину автоматом.

«Божачка ж ты мой! — карабкаясь на сеновал, мысленно просила она. — Всех несущек потравили... Пусть бы они подавились ими — гады!.. Господи, только б корову не тронули!.. Ой, хоть бы в хату не пошли — там же детки!» Василиса рванулась за притихшей у пустой корзины курицей и, падая вместе с нею в сено, вдруг заметила торчащую из него полу чёрного мужского полубубка. На мгновение замерла, хотела закричать, но, спохватившись, скатилась кубарем вниз, крепко прижимая к себе последнюю пеструшку.

Когда шум мотоциклов затих за деревней, женщина, приказав сыну не выходить из избы, подхватила ведро с пойлом, доёнку и снова поспешила в сарай. Ступала осторожно, прислушиваясь, вздрагивая от коровьих вздохов.

Вытерла бурёнке вымя, пыркнула первой струёй и, словно испугавшись звонкого возгласа молока, притихла. Сверху послышался шорох.

— Кто там? — решила Василиса.

Сено зашуршало, заворочалось, сдавленным мужским голосом попросило:

— Не шуми, Василиса Исаевна, я — свой!

— Свой дома по лавкам, а ты кто, что по чужим сараям прячешься? — осмелела женщина, поражённая тем, что её назвали по имени-отчеству.

Сено снова зашуршало, закашляло:

— Меньше знаешь — спокойнее спишь... Скажи, а где твой Семён Ананьевич?

Василиса побледнела, замешкалась. Но таинственный голос, хоть и намеренно искажённый, показался ей знакомым. Звучал спокойно, доверительно надёжно. Она напряжённо пыталась вспомнить, перебрала в памяти друзей мужа, соседей и наконец сдалась:

¹ Мы — ваши хозяева! Вы обязаны слушаться, работать и кормить немецких солдат и офицеров (нем.).

— Коль моего Ананьевича знаешь и от немцев прячешься, значит, свой... А Семён... На фронте он.

— Дети с тобой? Старшему, Петру, сколько годков будет?

«И про детей знает! Что ж это за леший в моём сене?» — ещё больше удивилась Василиса и сердито ответила:

— Дома дети. Мал мала меньше. Что ты прицепил-ся? Если бы фриц нашёл тебя, то спалил бы и дом, и меня, и детишек. Сам знаешь.

— Не сердись, — потеплел глухой голос. — Где они сейчас?

— Убрались в полицейский гарнизон. Жрать моих кур!

Незнакомец, так и не показавшись хозяйке, спросил ещё про соседей, полицаев, старосту — бывшего председателя сельсовета. Попросил оставить хлеба и молока...

Наутро, когда хозяйка снова появилась в хлеву, сено молчало. На снегу от дверей, в сторону кустарника, заметно отпечатались подошвы мужских галош, перевязанных веревкой. Василиса схватила метлу и, широко размахивая ею, скрыла предательские следы. Кинула метёлку в сарай, с надеждой посмотрела на пасмурное небо...

Надежда Архиповна поставила ведро с луком на крыльцо, недоверчиво покосилась на соседа:

— И где же, когда видел ты моего Василия Ивановича?

— После освобождения, в сорок четвёртом. Однажды в баню (лишь она из нашего хозяйства уцелела и хоть была без крыши, но дала семье временный приют) заглянул Мирончик. Высыпал на стол пригоршню кускового сахара. Невиданная щедрость по тем временам! Мать всплеснула руками, молча опустила на лавку...

— Помнишь ли, Василиса Исаевна, партизана, что на твоём сеновале прятался?

— Как не помнить? Страху натерпелась, — вздохнула женщина.

— Кто это был, догадалась?

— Где там! Вроде бы голос знакомый...

Гость привстал, поклонился:

— Благодарствуй, Василиса Исаевна! То ж — я, Мирончик. Жизнью тебе обязан!

Тихо ойкнув, Василиса потёрла покрасневшие глаза краешком головного платка, пристально посмотрела на гостя, бывшего колхозного ветеринара. И вдруг резко бросила:

— А нашли бы немцы тебя, что с нами? Пятеро у меня, пятеро! Думал, в чей двор идёшь?

— С краю же хата, — виновато пояснил Мирончик. — А для фрица я гранату припас.

— Взорвал бы и хлев, и корову, и нас к смерти приговорил! — заключила Василиса. Но остудив себя мыслью, что былое прошло, закончилось благополучно, живы они, здоровы, а Василий партизанил за них, за всех, по-бабьи ткнулась гостю в плечо, всхлинула.

— Слава Богу, живой! Ты прости... У меня в ушах крик партизана... Как ты, в хате одной прятался. Уйти далеко не успел. По следам на снегу выследили беднягу в лесу собаки-полицейские. Когда через Хвошно везли его в Езерище, кричал, чтобы семье на Урал сообщили, погиб, мол, в борьбе с фашистами... А я, грешная, имя-то его, фамилию... Только голос в ушах и сам он, как сидел на санях, окровавленный, со скрученными руками...

Вестница

Инна вскопала грядку, присела на скамейку.

— Всё о войне, Михаил Семёнович?

— Ты вот войны не ведала, а родители наши... —
Сосед вставил в чехол прививочный нож

— Отца помню, восемь лет мне исполнилось...

На дорожку перед дачниками опустилась бабочка, неслышно похлопала крылышками, словно ладошками, широко раскрыла их, замерла.

Инна смотрела на хрупкую вестницу летнего тепла. В памяти тотчас же пробудился давно прочитанный рассказ о бабочке-душе некоего умершего неверующего человека, которому Господь дал возможность вернуться в мир в таком обличье, чтобы умолить живых помолиться о нём — о прощении его грехов. Уж коли покинул Божий мир — поздно просить самому. Христос наставлял: «В чём Я найду вас, в том и буду судить». Всякий раз, когда мотылёк доверчиво порхал рядышком с Инной, она замирала: вдруг это чья-то нераска-янная душа?

Михаил Семёнович, тоже наблюдавший за бабочкой, словно проник в размышления соседки:

— О детстве напоминает красавица... Война войной, весна же всё одно — в радость была. Бабочка... — вестница она!

...Тесто Мишкина мать всегда замешивала на ночь, приговаривая, что хлеб суеты и яркого света не любит. Ставила кадку у печи, накидывала поверх неё старые тряпки, чтобы в глаза не шибко бросалась. Вдруг чужака лихо принесёт? Незваные гости потому так и называются — никогда не знаешь, когда переступят порог. Сама Василиса только приляжет на полати, уж и поднимется. Рано-ранёшенько, до рассвета — шебуршит, шебуршит...

Мишкин нос хлебный дух сквозь сон чуял. Начинали ноздри поддёргиваться, словно кто соломинкой дразнил. Потом в глотке пересыхало... Заканчивалось всё чиховкой. Мишка просыпался.

— Не заболел, случаем? — больше для порядка спрашивала мать шёпотом, чтобы не разбудить остальных детей.

— Не-е, пахнет вкусно — аж в животе бурчит! — приподнимался на локтях.

Василиса оглядывалась на дверь.

— На чужой каравай — рот не разевай!

Мишка не уточнял, зачем мать печёт не свой, а чужой каравай: знал малец, что дальше последует совет «закрыть роток на замок» и спрятать голову под одеяло, будто ничего не видел, не слышал.

Хата Комаровых, крайняя, у самого кладбища, за которым начинался непроходимый кустарник, приглянулась партизанам. От недобрых глаз скрыта; дорога, лес — рукой подать; хозяйка — справная, трудяга. Хоть ей детишек, вечно голодных птенчиков, кормить надо, драгоценным куском делилась.

Немцы, когда «новую» жизнь в Хвошне устраивали, каждой семье надел земли дали. Не по доброте, — чтобы для великой Германии хлеб, мясо растили. На крестьянское пропитание оставалась малость. Этими крохами и делилась Василиса Исаевна.

В окошко уже проникал тусклый луч зимнего рассвета, когда Миша услышал шелест за занавеской. Он вскочил, отодвинул шторку и застыл: в оконное стекло билась бабочка! Настоящая, живая бабочка, раньше времени разбуженная печным теплом.

— Мама! — вскрикнул мальчик и замолк, поперхнувшись словом. С горы, на которой возвышались красные кирпичные стены хвошнянской церкви, в деревню спускались фашисты. Они шли длинной цепью, с автоматами наперевес.

— Немцы! — Мальчишка метнулся к матери, уже выносящей из дома в мешке пахучие хлебы.

— Немцы! — указывая глазами на гору, глухо повторила Василиса бородатому партизану.

Свистнули плётки, развернулись сани, кони рванули по дороге за поворот, в сторону леса...

Гитлеровец перевёл взгляд со свежих следов, ключев сена, разбросанных по двору, на хозяйку.

— Партизан?

Василиса понимала, что отрицать — беду кликать, и утвердительно кивнула головой — будь, что будет...

— Was... делать партизан? — фашист направил на женщину ствол автомата.

— Что, что — хлеб искали, сало просили, соль, масло! — отчаянно осмелела Комарова. — А где я им возьму? Все пану старосте сдала для господ немцев...

— Где? Где пошёл партизанэн?

Василиса махнула рукой в сторону кладбища. Господи, спаси, сохрани, помилуй их!

Позже Мишка узнал, что это были не тыловики-немцы, а люто жестокие финны, служившие в германской армии.

* * *

Шли долго. От деревни Комары, где жили в землянке, после того как оккупанты выгнали из хвошнянской хаты, до железнодорожной станции в Бычихе. Хмурые конвоиры молчали, лишь изредка покрикивали на отстающих, грозя автоматами. Женщин и детей гнали в Германию. Торопились: канонада отчётливо доносилась с северо-востока.

Миша устал, не попевал за взрослыми и старшими ребятами. Его подхватил на руки пятнадцатилетний брат Василий.

— Куда мы? Зачем? — хныкал продрогший на осеннем ветру ребенок, ухватившись за тонкую шею подростка.

— Тихо, а то немцы пристреляюць! — шептал брат, задыхаясь от тяжести.

— Куда нас ведут? — не отставал Мишка, оглядываясь на мать.

— На поезде поедем... А можа... — переглянулся с Петром, тащившим на спине мешок с пожитками, собранными в дорогу.

К вечеру добрались до станции. Поезд в Германию прибывал рано утром...

Стемнело быстро, непроглядно; гудел ветер. Дребезжала, билась о крышу оторванная жестянка. Петр и Василий перешептывались, глаза их, освещённые светом подходящего к станции товарняка, поблескивали. Конвоиры где-то грелись.

Поезд замедлил ход, пыхтя, тяжело ухая, остановился. Патруль, осматривающий состав, миновал комаровцев, исчез в завывающем мраке. Петя, подтолкнув Мишку, нырнул под вагон:

— Ползи, ползи скорее!

Следом за ними, словно ящерки, метнулись под поезд Василий, старшие сёстры Тася и Люба.

— Мама, мама, чего ждёшь? — выглянул из-под вагона Петр. Василиса Исаевна отчаянно мяла в руках узелок. Детей рядом уже не было. Ещё раз оглянувшись по сторонам, ринулась в темноту...

Наступление

Деревня Шикурово, под Вировлей, кишела немцами. Однако человек в форме солдата гитлеровской армии крался к хате огородам — осторожно, пригибаясь, прячась за кустами и деревьями. Прижимаясь к стене дома, он приблизился к окну, замахнулся, но тотчас опустил руку со связкой гранат:

— Мать честная, чуть было детишек и баб не подорвал! — охнул, вытер взмокший лоб. Тихонько постучал.

Миша прильнул к стеклу — испуганно отпрянул:

— Немец!

Ребятня на печке притихла, бабы, крестясь, зашептали: «Божачка, смилостивись!..». Старушка-хозяйка, приютившая в доме сбежавших от Германии Комаровых и ещё две бездомных семьи, поправила фартук, решительно поковыляла в сени: сама не откроешь, так дверь вышибут.

— Тише, мать! Не бойся, — человек проскользнул в хату, оглянувшись, плотно прикрыл за собой.

— Свой я. Командир Красной армии. Думал, что в хате фашисты... Вот что, бабоньки, с минуты на минуту наступление начнется. Вам тут не уцелеть. Все быстро в сухую балку. Спрячьтесь там. Предупредите других...

Миша вместе с Василием и мамкой забился в яму — углубление в стене рва. Рядом укрылись Петя с Любой и Таисой. Деревенские мужики, тётки с детишками втиснулись в норы балки — когда-то здесь рыли глину. И тут же небо вспыхнуло огнями ракетниц, рывкнули пушки, застрекотали пулеметы, без передыху затрещали автоматы.

За рвом, на той стороне, что хорошо просматривалась из укрытия, гитлеровцы бежали под огнём артиллерии, спотыкаясь о трупы, даже не пытаясь отстреливаться. Грохот орудий глушил голоса и команды, и лишь изредка доносились вскрики раненых. Раскалённые снаряды, осколки впивались в мёрзлую землю, чёрные брызги осыпались, кровянили снег...

— Мамочка, страшно! — Миша прижался к Василисе Исаевне, зажмурился. Его тельце колотилось дрожью — от испуга и холода. Второпях Комаровы не успели даже одеться потеплее, а к ночи такой мороз...

По снегу вниз скатились люди в шинелях. Поднялись

и, пошатываясь, двинулись по дну балки. Миша вглядывался в приближающиеся фигуры. Немцы! В крови, оглушённые, затравленные. Шли, шли мимо Миши, мимо спрятавшихся от обстрела людей, не обращая на них внимания...

А воздух содрогался, выл, свистел, стонал, взрывался и полыхал... Плавился снег. Закипала земля... На открытом поле падали, падали немцы. Скатывались мёртвыми на дно балки...

И вдруг стихло, замерло...

Деревенские в овраге ожили, зашевелились.

— Кажись, закончилось?

— Пора и нам выбираться!

— Погодь ещё...

— Чего ждать-то? Окоченели на морозе...

— Зато живые!

— По хатам пора...

— Сиди! Видел, как наши немцев косили?

— Так мы ж не немцы, мы свои...

— Пуля — дура, ей всё одно...

Мишка непослушными пальцами тёр замёрзшие уши. Тишина мягко, настойчиво окутывала его — хотелось спать, спать...

В соседнем укрытии заплакал ребенок. Женщины испуганно зашикали. В темноте Миша смутно увидел, как приподнялся, выпрямился во весь рост человек:

— Пойдём да хаты! Можя, усих немцев ужо побили.

— А давай! — решительно поднялся ещё один...

Смельчаки стали карабкаться наверх. Люба Комарова выползла из укрытия, затопала окоченевшими ногами.

— Мама! — позвала Василису Исаевну. — Я тоже с ними...

И смолкла. Упала на снег. Заголосила мать. Покатились назад, в ров, шикуровцы. Пулемёт взрывал и взрывал непрочную ночную тишину, с металлическим

дребезгом усыпая снег ледяными брызгами истерзанной земли...

Бой прекратился только к утру. В четвёртом часу деревенские, цепляясь бесчувственными пальцами за уцелевшие ветки кустарника, торчавшего из-под снега, осторожно выкарабкались из оврага на поляну. Мужики помогли поднять наверх раненую Любу, обессиленную, потерявшую много крови. В темноте пробирались к дому медленно, то и дело спотыкаясь о застывшие вздыбленные комья земли, разорванные снарядами мёртвые тела.

Миша поскользнулся, упал, но не в снег, а на что-то мягкое, тёплое. Поднял голову, всмотрелся. Нависшая над полем густо-тёмная дымная завеса немного рассеялась, тусклый лунный свет скользнул вниз. Миша увидел огромный влажный глаз, который впился в него чёрным неподвижным зрачком. Лошадиное тело под мальчишкой вздрогнуло, прохрипело.

— Ма-мо-очки-и! — подскочил, бросился прочь. Бежал, бежал через страшное месиво крови, земли, снега, тел, среди криков и стонов — со всех сторон...

Хата, приютившая Комаровых, в бою выстояла. Приветливо скрипнула дверь, пропуская страдальцев в не выстывшую за ночь горницу, к спасительнице-печке. Мишка прижался тельцем к белёным кирпичам и почувствовал, как свело скулы, застучали зубы, заколотило всего — не согреться, никак не согреться.

— Полезай наверх! — приказала мать, подтолкнула, помогая взобраться на печь.

Любу уложили на полатах, Василиса Исаевна с тётками захлопотала возле неё. Сняли набухший кровью валенок, обмотали ногу чистым полотенцем. Мужики притихли за столом. Что теперь делать? Куда кинуться? Решили дожидаться утра.

В сенях зашумело, отворилась дверь. Мишка высунулся из-за печного каптура¹. Все, кто был в хате, разом повернули головы. Опираясь руками на автомат, у порога стоял окровавленный солдат. Свой. Русский.

— Братцы, помогите! — и рухнул на пол без памяти.

Старшие братья Комаровы затащили бойца в хату и растерянно оглянулись.

— Куда его?

Дед Прокоп скомандовал решительно:

— От греха подальше! Положите, чтоб в глаза не кидался, за стол. Скатёрку опустите ниже! Прикройте чем, бабы!

Мишка почти согрелся, озноб в теле унялся. Дремота навалилась на веки, глушила назойливый звон в ушах. Засыпая, он всё же слышал, как во дворе заржал конь, в сенях снова лязгнула лямка, хлопнула дверь. С трудом приоткрыв глаза, Мишка различил немецкого офицера. Тот молча прошёл в хату, тяжело опустился на лавку у стола. Неожиданно в горле у него что-то булькнуло, темная густая кровь потекла по синюшной обвисшей губе. Немец в смятении обвёл сидящих рядом людей угасающим взглядом и вдруг обмяк, голова его безвольно опустилась на грудь. Мужики засуетились, подхватили вражину за руки, за ноги, вынесли из дома, положили за сараем.

Сон овладел Мишкой, сладко посапывающим на печи. Ему снилась родная хвошнянская хата, ярко освещённая летним солнцем, мамка с дымящимся чугуном у стола.

«Сынок, подвинься! Что расселся на лавке, как пан? Дай-ка гостю место», — просит Василиса Исаевна.

И видит Мишка, что стоит возле него фриц проклятый. Вылупился на чугунок со щами. Этот немец — гость?!

«Ты что, мама!» — хочет закричать негодующий

¹ Каптур — верхняя часть печи, где проходит дымоход.

Мишка, старается изо всех сил, а получается одно только мычание.

«Гут, гут,» — виновато бубнит фриц и устраивается за стол рядом с мальчиком. В шинели, в грязных сапожищах. Обнимает за плечи...

Спит Мишка и не знает, что и вправду устроился рядом с ним на тесной печке немец. В шинели, в сапогах. Прижался к мальчишке, обнял его холодной рукой. «Гут! Гут!» — и забылся тяжёлым сном.

К рассвету немцев набилось в хату много. Как только поместились все? Принесли офицера, раненного в живот — внутренности вываливаются. Талдычат что-то по-своему, показывают, мол, перевязать его надо.

Василиса Исаевна подошла, глянула на кишки, за сердце схватилась и — в обморок...

Проснулся Мишка от звона разбитого стекла и выкрика:

— Выходи все! Мирное население — направо, остальные — налево!

— Миша! Миша! Слезай скорей! — тащил брата Василий. — Наши там... Пойдём, а то не разберутся, увидят, раз немцы тута, так и мы с ними. Расстреляют вместо полицаев...

Раненый гитлеровец, лежащий на полатах, что-то кричал-просил, цеплялся за бегущих из хаты людей. Изловчившись, он ухватился за Мишино пальто, повис, держась за его хлястик. Вася остановился. Не глядя на фрица, рванул брата к себе. С треском оторвавшийся хлястик остался в руке у раненого. С обречённым воем он съехал с полатей на пол.

На дворе толпились люди. Миша, ничего не понимая спросонок, потянул Василия в сторону сарая — там свободнее.

— Не-е-е-ет!!! — испуганно-отчаянный крик Василисы Исаевны остановил их. — Вернитесь! Не туда!

Назад! — звала она истошно, пытаясь прорваться к сыновьям.

— Товарищ командир, это мои малые... сыны мои... перепутали... глупые они!

У Мишки вдруг закружилась голова, перед глазами поплыли плачущие тётки, усталые солдаты, растерянные мужики, корчащийся на снегу раненый боец: «Пристрелите меня, братцы!.. Пристрелите, братцы!»... Угрюмые жалкие немцы... Васька, тянущий его за руку к матери... Русский командир с автоматом наперевес, щёлкающий затвором и кричащий срывающимся голосом: «Гады!!! Сволочи-и-и!!! Из-за вас погиб мой друг! Убью-ю-ю! Гады!»...

* * *

— Так мы дождалась освобождения, — закончил Михаил Семёнович свой рассказ.

— А ты ж мой Мишенька-а-а! — растрогалась Надежда Архиповна, ласково погладила соседа по седой голове. — А хлебнул же ты горюшка, мальчик мой.

— Ну, не больше вашего, Архиповна. Это Инночке повезло. Она с какого, с сорок пятого?

— С сорок пятого. Юбилей вместе с Победой отмечать будет. Я уж, поди, не доживу, — улыбнулась старушка.

Михаил Семёнович не торопился расставаться с прошлым.

— А после войны... У нас в деревне люди без хат зимовали — в землянках. Даже на кладбище жили. Да, да! Гробы с покойниками у деревьев прислонённые, а люди в склепах... Поле — лопатами... Голод. Нам ещё повезло — на огороде две убитых немецких лошади...

Надежда Архиповна оживилась:

— Гегель собирали, ростки такие чёрные. Добавляли очистки...

Михаил Семёнович поднялся со скамьи, приложил ладонь ко лбу, глянул на небо. С запада надвигалась туча. Мрачная, грозовая.

— Засиделся я с вами, бабоньки! Дождь скоро. Гроза. С прошлого года не слышал, — медлил, не уходил, тяготили думы. — Вот ведь дело какое! Полдеревни мужиков не вернулось, сгнули. От государства — налоги крестьянину да запреты. Опять же — займы. В животе пусто...

А песни пели! Советские песни. Хорошие. Спокойно было на душе. Мирно!

Вдалеке громыхнуло. Порывом ветра закачало на веревке полотенце.

Сосед, кивнув на прощанье, зашагал к себе на участок. Инна Васильевна бросилась убирать со стола пакетики с семенами. Надежда Архиповна, не шелохнувшись, смотрела уходящему вслед — не седому, сутулому, пожившему, а худенькому, спасённому чудом мальчишке...

Первая гроза

Неожиданно полыхнула молния, рассекая небо огненным мечом. Загремело яростно, грозно. Крупные капли, ударяясь о землю, рассыпались мелкими брызгами. Дождь барабанил всё быстрее и быстрее, вскоре он уже хлестал по окнам, траве, деревьям, обламывая хрупкие веточки, срывая листья. По дороге, пенясь, неслись, бурлили ручьи...

Не отрываясь, я смотрела в окно на потоки воды, а в голове звучали откуда-то всплывшие строки:

...Спросите вы у тех солдат,
Что под берёзами лежат,

И вам ответят их сыны —
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны!

Небо тоже скорбело... Боль рвалась наружу.

Не только за свою страну
Они погибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно ночью спать могли...

Взглянула на компьютер. Вспомнила! Фотография убитого вчера во время бомбёжки в Донецке ребёнка! Маленький мальчик. Ручки связаны бинтом на груди. Ножки в цветных носочках... Ещё сообщение: в Горловке погибла семья. На снимке молодые родители и двое мальчишек, очень похожих на моих племянников... И фамилия. Такая, как у моего отца! Он же рассказывал, да, рассказывал, что дядька его из Дубровенского района Беларуси на Донбасс уехал... Родственники?! Неудержимо хочется заплакать...

...Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю горькую свою.
Спросите вы у матерей,
Спросите у жены моей,
И вы тогда понять должны —
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны!¹

¹ «Хотят ли русские войны» — популярная советская песня. Слова Е. Евтушенко, музыка Э. Колмановского.

Открыла телефонный справочник. Давно, давно думала позвонить... Отыскала номер председателя Вировлянского сельского совета:

— Здравствуйте! Скажите, деревня Подранда, сожжённая вместе с жителями во время войны, — территория вашего сельсовета? Тридцать пять дворов. Не возродились. Семьдесят человек сгорели заживо в ноябре сорок второго...

Зверствовали немцы, полицаи, может, такие же убийцы-бандеровцы, как в Хатыни и сейчас на Украине... На месте Подранды нет памятного знака! Ни креста, ни камня, ни обелиска... Мы должны сохранить память, передать её потомкам. Живые — живым.

Небо снова осветилось молнией. Стихло быстро, как началось. Свежо, ясно, знобко.

Только после первой весенней грозы так сияет, переливается, играет солнце!

НЕБЕСА НА КОРОМЫСЛЕ

«Наставница»

Ресторан «Радуга», в былые времена единственное в городе вечернее заведение общественного питания, шумел по поводу тридцатилетия выпуска десятого «а» класса, в котором когда-то учился и Славик Новицкий, и все мы. Раскрасневшийся от волнения, суеты праздника он присел рядом с нашей бывшей учительницей истории и завучем Любовью Антоновной Курганович.

— А я любил ваши уроки, Любовь Антоновна. Любил! Честное слово!

— Помню, Славик, помню, — в её голосе улыбке чувствовалась материнская ласка. Сами уже родители, мы для неё так и остались детьми.

Время не изменило нашу учительницу: всё та же статность, гордая посадка головы, зоркий взгляд. Причёска другая, седина, ни единого тёмного волоска. И по сей день Любовь Антоновна не покинула школьных стен. Опекает созданный ею же музей Великой Отечественной войны.

За столом я оказалась напротив учителей, рядом с Новицким. В очередной раз с удивлением отмечала про себя, что Славик, теперь уже Вячеслав Павлович, совсем не заикается, и тут же припоминала: и в школьные годы свою любимую поговорку «Пятнадцать человек на сундук мертвеца!» он всегда произносил легко, с задорным оптимизмом. Славик любил приключения, пу-

тешества, не раз прочитал «Остров сокровищ». После школы стал метеорологом, настоящим «морским волком». Избороздил мировые океаны, побывал в чужеземных странах — в те времена для нас это было только мечтой.

А я любила историю? Нравились мне все предметы. История тоже. Но сколько событий, дат... Эти цифры внушали панический ужас: как можно всё запомнить?

Но мы были убеждены — нет таких событий в мировой истории, о которых не знала бы Любовь Антоновна. В строгом костюме, с красивой, высокой причёской гладких темных волос, в туфельках на каблучках, с обязательной длинной указкой, следовала она по школьному коридору, вытянувшись в струнку, словно на армейском плацу. На ходу подмечала нарушителей дисциплины. На её уроках царила тишина. Даже самый ленивый, не заглядывая в учебник, мог потом пересказать тему «на троечку».

В выходной день или будним вечером она могла неожиданно появиться дома у кого-нибудь из нас.

...Во дворе хлопнула калитка. Пёс рванулся на цепи и залился лаем. Я прильнула к замёрзшему окошку... Навестила! Добралась завуч и до меня. Догадаться о причине было несложно: выпускной класс, а в моей чумной голове только роль в спектакле народного театра, кадрили на очередном концерте, лыжи в детской спортивной школе и... танцульки в доме культуры по субботам!

Последнее, по мнению взрослых, было возмутительно. Какие ещё танцы-обниманцы? Какие провожания-обожания, любовь-морковь? Эк-за-ме-ны на носу! Любовь Антоновна могла нагряться в ДК в самый разгар плясок, на которые после предметных консультаций в школе девчонки бежали прямо с учебниками подмышкой. Парни постарше посмеивались над ними, называя

«букварями». А «буквари», завидев «воспиталку», хватали книги и улепётывали кто куда...

— Проходите, проходите, пожалуйста! — засуетилась моя бабушка. — Случилось что?

— Не волнуйтесь, Евдокия Фёдоровна. Посещаем учеников на дому. Сами понимаете — класс выпускной. Девочка ваша должна подготовиться в институт. Не говорит, куда надумала?

«Фу-у-у... кажется, пронесло, — радовалась я, прислушиваясь к разговору из своей комнатки. — Наша Любовь Антоновна — человек!»

* * *

Братья, Захар и Фёдор Косинцы, складывали в поленницу дрова, напряженно прислушиваясь к таинственным звукам, изредка доносившимся из бани. Угроздило же родителей седьмого ребенка... Им скоро внуков годовать, а они — туда же. Перед парнями даже неловко...

Антон Петрович молча ставил на колоду осиновый чурбак, взмахивал топором... Тяжело дыша, откидывал поленья с обнажившейся красноватой плотью в сторону, — снова взмах топора...

Младшая из Косинцев, Анечка, сидела с сестрой Маней на скамейке у школы, которая размещалась во второй половине хаты, и, загибая пальцы, гадала: «Мальчик, девочка, мальчик, девочка...». Девочка, конечно, лучше. Старшая сестра Степанида вот-вот замуж выскочит — восемнадцать, старая тетка! Захар и Фёдор на девок заглядываются, на посиделках невест выбирают. Илья с пацанами пропадает... Да и во что с ним, с мальчишкой, играть? Манька, старшая, — задавака... А родится девочка — будет Ане сестричка-подружка!

Маня, поглядывая на баньку, имела свой интерес: первой разнести по деревне новость. Мамка не сомневалась, что родится девочка. Укоряя Маню за нерасторопность в каком-нибудь деле, говорила: будет тебя младшая сестричка наставлять...

Все ученики уже давно разошлись по домам, радуясь неожиданному выходному, и теперь опередить Маню ни у кого не получится!

Младенец заявил о своем появлении звонко, требовательно. Бабушка Акулина, раскрасневшаяся, сияющая, в белом платке, отворила дверь из предбанника, охнула:

— Антон, Антоша, с дочкой тебя!

Отец воткнул топор в колоду, пригоршню снега сыпанул себе в лицо, вытерся рукавом холщовой рубахи и растерянно, словно впервые стал родителем, прошептал вдруг осевшим голосом: «Сынки, Любовь Антоновна у нас, стало быть...».

— Наставни-ца-а-а-а! — заорала Маня и помчалась с сообщением к учительнице. — Наставница, родилась! Девочка!

Так и прилепилось к Любочке второе имя — «Наставница».

Шел 1928 год. До начала войны оставалось тринадцать лет...

Немцы

Петухи на деревне проголосили во второй раз, Люба проснулась. Прислушалась к отдаленным и близким крикам, показалось, что кто-то плачет. Может, и правда, мамка не спит на своей половине? Неделя будет, как Аннушку схоронили...

Девочка посмотрела на пустую подушку рядом с собой, осторожно подняла вылезшее из насыпки перыш-

ко-пушинку, дунула на него, отпустила. Перышко легко взлетело, перевернулось в воздухе, снова медленно опустилось на Анину подушку. Люба всхлипнула...

Еще не высохли слезы по отцу, который умер два года назад от сердечного приступа, а тут и Аннушка. Докторка сказала, что если бы раньше привезли сестру из Волкович в Кохановскую больницу, то была бы она жива. Но Аня терпела, молчала, что в боку болит. Девка на выданье, а тут — живот! Мало ли кто что подумает? Доверилась только Мане, жившей с мужем своим домом, пожаловалась, когда та по пути в сельсовет заглянула к младшенькой.

Маня секрет не сдержала... Мамка полыни, тысячелистника, ромашки заварила, настояла, отпаивала, отпаивала Аню, но тоже — молчала. У больной по телу темные пятна пошли — заражение крови... Чего стыдились-то? Люба понять этого не могла, а потому обижалась на Аннушку и на мать: нет теперь у нее роденькой сестрички-подруженьки... А докторка бы вырезала этот аппендикс!

Солнце все смелее заглядывало в окна дома Косинцев. Люба слышала, как мама звякнула ведром, пошла в хлев управляться со скотиной. По улице уже разносился ленивый собачий лай, а вскоре коровье мычание, бряцание цепей, стук ворот, калиток, бабьи голоса. Люба легко вскочила с постели, побежала во двор, чтобы помочь матери выгнать буренку на пастбище.

Лозовая хворостина как всегда ждала её под стрехой сарая. Лобатая Звёздочка, завидев девочку, с готовностью направилась к воротам, обмахивая хвостом лоснящиеся чёрно-белые бока. Но Люба вдруг остановилась, прислушалась. Грозный гул нарастал, нарастал, нарастал...

Тяжёлые грузовики двигались по деревенской улице. Девочка чуть приоткрыла калитку, отпрянула назад. Немцы!

Уже прошёл целый месяц, как началась война. Но она гремела в стороне... Там разгоралось в полнеба зарево. А у них в деревне было тихо. По призыву ушли с односельчанами старшие братья, да вскоре вернулись. Сначала Федор, которому удалось выбраться из окружения, потом Захар. Он добрался до Орши по направлению военкомата, а там уж фашисты... Про Илью в семье ничего не знали. Служил младшенький в армии с 1935 года, воевал с финнами, командовал танковой ротой на Псковщине... Где теперь?

— Назад! В хлев! На место! — зашептала Прасковья Федоровна, загоня Звёздочку в сарай, от греха подальше. — Люба, быстро в хату!

Однако девочка прильнула к щели между створками ворот. И боязно, и хочется на гитлеровцев поглядеть. Машина остановилась, не доехав до хаты Косинцев. Из клубов дорожной пыли, громко переговариваясь, гогоча, будто гуси у кормушки, показались немцы. В касках, с автоматами, они двигались уверенно, развязно, осматривая деревню. Заметив у дома тётки Ани Гаевской Красуху, направились к ней. Растерянная хозяйка держала корову за рога, надеясь, что беда минует, но вдруг поняла, догадалась и, закрывая кормилицу собой, повернулась к немцам лицом с потемневшими от ужаса глазами. Взмолилась, запричитала:

— Паночки, змилуйтесь... паночки, не забирайте... деточки ж у меня... с голоду ж помруць!

Немцы окружили корову, смеясь, похлопывали её по крутым бокам, тыкали пальцами в мясистые широкие бёдра. Офицер с брезгливым лицом направил на молодую женщину автомат:

— Матка, вон! Шнель, шнель!

— Пан, не надо! Пан, не забирай! — заголосила тётка Аня, обнимая Красуху за шею.

На крики из хаты выскочили дети. Перепуганные малые Тома и Витя вцепились в материнский подол,

прячась под серым фартуком, жалостно заплакали, размазывая слёзы кулачками. Старшие, Верка, ровесница Любы, и восьмилетний Володя, подхватили малышкой на руки, угрюмо глядя на фашиста, уговаривали мать:

— Мама, отойди! Мамочка, не спорь... Отойди. Отдай... Убьёт.

Немцы, сняв каски, громко гоготали, — стоя в стороне, ожидали, что будет дальше. Офицер уже раздраженно гаркнул:

— Матка, вон! Айн, цвай, драй! — и надавил на курок.

Тётя Аня упала не сразу. Голова её вдруг дёрнулась, наклонилась... Светлая косынка заалела, словно занялась пламенем, набрякла и, потеряв легкость, медленно поползла вниз. Всегда ласковые натруженные руки тёти Ани всё ещё крепко держали корову...

Прасковья Фёдоровна не помнила, как оказалась в хате, щёлкнула щеколдой, закрывая за собой дверь, рухнула на колени:

— Боженька, смилуйся! По велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих... — Дрожащей рукой она творила крест, а слёзы текли, текли по обветренным, обожжённым солнцем щекам. — Любушка, молись, молись, детка... Господь не оставит, Он не попустит! — Прасковья обняла перепуганную, застывшую рядом дочь. — Он же всё видит, всё... И дед мой, и бабушка учили, чтоб молились, просили... Спаси, сохрани нас от всяческих бед! И кормилицу нашу сохрани, Господи!

Схованки

Немцы ни зимой, ни летом в деревне не стояли. Мужики, кто остался, землю пахали, исконным крестьянским делом занимались: каждый клочок земли засева-

ся, убирался. Урожай прятали. Ни зёрнышка фашистам не отдали.

Ещё роса не просохла, во двор к Косинцам заглянул дежурный староста Спиридон Телешев. Увидел Прасковью, которая у хлева секла поросёнку хряпы — мокрицу, лебеду, что успела нарвать по картошке, облегчённо выдохнул:

— Доброго здоровьица, хозяйка! Принимай эстафету. Я на должности енттой проклятой оттрубил, тебе дуду передаю. Очередь подошла командовать и за порядок перед немцами отвечать. — Он протянул Прасковье палку, обыкновенную, струганую, гладкую.

Это был знак власти. Передавали его от хаты к хате через неделю. Кто в деревне эстафету такую придумал, уже позабылось. Но действовала она отменно: властью не злоупотребляли, не доносили, не предавали.

Хозяйка вытерла руки фартуком, безрадостно приняла знак.

Телешев вполголоса предупредил:

— У Петра ночью схованку почистили. Видать, плохо замаскировал, без хитрости. Из своих кто-то...

— Ой, беда Петру, чем детей кормить будет? — откликнулась на чужое горе Прасковья.

Спиридон посмотрел на неё ласково:

— Ты о своих думай... Своё добро спрячь получше.

— А что мне прятать-то? — возразила Прасковья. — Полицаи в прошлый раз понаехали — всё подчистую вымели. Чтoб их, ненасытных, нечистая побрала!

Проводив хромоногo Спиридoна до калитки, она поспешила в дом. Положила «эстафету» на полку в чулане, бросилась назад в хлев. Зачерпнула жестяной навозную жижу, плеснула на поросёночка и прямо рукой стала щедро размазывать её по спине, бокам, даже уши вымазала. Фрицы грязь не любили. Брезговали. А полицаи своим господам подражали, тоже нос воротили.

Обмыла руки в корыте, что стояло под стрехой с дождевой водой на доньшке. Заглянула через плетень в огород. Схованки, а их было несколько, чтобы не весь запас пропал, если полицаи про какую-нибудь пронюхают-догадаются, надёжно поросли травой. У той, что шла от самого дома, крышка, покрытая дёрном, тоже не вызывала подозрений — была незаметна. Рядом лежал навоз, который специально здесь сгрудили, чтоб ни у кого не возникло желания топтаться поблизости.

В этой схованке сыновья прятали оружие. Приносили его Витя Олейников и Доронин Иван, которые по заданию партизанского командования работали у немцев в гарнизоне, в Застенках, что в полукилометре от Волкович. Однажды притащили пулемёт. В подполье он не поместился, пришлось закапывать в сарае и снова навозом маскировать. Ночью пришли партизаны — забрали.

В хате, в подполье, тоже был тайный лаз. Его Захар выкопал. Бывало, только позавтракает, лезет в погреб, прихватив с собой лопату и корзину. Федор выносил землю в огород. Осторожно, оглядываясь, чтоб никто не заметил. Бережёного и Бог бережёт... Подсыпал эту землю под бульбу, вроде как окучивал, — не придерёшься. Прасковья караулила во дворе: то веники вязала, то траву поросёнку секла, то картошку на крыльчке чистила, то дорожки подметала, — сама же глаз с улицы не сводила. Подкоп получился добротный — изнутри замаскированный ящиком со свёклой, снаружи — на огороде — деревянной крышкой, покрытой дёрном.

Дома Прасковья разбудила дочку:

— Детка, ты Звёздочку сегодня отгони подальше в кустарник. Спрячь, спрячь её хорошенько. Чует моё сердце, что нагрянут гости с Застенок...

Фашисты и полицаи частенько заглядывали в Волковичи, чтобы поживиться.

Ближе к обеду с того краю деревни, что выходил к дороге на Застенки, началась собачья перебранка. Прасковья, запричитав, кинулась из хаты во двор, чтоб загнать курочек в сарай. Она давно заприметила: треск немецких мотоциклов всегда предварялся лаем местных дворняжек.

— Цып-цып-цып! Цыпаньки! Цыпаньки! — звала, приманивая квоктух варёной бульбинкой.

Куры, копошившиеся в земле у забора, косили глазом в сторону хозяйки, но бежать на зов не спешили.

— Цып-цып-цып! — ласково манила Прасковья, тюпила в корытце картофельную мякоть.

Рыжая хохлатка с вылинявшей шеей сорвалась с места, переваливаясь с боку на бок, побежала к корытцу. Следом, громко квохча, припустили остальные.

— Цыпаньки, мои хорошие, давайте-ка в сарай, в сарай, — переставляя кормушку, приговаривала хозяйка. — Одна, две, три... шесть, а где же седьмая?

Не успела Прасковья прикрыть дверь, мимо дома, волоча за собой пыльный хвост, протарахтел мотоцикл, остановился возле колодца. Она выглянула из-за хаты и охнула. Длинноногий фриц гонялся за её пропавшей хохлаткой!

— Ах жа ты, бестия-я-я! Вражина! — простонала женщина, проклиная разом и немца, и непутёвую курицу.

— Гут, гут! — захохотал фриц, хватая пеструшку за хвост. Та громко кудахтала, хлопала крыльями, пытаясь вырваться, в воздухе летали перья...

Свободной рукой фашист перехватил несчастную за голову, дернул... и понёс затихшую птицу с обвисшими крыльями...

Прасковья смотрела вслед, твёрдая складка легла между бровей, заходили ходуном желваки на скулах от обиды... Яйцо, что эта дурёха снесла бы, мог сыночек съесть. Фёдор или Захар. Или какой другой партизан. Это ж все сынки, мужики деревенские, свойские.

Она для них тайком шила маскировочные халаты из домашнего полотна, пекла хлеб, выменивала продукты на соль. Без соли-то, ой, как плохо! А Любушка потом через луг за домом, по полю, по не видимым чужаку тропинкам носила эти передачи в лес. Братья встречали, отдавали домой бельё — в стирку, записки с наказом, кому что передать...

Жалко курочку, жалко. Не углядела. Разве за каждой набегаешься, укараулишь? Это горе еще не беда! Терпеть надо.

Между огнями

Прасковья протёрла сковородку салом, плеснула на нее жидкого теста большой деревянной ложкой, из тех, что ещё Антон Петрович смастерил, задвинула блин в горячую печь. На загнетке, в широкой тарелке, горкой томилась его румяные собратья. Люба уже знала, коль мама готовит про запас (сестры замужем, отдельно живут, а ей с матерью много ли надо?), в окно поглядывает, значит — жди гостей из леса.

— Захар с Федором придут, мама?

— Кто ж знает? Может, и придут, — уклонилась от ответа Прасковья. — Ты языком-то поменьше мели, егоза. У стен тоже уши есть. Возьми-ка колотушку, повзбивай маслица.

Не успела Люба ноги с печки спустить, как в хату постучали. Прасковья метнулась в сени и тут же возвратилась, кинулась к загнетке: как бы не сгорел блинок! Следом — Василий Захаревич, свойский, деревенский. Дружок Федора. Вместе с Косинцами в одном отряде партизан. Стянул с головы кепку, пригладил широкой ладонью взмокшие волосы.

— Примешь гостя, хозяйка? — поглядывая на блинную горку, засмутился Василий.

— Присаживайтесь. Покушайте на здоровьице! Сейчас и молочка-сыродоя налью, — захопотала Прасковья между печкой и столом. — Мои-то мальцы как там?

— Добре. Поклон передали. Наказали помочь вам подполье разгрузить, — многозначительно сузил глаза Захаревич, усаживаясь на скамье. Винтовку отставил в угол, неподалёку.

Прасковья кивнула дочке, и Люба, не медля, принялась поднимать доску погреба.

— Ты коня, гостыюшка, где оставил? — встревожилась вдруг хозяйка.

— Так во дворе привязал. Где ж ещё? В деревне, поди, тихо? Немцев у вас не слышать, — весело, без опаски, гомонил Василий, уминая блин за блином, отхлёбывая молоко прямо из горлачика.

— Ну, во дворе чужому глазу особо не видать, — успокоилась Прасковья. — Знаешь, мне вспомнилось тут... Ещё в начале войны это случилось. Днём, ночью стучат — не поймёшь кто: немцы, окруженцы, партизаны, полицаи, бандиты... Спим как-то с Любкой. Вдруг стук. Ай-ё! Испугалась я, тело коликами жжёт — ни встать, ни ответить. Люба поднялась: «Кто?». — «Свои!» А кто они «свои»? Страшно... Открыла дверь. Мужчины незнакомые, не деревенские. Огляделись. «Открывай, — говорят, — ворота!» И завели пять лошадей. Две оседланные, а на остальных — мешки накинута. «Теперь закрывай!» И ушли.

Лежим мы опять с Любой на печке. А тады только снег першы выпал! Следы все видать... Сколько часу прошло — стучит кто-то. Тоже чужаки. Спрашивают, откуда, чьи во дворе лошади? Отвечаем, что не знаем, может, немцы поставили. Мужики пошептались и в дверь... Петухи пропели. Снова стук. Вернулись те, первые: «Следы во дворе — кто был?». — «Не знаем». — «Куда пошли?» — «А кто ж нам отчитывался?»

Пошептались. Быстро на своих коней да из ворот как дали врассыпную! Скажи ж ты, Василий, кто они? Я всё ж таки думаю, что партизаны...

Люба открыла подполье, прислонила тяжёлую некрашеную доску к стене у окошка и замерла:

— Дядя Вася, а вон тот, на велосипеде, тоже ваш человек?

Захаревич глянул в окно. В одну секунду, прихватив винтовку, выскочил в сени. Прасковья торопливо прикрыла за ним дверь, ведущую в огород с опустевшими грядками. Лишь десяток бураков краснел поверх мокрицы, почуявшей осеннюю волю, у забора рядком топорщилась мохнатой ботвой морковка, да наливалась, тучнела за сараем капуста. Не спрячешься. Надо через луг до кустов бежать. Там лес начинается. Успеет ли? Вернулась к печи.

Люба стояла у окна — замерев, смотрела, как улица заполнялась невесть откуда взявшимися немцами, полицаями. Слышались крики, выстрелы. Наверху загрохотало — кто-то бежал по крыше. И сразу — длинная автоматная очередь...

В потёмках

Уже девять ночей провела Люба в Коханове, в тёмном подвале еврейского дома. Не притерпелась она к затхло-гнилоственному запаху, пропитавшему стены, пол, потолок сырого помещения. Семья, которой до войны принадлежал дом, занималась выделкой шкур, хранила здесь вонючее сырьё.

Кохановские арестанты, восемь человек, томились на грязной соломе. Обросшие щетиной, окровавленные мужики казались стариками, хотя из разговоров Люба поняла, что им нет и сорока. Держались они вместе.

Спали под единственным в подвале окошком, узким, маленьким, высоко под потолком.

Люба пристроилась на сене в углу, рядом с Валеёй из Балашова и её мамой.

— Нас тут всех по подозрению держат, за связь с партизанами. Тётеньку из Подберезья, — прошептала Валентина, кивнув в сторону пожилой женщины, не проронившей ни слова, — полицаи грозятся расстрелять. Сын у неё в лесу. Меня с мамкой, наверно, в Германию отправят... А тебя — за что?

— Сама не знаю, — вздохнула Люба.

В подвале она была самая маленькая, и ростом, и возрастом. Прасковье в голову не пришло, что не её, а дочку, ребёнка, могут арестовать. Разве ж она бы её не спрятала? Так ведь нет! Дурная баба домашние пожитки спасала: «Любушка, бери одёжу, ховай в огороде... Хлеб неси, бульбу... Спалюць фрицы хату! Спалюць...».

Немцы и полицаи растянулись вдоль всей улицы, за которой раскинулся большой болотистый луг, стреляли с крыш по убегающему к лесу Василию. Гнались за ним, раненым, словно волки... До спасительного кустарника чуть-чуть не дотянул Захаревич... Добивали его, как зубами рвали, — коваными сапогами — по голове...

У Любы нестерпимо ныла спина от пинков такими же коваными сапогами. Каждый день её водили на допрос в кишащее полицаями длинное тёмное здание, расположенное рядом с тюрьмой. Допрашивал человек в немецкой форме, однако говорил по-русски, без переводчика:

— Имя партизана?

— Да не знаю я, дяденька! — жалостливо твердила Люба.

— Зачем он приходил?

— Так просил самогонку. И сало. А откуда у нас с мамкой самогонка и сало? — канючила арестованная. — Даже когда господа немцы позволили брать спирт с цистерны, что на взорванном спиртзаводе уцелела, мы туда — ни-ни. Другие брали. Лестницу приставили, залезли и черпали, кто больше. Народу собралось — тьма-тьмущая! А мы не ходили. Зачем нам с мамкой спирт? От него беда только! Понапились, пообливались у бочки, кто-то сигарку кинул... вспыхнуло все! Столько народу сгорело! Горе такое... А мы с мамкой ни-ни... Откуда ж у нас спирт да самогонка? От них беда только...

Немец вышагивал по комнате, заложив руки за спину. Ухмылялся, слушая Любкин рассказ про спирт. Помолчал.

— Что в погребке прятали?

— Ничего, — таращила глаза Люба, — немного картошки, пустые кадушки...

— Почему крышка была открыта? — наступал человек в форме.

— Я ж вам говорю: этот дядька самогон искал. Всю хату перевернул!

— Молокососка партизанская! Самогон, самогон... Ты зубы мне не заговаривай! — злился допросчик. — В соседней деревне гарнизон стоит. Почему не донесли, что партизаны бывают?

Люба с изумлением смотрела на него:

— Дядечка, как же вы не понимаете? Днём скажешь немцам — ночью партизаны убьют! Скажешь ночью партизанам — днём убьют полицаи. Не-е-е... Дядечка, я, правда, ничего-ничего не знаю!

Во двор комендатуры одна за другой въезжали груженные подводы. На телегах громоздились столы, кровати, шкафы с сундуками, огромные узлы из простыней, вышитых покрывал, цветных скатертей.

— Глянь-ка, Митяй, разбогатели наши хлопцы! Скока ж добра себе навезли! — завистливо проговорил плотный полицей, конвоировавший Любу до подвала.

— Ага... Разжирели партизанские родичи. Ишь, подвод сколько! Ничога... Бог сказал, что трэба делиться. Добро ихнее — нам, родичей — в Германию! — зароготал второй, в новеньких начищенных сапогах. — Вот жалость, Петька, что нас с тобой на облаву в Видерщину не послали...

Полицай сплюнул, злобно пнул Любу ногой:

— Карауль тут сопливых!

В открытые конвоиром двери к заключенным хлынул дневной свет, но подвал проглотил его сразу, как только снаружи щёлкнул замок. Помещение снова погрузилось в тяжёлый сумрак. Люба на ощупь спустилась вниз по ступенькам, прислонилась к потной холодной стене. Так и стояла, пока привыкла к темноте, стала различать людей. На неё с состраданием и страхом смотрели знакомые и незнакомые глаза — на земляном полу, сбившись кучками, сидели видерщинские мужики и бабы с ребятишками.

Вечером, когда погас слабый свет, проникавший из узкого окошка, снова щёлкнул замок. Молоденький полицей заглянул в подвал:

— Которая здесь Косинец? Поднимайся к выходу!

На соломе тревожно зашевелились, зашептались арестованные. Дверь открылась шире, и рядом с головой полицейя показалась ещё одна — женская. Люба узнала сестру.

— Манька! Манечка, — всхлипывала она, пробираясь к ступенькам.

— Поесть тебе принесла. Сголодалась ты, моя маленькая. Схудала совсем — один носик, — обнимала, целовала сестру Мария.

— Не разрешают же свидания? — дивилась Люба, глотая печёную картошку прямо с кожей.

— Не разрешают. Уговорила я этого... Ладно, сказал, даст проститься, завтра же вас в Германию угоняют... Любушка, сестричка моя! — беззвучно плакала Мария.

Поезд, замедляя ход, подходил к станции Коханово. Полицейские оживились. Окружив арестованных, подталкивали их ближе к перрону. Накрапывал дождь. Мужики угрюмо молчали. Бабы, оглядываясь в сторону города, словно ища спасения, заголосили, вслед заплакали дети. Полицейские защёлкали затворами. «Молчать!» — заорал старший, с меченым оспой лицом. Стоявший рядом с Любой молодой полицейай вдруг оттолкнул её в сторону от толпы и тихо приказал:

— Беги в уборную! Быстро!

В щель между досками Люба видела, как полицейские загрузили в товарный вагон кохановских арестантов, как прощально, растерянно оглянулась Валя из Балашова, как немцы-охранники закрыли дверь большой поперечной доской-задвижкой, как тронулся поезд, увозя с родной белорусской земли партизанские семьи...

Дрожь была худенькое тело. Люба стояла, вцепившись руками в железный крючок закрытой двери. Никакая сила не заставит её выйти отсюда, пока на перроне хоть один полицейай.

Чтобы льдом не схватилось

Фёдор вбежал в дом, весь в снегу, не отряхиваясь, не обколачивая его с валенок, приказал с порога:

— Собирайтесь! Берите самое-самое. Пока немцы не вернулись!

Прасковья заметалась по хате в одной рубашке, в растерянности охая, не зная, за что схватиться.

— Одежду тёплую. Документы! — командовал Фёдор, выгребая в мешок из шкафчика хлеб, муку. — Люба, помоги мамке одеться! Сестрёнка, где спички? Соли есть сколько?

— Сыночек, а куда мы? Ти надолго? — причитала Прасковья, обматываясь большим шерстяным платком.

— В лес, мама, в лес... Нельзя вам здесь больше. Тётку Марию Агеенко в Застенках немцы схватили. Допрашивали. Не выдержала. Партизанские семьи из Волкович выдала. Утром облава будет. Вот всех из деревни и уводим... Готовы?

— Ай-ё, ай-ёнички-и-и! — шепотом голосила Прасковья, прощаясь с хатой. — Спалюць немцы, спалюць дом! Божачка ж ты мо-о-ой! Помоги! — Она осенила крестом дверь, схватила за руку Любу. Вместе они канули в темень...

Растянувшаяся одной длинной улицей деревня Осиновка Сенненского района партизанского края, куда направился обоз с волковичскими семьями, приняла Косинцев приветливо. Поскрипывал под полозьями саней снег, тянулся ввысь сизоватый дымок из печных труб, лениво тьякали редкие собаки.

В середине улицы, у дома с распахнутой калиткой, ожидая новых жильцов, широкой лопатой расчищал дорожку Егор Кривошеев. Хозяйка Авдотья топила печь, расставляла у огня чугуны. Восемнадцатилетняя дочь Полина намывала, драила до желтизны метёлкой-голиком некрашенные доски пола. Больная Оксинья, младшая сестра Полины, сидела у окна, поглаживала по спинке растянувшуюся на коленях рыжую кошку и выглядывала на улице гостей с дороги.

Когда подвода остановилась у калитки, женщины, набросив тулупы, выскочили навстречу Косинцам и, подхватив их небогатый скарб, повели в дом. Жарко натопленная жилая половина хаты обняла, укутала те-

плом беженцев, до костей прохоложенных декабрьским морозом.

В доме была и вторая половина: холодная, не жилая — хозяйственная, в которой хранились принесённая из бурта картошка, капуста, дрова, до поры ненадобные домашние вещи. У Кривошеевых ещё лежала солома. Каждый вечер её заносили в теплую половину и стелили на пол вместо матрасов, потому как кроватей в доме было только две. На одной спала Оксинья, вторую уступила Прасковье Фёдоровне Полина. Сама же перешла на пол. На ночь рядом с ней устраивалась Любаша. Хозяйка с мужем занимала печь. А партизаны на ночевку, когда пятеро, когда и восемь мужиков, стелили себе поодаль, ближе к выходу.

Авдотья с Егором, как и вся деревня, трудились в колхозе, который пахал и сеял, заготавливал сено, растил скот. Но сейчас, зимой, больше занимались личным хозяйством, всей семьёй помогали партизанам. Хватило дел и Любе. Задание от командования она получила достойное: вместе с Кривошеевыми быть «хозчастью» квартировавших в хате ремонтников оружия — кормить, обстирывать ценных мастеров-специалистов.

Прасковья у печки хлопотала, со скотиной управлялась или, пытаясь хоть так отблагодарить тихую, смиренно-улыбчивую Авдотью за гостеприимство, за хлеб-соль, перебирала картошку в хозяйственной половине хаты, которую называли «истопкой». Согревали «истопку» принесёнными из печи горячими углями.

Полина с Любашей днями плескались в корыте с горячей водой. Отстирывали рубахи, фартуки да штаны от тёмной масляной ружейной смазки и чёрного порохового нагара.

Ласковая Оксиньюшка помощницей в делах была никудышней, потому как от рождения болела: руки-ноги двигались плохо, выворачивались в стороны, лицо гримасничало. Чаще она сидела на лавке у печки или

лежала на кровати, смотрела на Полину с Любой умными глазами, слушала...

Любушка, высыпая в воду вместо недоступного мыла серую золу из печки, рассказывала:

— Если бы не брат, в живых бы уже нас с мамкой не было! Немцы с полицией ещё днём по деревне шарили, многих забрали. Меня мамка в погреб спрятала, а сама на печи сидела да ойкала, как припадочная. У неё от страха болезнь такая: начинаются колики по всему телу, от боли она корчится да охает-ойкает. Фрицы торопились. Меня не увидели, а маму не тронули. Уже смеркалось. Партизан они боятся... Брат нас среди ночи разбудил...

Сидящая на лавке Оксинья взмахнула руками, тыча ладонью с растопыренными непослушными пальцами в сторону окна, с трудом сообщила:

— Соосеедка иидет!

Дверь отворилась. В хату заглянула розовощёкая с мороза Галя Баринава:

— Девчонки, вы скоро? Айда с нами на речку бельё полоскать! Там хлопцы уже лунку прорубили.

Полина вытерла о фартук красные, разбухшие от горячей воды руки. Кивнув в сторону Любаши, улыбнулась:

— Скоро, скоро. С такой помощницей мигом управимся!

Любаша зарделась, опустила голову ниже и принялась с удвоенным усердием тереть пятно на старенькой военной гимнастёрке. Она уже знала, коль пришла Галя, начнутся разговоры про Ивана. Галиного брата она в глаза не видела. Он партизанил в другом отряде. Но девчата любили помечтать, подтрунивая над пятнадцатилетней Любой.

— Таковую красуню мы никому не отдадим! — завела соседка уже известную «песню». — Скоро война

кончится, и Любаша заневестится. Ванька вернётся — свадьбу сыграем!

— Ага, — согласилась Полина, — девка с руками и с головой! По дому так и завихается, так и завихается...

— Пустосмешки! — вспыхнула Люба и, бросив бельё, выскочила в сени с глазами полными слёз.

Оксинья замахала на подруг руками, её губы скривились:

— Не наа-до... не надо... Неее-льзя-а-а так!

Но Полина уже посерьёзнела: работа не ждала. Надо заканчивать стирку и грузить бельё на санки. Скорее, пока горячее, чтобы льдом на улице не схватилось...

Возвращение

Болото день за днём обрастало ярко-зелёной щетиной осоки. Золотистые котики краснотала, набухшие почки лоз напоминали о набирающей силу весне. Но тёмная талая вода была по-зимнему холодна и враждебна. Идти по болоту, проваливаясь в булькающую, словно живую жижу, чтобы добраться до островка с твёрдой землёй, и потом сидеть на колючем лапнике тихо-тихо, спрятавшись между худосочными берёзками, под тощей елью, голодая и коченея на стылом воздухе, особенно ночами, могли заставить только страх и неистребимая жажда жизни. Люба с Прасковьей, Авдотья с Полиной, сёстры Бариновы прятались на болоте уже трое суток.

Против партизанских бригад началась большая карательная экспедиция. Всё плотнее сжималось кольцо, выдавливая партизан из их края. Фашисты проходили по деревням, оставляя пепелища. Прочёсывали леса танками, били артиллерией, минометами. Самолеты бомбили беженцев, обстреливали партизан на дорогах

и в лесах, загоняя в топкие болота у Березины, которая разлилась по весне непреодолимо широко. Да и на западной стороне реки тоже шли бои.

Немцы всё чаще заглядывали в Осиновку. Женщины и дети прятались на болоте. Остаться в деревне становилось всё опасней. Под натиском карателей партизаны отступали. Фёдор отыскал Прасковью с Любой на болотистом островке, сообщил, что немцев в деревне пока нет и всё же надо покидать Осиновку.

— Куда?

— Куда-нибудь, мама... Но не с нами. Фашисты вас не пожалеют. Тяжелое время...

Бабы всплакнули, обнялись-попрощались. Прасковья забрала узелок, который всегда носила с собой «на случай»: в нём было всё необходимое «на смерть». Поклонившись гостеприимному дому Кривошеевых, сообщила решение: «Пойдём, дочушка, в свою хатку. В Волковичи. В родном доме и стены помогают!».

Крались лесом, опасаясь выходить на дороги, осторожно пробирались вдоль них, стороной. Сначала молчали, потом стали перешептываться. За разговором время двигалось быстрее. Прасковья вспомнила, как водила дочка партизан коротким путём, подальше от недобрых глаз — через луг от дома в Волковичах, по лесу, до большака.

— Когда первый раз, в сорок втором, пришли в хату мужики да попросили, чтоб ты их вела, я так спужалась за тебя! Кто такие эти мужчины — то ли свои, то ли бандиты, а может, немцы переодетые? Уже ж тёмна на дворе было. «Давайте, — говорю, — покажу той большак я».

— А они: «Не бойся, тётка! В целости и сохранности вернётся дочка. Она незаметная да шустрая — тебе-то за ней не угнаться», — тихо засмеялась Люба, легко перескочив через поваленную сосну с вывернутыми корнями и подавая матери руку. Обходить далеко, ря-

дом зияла глубокая воронка. Вздохнув, женщина вскарабкалась на ствол, огляделась по сторонам. В просвете между деревьями виднелись дома.

— Слава Богу, дочушка! Кажется, Чуватово. Сестричка моя Оксинюшка тут замужем за Чумаковым Иваном.

— Дядя Ваня Чумаков? У которого сын — командир партизанский? Так тётю Оксинью немцы же расстреляли.

Мать, нахмурившись, теребила потрескавшимися пальцами узелок со «смертным», раздумывала.

— Может, кто-нибудь да остался... Заночуем здесь, а завтра до дому. Теперь недалёко, — определилась Прасковья. — Темнеет уже...

К дому Чумаковых беженцы пробрались задами огородов, свернули по нетоптаной меже к сараю, заглянули в пустой двор. Не забрехала собака, не бросились врассыпную куры. Пыльные окна слепо таращились на улицу. Никого.

В соседнем доме неожиданно хлопнула дверь. «Лёнька, воды принеси!» — раздался молодой женский голос. Звякнуло ведро. Через редкий плетень Прасковья увидела мальчишку лет десяти. «Лёнька!» — опять позвал женский голос. Мальчик замер, заметив Косинцев.

— Лёничка, — поманила ребёнка Прасковья, — немцы с полицаями в деревне есть?

Он мотнул головой:

— Няма.

Небеса на коромысле

Сначала где-то далеко, под Витебском, потом все ближе гремели громовые раскаты. По деревне катилась весть: Красная армия наступает! Фашисты дают стре-

кача! Люба с подругами несла дозор на самом высоком месте центральной улицы, чтобы, завидев издали приближение врага, предупредить взрослых и успеть спрятаться.

Немцы вместе с тыловыми частями спешно отходили на запад. По узким улицам тархтели запыленные мотоциклы, ревели грузовики с пехотой. Военная техника шла так тесно, что дорогу и курице было не перебежать. Через три года после начала войны фрицы снова заволокли Волковичи. Они торопились, пытались опередить один другого, опасаясь, чтоб «хвост» им не прищемили красноармейцы или партизаны. Отступая, продолжали свирепствовать, и слух об их зверствах бежал далеко впереди.

Прасковья сидела у окна, не зажигая света, прислушиваясь к голосам на улице, обмирая, если вдруг вражеский мотоцикл притормаживал у дома.

— Не спи, не спи, дочушка, — кричала она Любе, прятанной в подполье, — не спи, детка! Эти гады ползучие от злости хату подпалюць. Если будем спать, так и сгорим во сне.

— Давай, мама, теперь я покараулю, а ты отдохни, хоть трошки, — просила дочка, приоткрыв половицу и протирая сонные глаза.

Но Прасковья, пытавшуюся задремать на часок, сон не брала. Только глаза прикроет, как видится ей зятева деревня Луки, что в десяти километрах от Волкович. Зарево над зелёным полем... Небо чёрное-чёрное, звёзд не видать... Высоко горит, сыплет колючими искрами на всю округу добротная перед войной дощатая пуня... Задыхается в дыму, на тлеющем сене Фёдор Конюшко, муж Степаниды, папка троих сынков — семилетнего Вити, пятилетнего Лёни, которому фашист вывернул бедро, трясая мальчонку за ногу вниз головой, годовалого Колюшки, — её, Прасковьи,

горемаятных внучат... Горят заживо вместе с Фёдором большие тифозные мужики, спрятанные в пуне партизанами... Немцы растянулись по краю поля, из автоматов трассирующими пулями по сараю бьют, развлекаются...

— Мам... Мама-а-а! — Люба тронула мать за плечо. — Вроде нету немцев-то? Тихо. Я сейчас, — она накинула на плечи большой платок, — на улицу гляну!

Солнце, умывшись росами, поднималось над Волковичами, заливало тёплым светом зелёные сады и огороды, радостно заглядывало в окошки, согревало, ласкало истоптанную чужинами деревню. Со дворов то тут, то там на дорогу высыпали тощие куры, подавали дерзкие голоса редкие петухи. За заборами замелькали бабьи платочки, из калиток показались любопытные девки и пацаны. Сначала неуверенно, потом все громче, свободнее загомонили деревня...

Прасковья приближалась к дому с коромыслом на плечах, привычно несла полные ведра с колодезной водой, в которой покачивались лёгкие облака, растворялось июньское небо. Неожиданно донёсшийся издалека, сквозь лай деревенских псов, лязг и грохот железа заставил её вздрогнуть. Немцы?! Снова? Она обернулась да так, с коромыслом, и замерла. По дороге двигался танк. На высоком древке над ним развевался краснѳй флаг! Танк приближался, полотнище аело, трепетало на ветру. Тяжёлая машина замедлила ход, повернула к дому Косинцев.

— Это же Ильюша... Илья мой! Сынок! Ильюша-а-а! — вдруг вострепнувшись, охнула Прасковья.

«Тридцатьчѳвѳрка» со звѳздами на боках, заскрежетав, остановилась, люк медленно открылся, щѳлкнул стопор. Танкист, немолодой офицер со смуглым незнакомым лицом, весело помахал ей рукой.

Полные вёдра рухнули на землю вместе с коромыслом, и небо с белыми облаками потекло из них, поплыло по пыльной дороге...

— Наши! Наши-и-и-и! — бежала к танку деревня.

Такая вот — история...

Ни Прасковья Фёдоровна, ни Люба не знали тогда, что Илья погиб ещё в начале войны, в оборонительных боях у Великих Лук. Извещение принесли через два месяца после освобождения Волкович. Две похоронки сразу: на Илью и Захара, который ушёл тогда с частями Красной армии.

Голосила, кричала Прасковья на всю деревню, света белого видеть не хотела. За одну ночь все слёзы выпала, глазоньки её и закрылись. Слепла...

Партизанскими боями закончилась война для Фёдора. На фронт не взяли по ранению, поставили командовать колхозом. С бабами, девчатами, подростками мирную жизнь восстанавливать. Муж Марии, сестры Любы, дошёл до Пруссии и в сорок пятом вернулся домой. Любашу записали в седьмой класс...

После занятий частенько приходила она с цветами на могилку Васи Захаревича, которого на лугу, за домом, похоронили. Потом родители прах сына перенесли на погост родной деревни.

Василий тогда, перед гибелью, к Косинцам зашёл не из леса, а с задания: минировал большак Аленовичи — Коханово. По этой дороге потом полицаи повезли арестованную Любу в тюрьму.

Повезли не сразу. Сначала вместе с мужиками и бабами отправили к бывшему спиртзаводу разбирать завалы кирпича. Под ними сохранился локомотивный дизель-генератор. Техника ценная, для завода служила источником электричества. Вот и вспомнили про гене-

ратор полицаи. Решили достать. Где-то раздобыли газогенераторный трактор, подцепили к нему локомотив и потащили. Люба с полицейским конвоем на телеге следом.

Вот-вот должны были показаться впереди хаты Лаврентьевки, когда обоз остановился. Тракторист соскочил на землю, махнул рукой:

— Всё, приехали, господа хорошие! Топливо закончилось. Надо за дровами идти.

Старший полицай глянул в сторону леса — далекоовато. И до деревни неблизко. Нехотя слез с телеги.

— Стёпка, карауль девку. Остальные — за дровами! Да поживей.

Люба не замечала, как саднили побитые кирпичами руки, ломило тело. Тревожные мысли теснились в голове. Что с ней сделают? Расстреляют? Повесят? В Германию отправят? Будут пытаться?

Полицаи приволокли два мешка дров. Ножовкой нарезали мелких чурбачков. Забросили в топку. Минут через десять попробовали завести.

— Т-ррр, тр-р-р-р, т-рррр... — пыжился трактор.

— Ну, давай же, давай! — злился старший полицай. Ему не терпелось отчитаться перед начальством, получить, может быть, вознаграждение.

— Т-ррр, тр-р-р-р, т-рррр... — Трактор наконец дёрнулся с места.

Ба-бах! Грохот сотряс землю. Невидимая сила кинула тарактелку вверх, в воздух. Перебросила легко, будто щепку, через дорогу. Полыхнул огонь. Всё затянуло дымом. С неба посыпалась земля, камни...

Лошадь заметалась, заржала, вздыбилась, вдруг растележилась и понеслась по полю... Люба сидела в повозке, лишившейся двух колёс... Живая! Сколько было в её жизни таких гибельных минут...

Кто хранил её?

...Курганович ласково повела взглядом по своим взрослым притихшим ученикам:

— Если есть на белом свете Господь Бог, то Он меня в ту войну спас. Такая вот история, Славик, — улыбнулась она Новицкому.

Я спросила тихо:

— Любовь Антоновна, милая, что же вы нам про жизнь свою в школе не рассказывали?!

Учительница посмотрела на меня, как на дитя:

— А что ж тут такого? Жила, как все.

«КАК ИЗ НАШЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ...»

Физик

Год назад набралась смелости, постучала в дверь дома Хавровых. Ждать пришлось долго, времени хватило, чтобы разглядеть неподалёку от крыльца небольшой парничок, в котором торчали почерневшие былки отплодоносивших помидоров. Ещё не перекопанные грядки из-под морковки, лука зарастали мокрицей. Хватит ли стариковских сил?

Успокоилась догадкой: дочь ведь есть, поможет. Лариса приезжает из Невеля, что в шестидесяти километрах от Городка, в Псковской области. Она ближе всех к родительскому дому. Младший её брат Юрий, ведущий программист в сфере экспертизы медицинских препаратов, живёт в Беларуси, в Борисове. Оттуда к отцу-матери часто не наездишься.

Щёлкнул замок, открылась дверь. Худенький старик в валенках и коротких портках, таких коротких, что не заметить болезненную красноту и отёчность обнаженных ног было невозможно. Эти вот ноги ещё топают да топают по городским улочкам-дорожкам! Иной раз многие километры.

Хавров присмотрелся, узнал. В глазах замелькали озорные искорки:

— Знаете, — обратился ко мне на «вы», — сколько на белом свете интереснейших людей? О, какие люди есть! В кругосветные путешествия отправляются.

На планерах летают. По горам лазят, открытия делают... Где ж они деньги на путешествия берут? — хитро прищурился Василий Егорович. — Это столько же средств надо! Ну да Бог с ними. Жизнь моя интереса не представляет. Старый я уже. Евдокия Максимовна у меня болеет, плохо слышит, плохо ходит, плохо видит... Некогда мне разговоры разговаривать. Надо жене давление измерить. Ждёт.

— Давайте помогу! — решительно предложила я.

Хавров посмотрел с удивлением, затоптался у порога, раздумывая. Из комнаты выглянула старушка:

— Вася, обедать пора! — Голос негромкий, требовательный, учительский тон.

Долгие годы преподавала Евдокия Максимовна в школе белорусский язык и литературу, работала завучем, директорствовала. О лебединой любви, преданности Хавровых ходили легенды. Началось всё с детства. С ребячьих игр во дворе. А потом...

Дуня возвращалась с августовской конференции. Шла уверенно, громко цокая каблучками по каменистой дороге. Мысленно «прокручивала» в голове, повторяла своё выступление, радуясь успеху. Увлёкшись, не услышала шагов позади. Да и двигался человек за ней беззвучно, почти на цыпочках.

— Ой! — испуганно вскрикнула она, вздрогнув от неожиданности, когда кто-то набросил на неё сзади ремешок, перехватив им руки.

— Ага, попалась?! — нарочито грозно вопрошал невидимый похититель.

Ремень от офицерской сумки-планшета крепко держал пленницу. Она оглянулась, снова охнула:

— Васька?! Хавров! Ты?

— А кто же ещё? — расплылся в улыбке друг детства.

Так и заарканил Василий Егорович себе в жёны

Евдокию Максимовну. Навсегда. Когда она заболела, привык всё делать сам. Тем более для неё, которая стала смыслом его жизни.

Старушка прошаркала ближе, склонилась к мужу, погладила его голое колено:

— Надень что-нибудь — замёрзнешь! — попросила настойчиво. Медленно выпрямилась. Заглядывая в глаза, приблизилась — лицо в лицо: — Васенька, обедать пора!

Хавров подхватил её под руку, виновато оглянулся:

— Рассказывать-то нечего...

Как-то я пригласила Василия Егоровича на встречу одноклассников. Из учителей, здравствующих к тому времени, отозвались «немка» Инна Семёновна Ламбак, завуч и «историчка» Любовь Антоновна Курганович, приехал из Минска «классный», преподаватель белорусского языка и литературы, ныне профессор Николай Георгиевич Еленский. А «физик» Хавров участвовать в мероприятии отказался, сославшись на больную жену, собственную старость, немощь: «Может, я и не доживу до того вечера», — кашлянул в телефонную трубку.

Два года спустя мы вместе с ним ехали в маршрутке из Витебска до Городка. Девяностолетний Василий Егорович не умолкал: забавлял шуточными историями, цитировал классиков... Это наш-то тихий, невозмутимый «физик»?!

Его терпению, казалось, не было конца. Он самозабвенно объяснял новую тему, невзирая на разговоры в классе, не обращая внимания на легкомысленных неслухов: кому надо, тот услышит.

Егозу Шинкареву Валю (ныне — уважаемого педагога) на перемене по-отечески незлобливо поучал: «Ты же дочка педагогов, а в короткой юбке в школу ходишь — не позорь родителей!». Валя в ответ только

улыбалась. Мы тогда учились в десятом классе, укорачивание юбок и школьных платьев было для девчонок признаком независимости. Причем шик был тем больше, чем короче осмеливались обрезать подол.

На очередном уроке Василий Егорович поручил Шинкаревой подготовить классную доску. Пытаясь дотянуться до самого верха, Валя встала на стул, вызываясь демонстрируя при этом стройность ног от самого их основания. Мальчишки незамедлительно захихикали. А «физик», добродушно улыбаясь, с лёгкой ехидцей спрашивал, подражая герою популярного фильма-сказки «Морозко»: «Хорошо ли тебе, девица? Удобно ли тебе, красавица?».

Сидя на первой парте, я осторожно вытащила из-под стола край ватмана — новой школьной стенгазеты. «Физик» будто ничего не заметил. Это придало мне смелости. Полностью развернула лист, цветными карандашами стала раскрашивать карикатуры. Бесцеремонно-бессовестно... Обернувшись на класс, Василий Егорович неожиданно остановился. Перепачканные мелом пальцы крепко сжали хрупкий белый камешек, только что выводивший формулы на доске. Учитель долго-долго, безмолвствуя, смотрел на мои художества. Я увлечённо рисовала. Ребята замерли.

Федосеева, соседка по парте, толкнула меня в бок, и только тогда я не столько поняла, сколько почувствовала: что-то происходит. Подняла глаза. Хавров стоял у доски, пристально смотрел на меня. Ватман по-прежнему лежал на парте. Вместо того чтобы, устыдившись, извиниться и убрать его, я смотрела на учителя и улыбалась. Дурацкая лукавая улыбка, озорные хитринки в глазах: «А что такого? Что такого?!».

Василий Егорович как-то жалостливо вздохнул, тихо, горько-отчаянно признался: «От тебя — не ожидал...». Повернулся к доске, застучал мелом...

Всю дорогу, пока ехали в маршрутке, я, открывая в старом учителе удивительного, словно бы незнакомого мне человека, со стыдом думала, помнит ли он тот урок физики?

Раньше не часто приходилось встречать Василия Егоровича на улице. А в последнее время как подталкивать кто стал нас друг к другу. То возле аптеки увидимся, то вместе с горы-каменки спускаемся (моя мама живет на той же улице, что и Хавровы). Однажды случилось подвезти на машине старика-учителя, смиренно, но упорно преодолевавшего уже не первый километр до больницы, которая на другом краю города.

Сейчас, закупив в кулинарии пирожки с капустой, я намеренно свернула с площади на улицу Галицкого, к дому Хавровых. Ступала по «екатерининской» каменной дороге с горы вниз, к мосту, осторожно — не шоссе всё же, и в стотысячный раз дивилась: умели укладывать булыжники наши прапрадеды! Сколько воды текло-утекло по этому крутому склону, сколько ручейков точило-подтачивало твёрдый бугристый его лоб, сколько ног топтали, сколько колёс укатывали, сколько войн прокатилось, а она, дорога-каменка, — жива! Жива...

Мои мысли снова и снова возвращались к старому учителю. На эту гору Василий Егорович столько раз поднимался за свои девяносто шесть лет? Небось, каждый камушек его ноги помнит, спинку ему подставляет, плечиком подталкивает.

Разбуженная моим приходом, Евдокия Максимовна Хаврова поднялась с подушки, опустила с дивана ноги в толстых вязаных носках:

— Вася, я спала?

Наклонившись к мужу, сидящему рядом, тронула за плечо:

— Я спала, нет? — В её слабом голосе звучала настойчивость.

— Спала, спала. — Дед отвечал спокойно, без раздражения, даже ласково. — Гостья у нас! — прокричал жене на ухо.

— Зачем пришла? — забеспокоившись, старушка подслеповато уставилась на меня.

Я искала, куда же положить пирожки — угощение старикам. Небольшой стол у окна был заставлен, завален коробочками, пузырьками, пакетиками с лекарствами. В маленькой жарко натопленной комнатке ещё помещались старинный буфет, телевизор и стул, занятый одеждой. Табуретку себе я принесла из крохотной кухоньки, там же отыскала блюдо для пирожков и, потеснив лекарственные пузырьки, водрузила на край стола.

— Гостинец нам принесла! А денег брать не хочет, — улыбаясь, пояснил Василий Егорович.

Старушка неожиданно проворно сунула руку в карман ворсистой кофты, достала сложенную богатую купюру и, очевидно принимая меня за социального работника, бросила деду на колени:

— Отдай ей!

Испуганно отказалась я от щедрой благодарности. За что? Горечью ожгла мелькнувшая мысль: сегодняшний мир даже стариков-пенсионеров, людей старой закалки, приучил за каждый жест, сделанный в их сторону, спешно благодарить деньгами, задаривать... На первый взгляд, безобидны и в общем-то справедливы слова, которые впервые я услышала лет тридцать назад в Каунасе: «Всякая работа должна быть оплачена». За небольшую услугу — подвезти на машине — знакомый литовец настойчиво всучил водителю советский рубль. Непривычно. Не по-доброму это как-то получилось. Разве просто помочь нельзя? Нынче слова про оплату работы стали оправданием, вытеснили нестяжательную доброту, бескорыстную помощь.

Василий Егорович обнял жену, проводил в спальню, укрыл пледом:

— Ты, Максимовна, поспи, поспи ещё, а мы с гостьюей побеседуем...

Как Господь горе и радость делит

Кто-то постучал в окошко Егоровой хаты. Он подвинул занавеску, выглянул. В сумерках увидел Миколу Буйнова, пастуха с соседней деревни:

— Егор Степанович, сделай милость, отпусти Мавру Фёдоровну молитвы почитать! Помирает батька мой... Надо бы на отход души... Попов няма-то ныне, всех повывели. А грамоте мы не обучены. Отпусти, Егор Степанович! Христом Богом прошу! Не дай без покаянной, без отходной, батьке моему уйти...

Хавров вздохнул, повернулся к палатам. Мавра уже собиралась, молитвослов и псалтырь в платок заворачивала. Недели не проходило, чтобы кто-нибудь не позвал то к больному, то к малому, то на похороны.

Мавру Фёдоровну Ершову брал Егор с приданным не простым — тёлочкой породистой, заморской. Таких ни у кого больше в деревне не было. Когда-то, перед революцией как раз, долгопольский барин породу тёмно-красной масти в своём хозяйстве завёл. Он же тёлку подарил девочке, которая в его доме в услужении жила. Семью её отца много лет назад помещик в карты выиграл. Правду сказать, выиграл он охотничьих собак. Но проигравший картёжник своих гончих пожалел. Сговорился вместо них Ерашовых уступить.

Мавра была девочкой работающей, старательной, трудилась, как говорят, рук не покладая. По дому помогала да нянчила барских деток, лаской их одаривала. Сама на лету всё схватывала. Барыня даже грамоте

её выучила. По церковнославянски девочка понимала, святые книги читала. Вот барин за усердную работу и наградил. Лучшего приданого и желать нечего.

Выросла из тёлки высокая красавица-корова. Но своенравная. Так и норовила через забор сигануть, беды в огороде натворить.

Вася Хавров уже в школе учился, когда однажды, вернувшись с занятий, застал чудную картину. Отец вместе с двоюродным братом Костей, изо всех сил удерживая корову, вставил ей в рот распорку и пытался вытащить из глотки застрявшую картофелину. Пальцы у него большие, толстые — никак подхватить ими клубень не получалось.

— Васька, сынок, — обрадовался отец появлению мальчика, — у тебя пальчики тоненькие, иди же скорее — помоги!

Корова дышала тяжело, всхлипывала, хрипела, сучила мощными ногами, пытаясь вырваться. Её серые, будто стальные, рога угрожающе остро торчали, готовые в минуту проткнуть любого на их пути. Огромная красная раззявленная пасть с жёлтыми, крупными, как бульжники, зубами, с языком, шевелящимся, словно мокрое живое существо, дыхнула на мальчика дурным жаром.

— Сынок, тащи, тащи бульбину! Не дай Бог — задохнётся кормилица!

Васькина рука чуть не по плечо вошла в коровье пылающее зеву. Пальцы неуверенно ковырнули картофелину. Буренка судорожно дёрнулась, кашлянула. Мальчонке померещилось, что распорка, не позволяющая захлопнуться челюстям с зубами-жерновами, сейчас не выдержит, вылетит наружу. Он отчаянно впился ногтями в скользкий клубень и в то же мгновение выдернул его из болезненно отёкшей глотки.

Егор ловко вытащил распорку. Измученная корова

шумно вздохнула, снова громко закашлялась и, почуввав свободу, рванула к сараю.

Мужчины, отряхнув одежду, присели на бревно. Им тоже надо было передохнуть, успокоиться. Раскрасневшиеся, потные, они размазывали грязь по небритым щекам, не замечая, как побледневший Васятка подтягивает дрожащими руками мокрые шаровары и беззвучно плачет...

У Хавровых уже трое детишек было: Анна, Нина и Василь, когда Мавра Фёдоровна померла. Не захотела четвёртого дитятка, которого Бог даровал, вот и померла.

После её смерти заменила маму сироткам ласковая и заботливая родная тётка Татьяна Степановна. Была она бездетная, по этой причине муж её бросил, взял в жёны другую. Вернулась Татьяна в родительский дом, где брат Егор вдовствовал. Всю свою нежность его деткам отдала. А во время войны чуть было не лишились они и тёткиной заботы.

...С утра в деревне начался переполох. Облава. Из каждой хаты немцы с полицаями забирали подозрительных. Татьяна печку топила, чугунок ухватом к углям подставляла, когда дверь отворилась. Она так с чугуном на весу и застыла. Фашист оглядел хату, указал рукой на хозяйку, поспешно вышел.

— Собирайся, Хаврова, сучка партизанская! — рявкнул полицай.

— Что ты, Игнат, умом тронулся, что ли? Какие партизаны? Глянь, у меня же детки малые! — побелела лицом Татьяна.

— Знаю я вас, советских прихвостней, детей своих не пожалеете, последний хлеб в лес отдадите, — отводя глаза, буркнул Игнат, с которым когда-то Татьяна вместе коров на водопой гоняла. — Иди уже, чего стала?

Аня с Нинкой, забившись в угол на печке, захлопали, разревелись в голос. Вася сжал зубы.

...Ильюха Навельский, колхозный конюх, отхлебнув из бутылки самогонки, прихватил верёвку, санки и отправился за хворостом, напевая себе под нос:

— Касіў Ясь канюшыну,
Касіў Ясь канюшыну,
Касіў Ясь канюшыну,
Поглядаў на дзяўчыну...¹

Впереди два немца конвоировали молодую женщину. Мужичок пригляделся — так это ж Танька Хаврова! Расстреливать ведут? Таньку?

Чуть не каждый день за деревней шла расправа. Долго не разбираясь, подозреваемых в помощи партизанам немцы казнили. Ильюха, жизнью битый пройдоха, умел выходить из воды сухим, из огня — живым. Германцев он знал как облупленных. Ещё в Первую мировую целых четыре года в плену провёл. Языком вражьи́м владел не хуже, чем родным. Фрицы его не трогали, потешались, как над местным шутом. Для партизан же он был бесценным человеком в деревне.

— Гутен таг, панове! — нагнал Навельский конвой и громко затянул:

— А дзяўчына жыта жала,
А дзяўчына жыта жала,
А дзяўчына жыта жала,
Ды на Яся паглядала!

Немцы заулыбались, одобрительно закивали. Ильюха показал на санки:

— Присаживайтесь, панове! Доставлю по назначению. С ветерком!

Фрицы захохотали, крутя пальцем у виска — что с дурачка возьмёшь?

¹ «Касіў Ясь канюшыну» — народная белорусская песня.

— Не хотите? А как баба скажет? Может, бабу на саночках подвезу?

Таня оглянулась. Глаза заплаканные. Бросила сквозь зубы:

— Скоморох!

Мужичок даже присел:

— Ой, то ж подружка моя, Танька! Я ж жениться на ней желаю... Панове, куда вы её?

— Партизанка, помогала им, — насупились конвоиры. — Пошёл вон!

Навальский неожиданно бросился в присядку, заскакал перед фрицами, перед растерянной Татьяной:

— Так бяры ж ты Яніну,
Так бяры ж ты Яніну,
Так бяры ж ты Яніну —
Працавітую дзяўчыну!

— Панове, отдайте мне Таньку, она не партизанка, она моя подружка! Я жениться на ней хочу. На веселье, на веселье приглашаю панов. Самогонку на стол! Первачка для паночков — всё для паночков! Заходите, гости дорогие!

Немцы переглянулись, отойдя в сторону, оживлённо шушукались. Вести приговорённую за околицу, к месту расстрела, ещё далековато. На партизанку не похожа: ревела, скуголила — простая баба, такая же дурочка, как этот шут. Крепко морозило. Прихватило ноги в лёгких сапогах. Хотелось в тепло. Хотелось самогоночки...

...Так бяры ж ты Яніну —
Працавітую дзяўчыну!

— Ўзяў! — пел Ильюха срывающимся голосом, таща за собой санки с дрожащей, рыдающей Таней Хавровой...

Отвел-таки Навельский от Васиной тётки неминуемую смерть. Вот так Господь горе и радость меж людей делит...

Распределение

Новенький диплом престижного Витебского кинотехникума на имя Василия Егоровича Хаврова по специальности «техник-инспектор» лежал на столе в хате и, казалось, солнечно сиял. Вокруг замерли, боясь даже прикоснуться к важному документу, Нина и Аня, Егор Степанович и тётка Таня. Они гордо переглядывались, молчали. Шутка ли, Васька — специалист!

Василий, терпеливо наблюдавший за роднёй, прервал молчание:

— Распределили меня на работу в Иркутск.

Татьяна Степановна не выдержала:

— Куда это? Где ж такой будет?

— В Сибири, — насупившись, ответил за сына Егор. — Что ж, сынок, ближей ничего не было?

— Ты, батя, фамилию мне какую дал? Хавров! Буква «ха» в алфавите на каком месте стоит? То-то же. Пока до меня очередь дошла, все ближние места закончились!

Сёстры заохали, запричитали:

— Как же добираться туда будешь?

Василий засмеялся, вытащил из внутреннего кармана пиджака железнодорожный билет:

— На поезде. Через Москву. И довольствие денежное уже при мне — молодой специалист! Половину тебе, батя...

Ждать поезда на Курском вокзале пришлось всю ночь, а переночевать негде. Устроился Василий на газетке под скамейкой, опасаясь, как бы не прогнала милиция. То ли спал, то ли дремал под паровозно-вокзаль-

ный шум, только вдруг как будто затрясло его, закачало, словно на телеге по дороге проселочной. Свежим сеном запахло. Отец в белой рубахе рядом. Правит лошадь, а Василий на сене, соломинку грызет и следит, как ветер облака по небу гонит. Хоть на поле ни ветринки, ни один колосок не колыхнётся. Под облаками ястребок замер, чёрной точкой повис. Да не повис вовсе! Камнем вниз — всё ближе и ближе! Закружил ястребок над телегой, словно прицелился — в голову Ваське.

«Сынок, поглядь-ка, — отец весело присвистнул, — какой пассажир под телегой у нас!»

Василий перевернулся на живот, свесил голову: мать честная! Крупный заяц-рысак мчится, увёртываясь от колес, от лошадиных копыт, не сбавляя бега, не высовываясь из-под спасительной повозки. Так вот откуда птица-ястреб над головой!

За жёлто-голубым полем — лес, окутанный золотистым сосновым духом. И радостнее поблёскивали красноватые огоньки заячьих глаз. А стервятник всё кружил и кружил в ожидании жертвы, в надежде на её ошибку, страх ...

Телега поравнялась с первыми реденькими кустами олешника, въехала в дурманящую лесной свежестью ажурную тень, и в то же мгновенье заяц метнулся в зелёную чащобу, где уже невозможно было уследить за ним даже острому ястребиному оку...

Ехать до Иркутска пришлось долго, почитай неделю. Пока добрался Василий до места назначения, его кошелёк заметно похудел. Надо было думать-рассчитывать копейки до первой зарплаты, затягивать ремешок на штанах.

В кабинете начальника по кадрам Иркутской кинофикационной сети за столом сидела худощавая женщина со вздёрнутым носиком. Взглянув на Хаврова из-под очков, взяла документы, бегло ознакомилась:

— Молодой специалист! Это, уважаемый Василий Егорович, почётное звание в нашей стране. Молодым везде у нас — дорога! — Она приветливо улыбнулась, точь-в-точь как тётя Таня. — Сохранились ли у вас железнодорожные билеты? — поинтересовалась она. — Напишите-ка заявление, приложите проездные документы и — пожалуйста с ними в бухгалтерию! В общежитии нуждается?

Хавров, ликуя, словно выиграл в лотерею, прыгал по ступенькам конторы, спускаясь из бухгалтерии на первый этаж. Потом он вышагивал по улице до общежития, мурлыча под нос весёлый мотивчик из репертуара Утёсова:

— У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре, так кипит страсть наша!
Смеётся месяц весело в окно...¹

Через два месяца, в конце сентября, Хаврова призывали в армию. На советско-китайскую границу. Ещё дальше от родимых мест, от белорусской деревеньки Долгополье...

«Здравствуйте, мои дорогие папа, тётя Таня, сестрички Нина и Аня! Пишет вам сын и брат, рядовой Красной Армии Василий Хавров. Служу я в селе Кукелево в Усть-Сунгарийском укрепрайоне. Охраняю границу с Китаем... Климат здесь суровый, но жить можно. Советскому бойцу не страшны никакие трудности.

Живём мы пока в амбарах под крышей из дранки. Тут, как и у нас, хаты тоже кроют дранкой. Казармы должны построить. А командный пункт уже делают.

¹ «У самовара я и моя Маша». Слова и музыка Фанни Гордон (Фаины Квятковской).

Из железобетона — никакой гранатой не пробьёшь!¹.. Мы изготовили себе кровати — нары в два яруса. Очень даже удобно. Правда, спать мешают бурундуки. Не пугайтесь! Это маленькие, как мыши, зверьки. На белок похожи. По спинке полоска бежит. Они не опасные. Шустрые, игривые. Зерно любят. Я ж говорю — как мыши. А мы в амбар пришли, им помешали, получается.

По ночам уже сильно подмораживает. Спим, не раздеваясь, в шинелях. Зато утром вставать хорошо! Никто не спросит за норматив по одеванию (шучу!). Вода тоже замерзает. Но солдат — человек находчивый. Если подолбить каблуком сапога лёд на лужах, то можно раздобыть пригоршню воды — ополоснуть лицо. Так что у меня всё хорошо, даже весело!

Пишите, как живёте, какой урожай бульбы собрали? Как наша корова, много ли даёт молока или уже запустилась? Хорошо ли ест, подрастает парсучок? Что там про моего друга Петьку слышать? Здоровы ли соседи Ерашовы? Передавайте им привет. Другим соседям тоже.

С тем прощаюсь. Жду ответа, как соловей лета! Ваш любящий сын и брат Василий».

Воскресным июньским днём 1941 года отправил Хавров очередное письмо. Писал, что служить осталось немного, скоро он демобилизуется и вернётся домой.

В полдень командир батареи неожиданно отдал приказ построить личный состав.

— Товарищи красноармейцы! Сегодня, в четыре часа утра по московскому времени, нарушив все договора, без объявления войны гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Жестокие бои

¹ Но ещё даже в 1940 году он представлял собой лишь коробку без отопления и освещения.

идут на территории Западной Белоруссии. Враг бомбит воинские гарнизоны и населённые пункты. Пограничные части Красной Армии героически сопротивляются...

Строй замер. Бойцы боялись пропустить даже слово. «Фашисты! Гады! Гады! Га-ды-ы-ы-ы!» — отчаянно гудело в голове у Василия. Командир продолжал:

— Красноармейцы! В этот трудный для Родины час перед Амурской военной Краснознамённой флотилией в Усть-Сунгарийском укрепрайоне стоит чёткая задача. Смотреть в оба! Охранять границу так, чтобы не допустить развязывания ещё одной войны — на Дальнем Востоке. Япония, выступающая в союзе с Германией, ещё в 1932 году завладела Маньчжурией и хозяйничает совсем рядом. Советский Союз поддерживает правительство Китая, который отводит японскую агрессию от территории России. Но вступать в войну с Японией до полной победы на западном фронте чрезвычайно опасно...

«Гады, гады, га-ды-ы-ы-ы!» — уходила земля из-под ног Хаврова. Обрывалась и без того тонкая связь с родной Белоруссией.

— Недолго фашистам топтать нашу землю, — разносился над строем голос командира. — Моргнуть не успеют, как мы развернём их в обратную сторону! Знавала уже Русь таких гостей!

Словно оглушённый, стоял Василий на плацу и не сразу до него дошёл приказ ротного: «Запевай!». Туго, хрипло, надрывно прозвучали первые слова «строевой»:

— Если завтра война, если враг нападёт,
Если тёмная сила нагрянет...

Но с каждым словом голос запевалы крепчал:

— Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет...

Песня, подхваченная бойцами, вдруг зазвучала новым смыслом, налилась грозной силой:

— В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила, —
С нами Сталин родной, и железной рукой
Нас к победе ведёт Ворошилов!..¹

Ни Василий Хавров, ни его однополчане, никто в стране тогда не думал, даже предположить не мог, что война станет тяжелейшим испытанием для всех, что продлится она долгие четыре года и назовётся Великой Отечественной.

Когда немцы приблизились к Москве, часть техники и вооружения с Дальнего Востока в спешном порядке, в сопровождении офицеров, стала перебрасываться на Западный фронт. Василия вызвали к командиру.

— Старшина Хавров, как имеющий среднее специальное образование вы направляетесь для дальнейшего прохождения службы и учёбу в Дальневосточное артиллерийское училище. Подготовьтесь к отъезду...

Однообразная жизнь Василия в Усть-Сунгарийском укрепрайоне сменилась напряженными занятиями по десять—двенадцать часов в полевых условиях, подвижных лагерях. Марш-броски, учебные тревоги... Курсантов учили воевать: наступать и обороняться, управлять и командовать в условиях боевой обстановки, отдавать приказы и ставить задачи, метать гранаты и бутылки с зажигательной смесью...

Сытный дух из столовой в обеденное время властно притягивал будущих офицеров.

— Нет худа без добра! — шутил Хавров, уплетая гречневую кашу с тушёнкой, что полагалась по так на-

¹ «Если завтра война». Слова В. Лебедева-Кумача, музыка братьев Покрасс.

зываемой второй норме. Подобрал всё до крошки, поглаживал себя по тощему животу, подмигивал соседу:

— Смотри, Лёха, скоро пузо наем! Для начальника — не последнее дело. Налетай, Лёха, ешь, а то силёнок не хватит седло на лошадь поднять.

На границе без конной подготовки — погибель! Бывало, проскакав десятки километров, Василий останавливался, чтобы дать коню передышку. Кони тоже не жировали, слабели. У вспотевшей от усталости животного рёбра ходуном ходили.

— Отдохни, хороший, отдохни, — утешал Ветерка Хавров, стягивая с коня седло. И сам, обессиленный, валился на землю. Лежал на спине, вглядываясь в глубину неба, тревожно следил за плывущими с запада облаками. Высоко-высоко парил ястреб. Замер, повис чёрной точкой. Да не повис вовсе! Камнем вниз — всё ближе, ближе! Закружил, кружил ястребок, словно прицелился... Отец в белой рубахе рядом. Правит лошадью, весело присвистывает...

Пять минут дрёмы — и с новыми силами в путь. Много ли надо молодому...

«И не раз, и не два били мы врага!»

В июле 1945 года, когда Япония отвергла ультиматум США, Великобритании и Китая, стало ясно, что войны на восточной границе не избежать.

Протяженность Усть-Сунгарийского укрепрайона, созданного в 1932 году в селе Михайлово-Семёновское, напротив устья реки Сунгари, — тридцать пять километров. Более пятидесяти дотов, минные поля, заграждения. Старшинский и рядовой состав к началу войны с Японией имел уже изрядный опыт: прослужили по шесть—восемь лет, а большая часть офицеров — не менее десяти—пятнадцати. Накануне боевых действий

укрепрайон усилили тремя батареями на конной тяге.

Часть, в которой служил Василий, перебросили под Гродсково. Теперь уже лейтенант Хавров, построив взвод, обратился к солдатам:

— Товарищи бойцы, наша армия одержала великую победу на западных фронтах. Теперь настал наш черёд. В интересах социалистической Родины Красная армия примет решительные меры, чтобы навсегда уничтожить опасный плацдарм близ наших границ. Захватническим планам японских империалистов, которые хотят отбросить нас, русских, за Урал, захватить советский Дальний Восток и Сибирь, никогда не сбыться! Никогда не ступит нога самурая ни в Хабаровск, ни во Владивосток, ни в Читу! Наши бои впереди. Сегодня мы должны укрепиться на нынешних рубежах...

Пятачок, где предстояло окопаться огневому противотанковому взводу, — сплошная скала. Лейтенант долбил, долбил вместе с бойцами камень, вгрызался в ночь....

На днях китаец-перебежчик принёс блокнот. Самурай писал: «Коль печень съешь врага, Сырую, с тёплой кровью, То, чуждый жалости, Ты покоришь весь свет...».

Вот чего захотели! — Крупный пот катился со лба, тёк ручейками по спине. Лейтенант остановился, посмотрел на взмокших уставших бойцов и неожиданно запел:

— Мы не раз и не два недруга учили
Обходить стороной русские луга.
И не раз, и не два мы в поход ходили,
И не раз, и не два били мы врага!

Под стук тяжёлых ломов, звон дроблёного камня, вылетающего с каждым взмахом десятков лопат из уходящих вглубь окопов, будто под барабанную дробь, покатилась подхваченная солдатами песня:

— На родных полях завывли ураганы,
Тучи полегли над самую землёй.
Огненным дождем встречать гостей незваных
Пробил час, товарищ боевой!..¹

9 августа советские разведчики перешли границу. Авиация нанесла удар по дорогам Маньчжурии. Боевые действия велись на фронте протяженностью более четырёх тысяч километров. В войне с опытным, хорошо вооружённым врагом Красная армия одним броском преодолела огромные расстояния. Позади безводные пустыни, горы, леса. Освобождена Маньчжурия, города Сахалин, Айгунь, Фуцзинь, Цзямусы, Харбин. Части шестой гвардейской танковой армии, преодолев Большой Хинган, освободили Инкоу, Аньдун, Чанчуню, Муданьцзянь, Мукден...

Грузовик с размашистой жёлтой надписью на капоте «Смерть японским самураям!» двигался вдоль железнодорожной насыпи. Хавров, возвращавшийся из штаба с водителем Володей Копыловым, подмечал:

— Гляди-ка, готовились японцы к войне с нами нешуточно. Семь линий железнодорожных путей к нашим границам проложили. Семнадцать укрепрайонов... Почти пятьсот километров по фронту, тридцать — в глубь.

— Тридцать не везде. Местами — километров пять, — возразил водитель.

— А сколько дотов на склонах сопок, какие железобетонные башни с бойницами для кругового обстрела! Хозяевами себя чувствовали на китайской земле.

Грузовик подсакивал на ухабах, временами исчезал в клубах пыли, буксовал в глубоких песках. Поля с просом, гречихой, диковинным земляным орехом, сорго, называемым местными гаолянгом, закончились. Дорога

¹ «И не раз, и не два». Слова Г. Гридова, музыка Б. Фомина.

петляла между скалистыми сопками, покрытыми виноградниками.

— Товарищ лейтенант, спросить можно? — Копылов покосился на поблёскивающий на груди Хаврова орден. — Где отличились?

— За Мукден. Командовал огневым противотанковым взводом ...

Выполнить приказ — овладеть высоткой, — не удалось уже второй день. Японцы установили на вершине орудия, пристрелялись.

«Голову не дают поднять! Должны же у них когда-нибудь закончиться боеприпасы... Смертники... побрал бы их леший!» — думал Хавров, решая, что же предпринять. На глазах погиб танковый экипаж. Маленький японец, обвязанный минами, бросился под гусеницы...

Разведка докладывала: зайти с тыла не удастся. Все подходы обстреливаются. Самураи сбрасывают гранаты, обмотанные чем-то вроде шпагата. Катятся с горы, как мячики, пока не остановятся внизу, как раз у наших позиций. Вот тогда и взрываются, словно управляемые.

Хавров не спал всю ночь — просчитывал удар каждого орудия, отдавал распоряжения о дислокации боевых групп. Чёрное небо безжалостно поливало водой. Ливень не прекращался вторые сутки. Японцы притихли. Лишь изредка раздавались одиночные выстрелы. Как только верхушка сопки стала просматриваться в мутном утреннем свете, лейтенант отдал приказ.

От мощного удара артиллерии разнесло вершину горы, деревья срезало, будто лезвием. Гром орудий слился с грохотом каменного дождя и криками: «Ура-а-а!».

Уцелевшие вояки сдавались в плен. Худые, грязные, ещё недавно мнившие себя властителями не только Китая, но и русской Сибири, выглядели жалко, обречённо...

17 августа Квантунская армия получила приказ своего командования о капитуляции, но в отдельных районах бои ещё продолжались. Через три дня советскими войсками были заняты Южный Сахалин, Маньчжурия, Курильские острова и часть Кореи. 23 августа в Порт-Артуре был спущен японский флаг и над крепостью взвился советский.

В Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» второго сентября был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Через неделю, 8 сентября, в Харбине прошёл парад советских войск в честь победы над империалистической Японией.

Василий Хавров участвовал в нём — самом восточном параде Великой войны.

«Как из нашей из деревни...»

Дождлся Василий весточки из Долгополя осенью сорок шестого года, перед самой демобилизацией:

«Здравствуй, дорогой сынок! Привет тебе из родного дома посылает твой отец Егор Степанович. Присоединяются также тётя Таня и сёстры.

Возвернулся я, Васенька, с войны второго сентября. Дошёл с боями до самой Эльбы. Жив-здоров. Только, когда пахал в деревне на поле, то о железину, что в земле от снаряда, распорол ногу, ступню. Внимания сразу не обратил. Дело дальше делал. А нога разболелась — мочи нет терпеть. Доктора сказали, что надо резать. Отрезать, значит... Войну прошёл, возвернулся на двух ногах, а теперь — отрезать... Татьяна Степановна, сестричка моя, лишать меня ноги не дала. Сама стала выхаживать. Мази, примочки. Я терплю. А до работы стал непригодный. Разве что-нибудь руками сделать. Вот корзины плету. Как совсем без дела остаться? Нельзя, чтобы без дела...

По случаю прикупила Татьяна весной парсючка. Попался удачный. Ест хорошо. Хряпы вместе с бульбой наворачивает так, что только за ушами трещит. А когда случается конских яблок в мешанку добавить, вес у поросёночка на глазах прирастает. Будет к Рождеству свеженина.

Как ты, сынок, служишь? Скоро ли демобилизуешься? Ждём не дождёмся тебя домой. Без мужских рук в хозяйстве нельзя. Татьяна Степановна по тебе плачет. Говорит, соскучилась очень. Приезжай скорее!

Шлют тебе низкий поклон Ерашовы. А Петра нет. Похоронка на него пришла.

На сим письмо заканчиваю.

Егор Степанович Хавров».

Медленный товарняк тянулся по сибирской тайге, тормозя у каждого посёлка, делал долгие санитарные остановки в выжженной степи. Василий читал-перечитывал дорогое отцовское письмо. Лёжа на соломе, подолгу смотрел на мелькающие вдоль дороги редкие домики, золотистые сосны...

Вагон качало, трясло, словно телегу на проселочной дороге. Пахло лесом, полем...

Отец в белой рубахе подаёт голос на лошадь, а Василий на сене, смотрит, как ветер правит куда-то облака. Под боком, в мешке, похрюкивает поросёночек. Только что присмотрели на базаре. А под облаками ворон. Один, другой... Ка-а-ар, кар-р-р!.. Всё ниже, ниже...

Черно над полем — над коровьими, свиными тушами. Чума! Язва сибирская! В ужасе вскочил Хавров на повозке:

— Гони, батя, гони!..

Кто-то тряс его за плечо:

— Эй, лейтенант, что приснилось?

Василий очнулся. Рядом, скрестив ноги, морской офицер. Два ордена и медаль «За отвагу».

— Капитан третьего ранга Николай Стригунов! — представился моряк.

Хавров сел, пригладил взъерошенные волосы, из которых торчали золотистые соломинки. Пожал руку попутчику.

— Приснилось, понимаешь... На границе с тридцать девятого... По сёлам только-только народ обживать стал, а тут — падёж скота. То эпидемия язвы, то чумы. Целые кладбища коровьи да поросычьи. Нас, солдат, отправляли туда. Тонны мяса закапывали, сжигали... Приснилось, что в нашей деревне такой падёж, а я с батей поросёночка только купил... Была ли та чума в Приамурье диверсией или сама по себе?

— Японцы проводили опыты, — объяснил моряк, — выкармливали крыс, мышей, заражённых чумой, сбрасывали их в расположении частей, в тылах. Диверсанты разбрызгивали бактерии тифа, сибирской язвы. Факты налицо.

Василий подивился:

— Это ж настоящее бактериологическое оружие!

— Да, лейтенант. Хотя только опыты были, но хватило и их... Далеко путь держишь?

Хавров рассказал об отце, деревне, Белоруссии, куда добираться надо через Москву, с пересадкой.

— Ишь, куда тебя занесло! — посочувствовал офицер. — Мне-то до Новосибирска, скоро дома буду.

Наклонившись к Василию, прошептал на ухо, указывая на коробки:

— Везу подарок из Владивостока детскому дому. Икра! Не знаю, как от поезда дотащить одному. Да и опасно: воры, бандиты на вокзале не дремлют...

Хавров оглядел коробки: в три ряда по три штуки в каждой связке. Попробовал приподнять, удивился:

— А сюда как же притащил?

Попутчик улыбнулся:

— Сюда помогли — товарищи провожали. Вот такая, лейтенант, боевая задача!

Василий почувствовал себя неловко. Надо бы помочь. Он и не против. Но попробуй потом в поезд сесть! Стригунов заметил его смущение:

— Не волнуйся, лейтенант, погостишь у нас. Примем как дорогого гостя. Сестра моя, Катерина, на вокзале в железнодорожной кассе работает. Так что будет тебе билет по первому классу!

...Под ногами шуршала цветная опавшая листва. Золотились у школы молодые берёзки. За отцовской хатой в Горянях пламенели освещённые заходящим солнцем багровые осины. Огромная луна выкатилась и повисла в ещё светлом небе над верхушками далёких тёмных елей.

Нина Хаврова с подружкой Ерашовой Любой лущили бобы во дворе, когда Егор Степанович, заметив сына в окно, выскочил из хаты, гремя самодельными костылями:

— Васька, Васька вернулся!

Девки взвизгнули, побросали работу, помчались навстречу, сквозь радостные слёзы заверещали на всю деревню: «Приехал! Приехал!». Вечером в хате собралась близкая и далёкая родня, соседи, друзья-товарищи. Говорили и молчали... Плакали и пели:

— Как из нашей из деревни
Ваньку в рекруты берут —
Ходят бабы по деревне
И ревут, ревут, ревут...¹

На другой же день, осмотрев хозяйство, принялся Василий за дела. Вычистил хлев, постелил поросёночку све-

¹ Народная песня.

жей соломы. Подлатал крышу, почистил трубу, обмазал вокруг свежей глиной, чтобы не затекало во время оттепелей и дождей, поправил покосившиеся столбы у ворот. Управившись по хозяйству, пошёл лейтенант в МТС.

Место заведующего нефтебазой было свободно.

Диверсанты

У конторы притормозил грузовик. Ванька Фролов, пятиклассник Долгопольской школы, соскочил со ступеньки кабины.

— Кабинет направо, — подсказал паренёк шофёр.

Ванька осторожно стукнул, приоткрыл дверь:

— Мне бы Василя Егоровича Хаврова!

— Я Хавров. Заходи смелее.

Стряхнув с башмаков грязь, паренёк протянул сложенный вчетверо листок:

— Вот. От директора школы.

Василий разгладил записку: «Уважаемый Василий Егорович! Есть серьёзный разговор. Надо встретиться...».

— Грузовик во дворе. Можно прямо сейчас ехать, — предложил по-хозяйски Ванька.

Директор школы, Михаил Федотович Ласков, одетый по-военному — в гимнастёрке и галифе, вышел на встречу Хаврову, поздоровался левой рукой. Вместо правой — пустой рукав прижат солдатским ремнём.

— Здравия желаю, лейтенант! Спасибо, что откликнулся. Присаживайтесь... Хочу сделать перспективное предложение. Как смотрите на профессию учителя?

Хавров озабоченно молчал. Ласков наступал:

— Школе нужен физрук. Для начала отправим на преподавательские курсы в Витебск. Понравится — дадим направление на учёбу в институт. Подумайте...

В институте Василий Егорович выбрал заочное отделение физмата. Учился в Витебске, работал в Городке. Преподавал в школе, что стояла на горе, слева от дороги-каменки, напротив раскидистой плакучей ивы, в длинном одноэтажном здании. Одинаково охотно вёл уроки физкультуры, труда, черчения, математики, физики...

В половодье речка разлилась так, что воды её плескались на ступенях крыльца дома, где поселилась молодая семья Хавровых. Василий Егорович поднялся рано утром, чтобы успеть перевезти на лодке Евдокию Максимовну и не опоздать в школу. С нынешнего понедельника на его плечи легла новая забота: заменял заболевшего директора школы Григория Семёновича Орловского и завуча Соснера. Виктор Геннадьевич уехал в командировку в Ленинград. Командуй, лейтенант Хавров!

Выбравшись на берег, Василий Егорович привязал лодку у моста и, поддерживая жену за руку, стал подниматься в гору.

— Вася, посмотри, на столбе объявление. Что там? — заметила Дуня трепыхавшийся на ветру тетрадный листок.

«Граждане жидаы! Мы ещё доберёмся до вас. Ваше место на кладбище за гончаркой. Но вы можете откупиться. Готовьте денежки!» — призывала листовка, написанная печатными буквами под копирку.

Хавров сорвал бумагу, скомкал. Оглянулся по сторонам, куда бы выбросить. Передумал, засунул листовку в карман. Что за дурацкие шутки?

Учительская гудела:

— Бернадские сегодня ставни открывают, а там — листовка: «Бей жидаов!».

— Говорят, у колодца в центре такую же нашли!

— Бутмачиха ведро из колодца достаёт — листовка...

— На деревьях по всему городу...

— Диверсанты!

— Вся милиция уже на ногах! — сообщила учительница второго класса Клавдия Миновна.

— И в райкоме переполох, — поддакнула преподавательница пения.

Хавров кашлянул, подождал, пока учительская умолкнет:

— Пора в классы. Расписание есть расписание!

Вскоре на школьном дворе появился незнакомец в сером пальто со стареньким портфелем. Он внимательно осмотрел территорию. Заглянул в дровяник, туалет. Прошёл по коридорам здания. В учительской предъявил документ:

— Сотрудник НКВД, товарищ Н. Попрошу собрать для экспертизы тетради всех, до единого, учеников.

— Вы думаете, это наши дети? — похолодел Хавров.

— Думаем, что дети. А чьи, проверим — узнаем! — обнадёжил сотрудник, заталкивая тетради в объёмный портфель.

В коридоре тётя Поля, школьная техничка, прозвела колокольчиком, созывая учеников на урок. Василий Егорович пошёл по классам. Он всматривался в лица ребят, пытаясь уловить, почувствовать, кто так глупо, недобро пошутил с листовками.

...В Маньчжурии китайцы встречали советских бойцов-освободителей с красными флажками в руках, вывешивали их над нищими фанзами. Угощали солдат сладкими арбузами, сочными помидорами, огурцами. Выкрикивали пожелания долгой жизни. Но среди искренних светлых взглядов нет-нет да и мелькали улыбочиво-холодные, острые, как клинок...

«Глаза, глаза, душа человека, — думал Хавров, вглядываясь в ребячьи лица. — Хорошие дети... Бесполезная затея! Нет в моей школе этих “диверсантов”».

У шестиклассников — диктант. Притихшие, они не обращали внимания на директора, поскрипывали пёрышками. Василий Егорович уже направился к двери, когда его взгляд задержался на Хайме Дзябкине.

Мальчишка исподлобья тревожно следил за Хавровым, его ручка зависла над тетрадкой, а на пёрышке повисла чернильная капля.

— Дзябкин, зайдёшь ко мне в кабинет на перемене! — приказал директор.

Опустив голову, пряча руки за спиной, Хайм стоял перед Хавровым и носком ботинка возил по полу. Директор молчал, думая, с чего начать. Видел, как заливаются краской мальчишечьи уши.

— Скажи, Хайм, какую книжку ты сейчас читаешь? Дзябкин удивлённо уставился на Хаврова:

— Про фашистскую разведку и диверсантов...

— Называется-то как? — уточнил Василий Егорович.

— Сейчас вспомню, — Хайм наморщил лоб. — «Разоблачать происки фашистской разведки». Комиссар госбезопасности написал, Кубаткин.

— Разведчиком хочешь стать?

— Ага, — совсем расслабился ученик.

— В кино-то давно был?

— В прошлое воскресенье. С папкой. «Сын полка» смотрели.

— Понятно. Про разведку... Книгу тебе тоже папка дал?

Хайм вздохнул:

— Не-е-е, сам у него взял.

— Копирку у него тоже сам взял?

— Ага, — кивнул Дзябкин и густо заалел, на носу выступила капелька пота.

У Хаврова сел голос. Его, его школа! Хорошо, если только выговор, а то и с работы слететь можно...

— Отец знает?

Мальчишка, готовый расплакаться, покачал головой.

— Вот что, диверсант. — Директор слегка обнял Хайма. — Дуёй-ка ты в райком к отцу, расскажи ему всё, пока не поздно. Может, удастся пожар затушить... Кто с тобой ещё был?

— Яшка Ковалёв, — заплакал Хайм.

Весеннее половодье в том году спало быстро. Возле дома Хавровых ещё было грязно, сыро, но солнышко припекало, подсушивало пригорки. Отца Хайма Дзябкина перевели в другой район. Затихли, забылись разговоры о «диверсантах». Вошла в берега бурливая по весне речка Горожанка...

Много, много утекло воды с тех пор. Подрастали ученики, выросли, приводили в первый класс своих ребятишек. Были среди них и Маресьевы, и «диверсанты» с пиратами, и Гагарины, ставшие потом известными в районе трактористами, агрономами, врачами... И греет душу старого учителя память: что-то доброе заронил в детские сердца, протянул руку, приласкал, помог, не дал в обиду. Как того зайца-смельчака под их с батькой повозкой. Выручили косоногого, не отдали в добычу ястребку.

Пускай это — сон. Так что же?

ПУЧОК ТРАВЫ

Подружкино счастье

Дом Ламбаков готовился к свадьбе старшего сына. На кухне дымилась, парилась, кипела, шкварчала, запекалась, нарезалась праздничная вкуснятина. Переставлялась мебель, раздвигались столы, теснились одолженные у соседей стулья....

Мила, младший ребенок в семье, суежилась вместе с мамой и тетушками в общих приготовлениях: подавала, подносила, расстилала, расставляла. Свадьба — событие сугубо семейное, соседских детей мало касаемое. Мне не оставалось ничего другого, как кататься с горки на санках в одиночестве, поглядывая на двор Ламбаков, прислушиваясь к звукам голосистой гармошки и удалого свадебного веселья.

Дома, скинув промороженные валенки, залезла на теплую печь. Отогреваясь, укутала ноги старым выношенным бабушкиным пальто, которое она стелила для мягкости, удобства, сохранности тепла. Раскрыла любимую книгу сказок. Буквы и цветные картинки поплыли перед глазами, превращаясь в белое воздушное платье, газовую фату и хрустальные, как у Золушки, туфельки...

Проснулась утром уже в постели. Шея обмотана шерстяным платком, рядом на табуретке таблетки, кружка с горячим чаем. Глотать больно: ангина! Эта болезнь наведала меня именно в дни каникул. До слез

обидно! От этого, казалось, горло болело ещё нестерпимее.

Мила прибежала после обеда. Ее пухленькие щёчки румянились, глаза блестели, сама она так и сияла, так и сияла. Шутки вам, что ли, — свадьба у брата! Я сразу же забыла про ангину. Скорей, скорей рассказывай! Какая она, невеста?

— Красивая! — гордо ответила подружка. Выдержала паузу, наслаждаясь моим завистливым нетерпеливым вниманием, и в доказательство добавила: — Инна маленькая, как Крошечка-Хаврошечка, и беленькие туфельки у нее, словно кукольные, — вот такусенькие! — показала она ладошками.

Я молчала, потрясенная известием: невеста была сказочной! Мила продолжала выдавать новость за новостью:

— Мы с бабушкой Аней под гармошку плясали! Жениху и невесте друзья подарили большой-большой бумажный сверток. Они его разворачивали, разворачивали-разворачивали... А внутри оказался маленький... клоун! — Мила взвизгнула от восторга. — Нажмешь снизу на подставочку, и он пляшет, пляшет...

Подружка подскочила со стула, стала размахивать руками, подпрыгивать, мягко топя валеночками (калоши сняла в прихожей).

— А у меня еще есть секрет, — заговорщицки зашептала она, оглянувшись на дверной проем, завешанный ситцевой шторкой. — У Алика с Инной теперь будет ребёночек! У всех женатых дети бывают.

Эта новость была удивительной. Везёт же Миле! Я вдруг ослабела — то ли от высокой температуры, то ли от переживаний — и опустилась на подушку. Подружка победно воссела на стуле рядом...

Из бабушкиного палисадника хорошо виден дом Ламбаков, стоящий на пригорке через дорогу. Ожидая Милу после обеда, как договорились, я грызла сладкие

яблочки-коробовки, уже созревшие на молодом деревце у веранды, и частенько посматривала поверх забора в сторону соседского двора. Глядеть глядела и всё-таки прозевала бежавшую ко мне по тропинке от колодца подружку с туго заплетёнными косичками и большими белыми бантами. Она влетела в палисадник с ошеломительным предложением:

— Пойдёшь со мной к Инне? У неё мальчик родился!

Я сидела на скамейке под окном, онемев от известия. К августу зимние переживания о сказочной невесте уже подзабылись. Мила расценила моё молчание по-своему и принялась уговаривать:

— Это совсем недалеко! Мы через луг за вашим огородом пробежим — так быстрее. На горку поднимемся, а там, у дороги, её домик. Мама попросила одеяльце отнести, — и помахала передо мной авоськой со свёртком.

Да я не только на горку, я на другой конец города готова бежать, чтобы увидеть красавицу Инну с маленьким ребёночком!

Шум дождя

И свадьба, и подружка Мила вспомнились мне, когда слушала Инну Семёновну Ламбак, мою школьную учительницу немецкого и английского языка. Мы встретились в читальном зале районной библиотеки. Маленькая круглолицая пожилая женщина с заметной родинкой на правой щеке. Через плечо переброшен яркий шарфик. Инна Семёновна всегда элегантна. Но на старых фотографиях, которые раскладывала на столе, она — ещё молоденькая девушка, какой помню её с тех давних времён, когда сама никаких иностранных языков не изучала — не выросла...

Сейчас на бывшем лугу, по которому мы бежали с Милой в гости к Инне Семёновне, разместилась большая школа. На горе, где был дворик с садом в окружении могучих ив, под свисающими лозами которых прятался старенький домик, приютивший в крохотной комнатке молодых Ламбаков, высится многоквартирная пятиэтажка. Кто-нибудь из её многочисленных жильцов, тех, кто уже немолод, думаю, помнят и добрую хозяйку домика — учительницу биологии Евдокию Кузьминичну Вожик, прозванную школьниками «Цыпочка» за привычку из-за маленького роста приподниматься на носочках. Мы с Милой были малы, и Цыпочка у нас не преподавала. Строгий её вид меня настораживал, возможная встреча с ней пугала. Но Инна Семёновна, с юности повидавшая разных квартирных хозяек, прижилась в её доме давно, теперь ещё с мужем и малышом. Мои опасения были по-детски смешны и напрасны.

У дома Цыпочки, вдоль забора, буйствовала трава, пахло влагой — неподалеку бил родник. Он и сейчас по-прежнему рвётся из-под земли настойчивым ручейком, пробивает асфальт, огибает бетонные заграждения, спешит вниз, туда, где двадцать лет назад вольготились лопухи калужницы, осоковые кочки, шоколадными шишками тянулся вверх красавец-рогоз, доверчивые аисты по-хозяйски степенно прогуливались в поисках лупоглазых лягушек.

В нынешнее время оставили попытки поворачивать реки вспять, но, вопреки дедовской науке строить жильё на сухом и возвышенном месте, продолжают возводить здания на лугах и болотах, засыпая родники, упрямо загоняя их вглубь. Только природу не перехитришь, Бога-Творца не обманешь.

Пульсирует родниковая сила земли, переплетаются прозрачные струи... Прокладывает путь ключевая вода к обмелевшей Горожанке, чтобы по законам любви напоить ослабевшую речку животворными водами.

Людская память, пробиваясь сквозь годы, живёт, чтобы напитать спасительной мудростью наших детей и внуков, наполнить целительной влагой русло истории.

* * *

На ступеньке крыльца деревенской хаты сидела босая четырехлетняя девочка, сыпала кривой ложкой песок в глиняный щербатый горшок. Наполняла, выворачивала на землю кучкой-горочкой и снова ковыряла ложкой. Две пёстрые курицы, поднимая пыль, копошились рядом, косились на малышку, которая, сглатывая слёзы, жалобно канючила, тёрла щеки пыльной ладошкой: «Никому я не нужна-а-а... Нету у меня па-пы... Нет ма-мы... Ни бабушки-и-и, ни дедушки-и-и... В школу не пускают... Никому я не нужна-а-а-а!».

В окошко выглянула молодая женщина в тёмном платке, прислушалась.

— Нет у меня мамы-ы-ы-ы!

— Как у тебя нет мамы?! — Фёкла бросилась к дочери. — Я же тут! С тобой! Моя ты деточка, моё солнышко... — Женщина подхватила малышку на руки, прижала к груди, стала целовать, целовать мокрое личико. — И бабушка Дуня у тебя есть — на лугу корову доит. И дедушка Ваня есть — на сенокосе он... — Фёкла сняла съехавший с головы платок, вытерла им Инночку и, снова прижимая к себе, спрятала от ребенка собственные слёзы.

...Густо-густо стелется предутренний туман по двору и дальше — по деревне, за околицу. Дымится у пригорка, клубится по погосту — одни верхушки берез да рябин плывут над ним, тянутся к серому небу. Семён в бе-

лой рубахе — у ворот. Рукавом лицо вытирает: «Сыро мне, сыро....». Голос его далёкий-далёкий: «Сыро мне, сыро тут....».

— Семёнушка! Родимый мой! Что же ты стоишь, в хату не идешь? — хочет бежать Фёкла к мужу, а ноги как приросли к крыльцу.

«Измучила ты меня... — Он поднимает голову, смотрит на набрякшую влагой тучу, ползущую за ним. Крупные капли сыплются вниз, ударяют в лицо, бьют по плечам, спине, падают на землю — брызгами летят во все стороны. Рубаха мгновенно влажнеет, обвисает на молодом теле. Семён зябко поёживается: — Четвёртый годок по мне плачешь — места сухого найти не могу! Ты про дочь не забывай! Инночку... Береги её».

Голос Семёна тонет, гаснет в шуме дождя. А Фёкла машет руками, кричит, кричит... Горько, одиноко ей без него, холодно ей без мужниного тепла, без ласкового слова, трудно ей одной-то с дитятком, тяжело вдовствовать в колхозе... Зачем ушёл, зачем покинул её, молодую?

Семён в ответ только грустно улыбается, повторяет, шепчет одними губами: «Не плачь... Дочку береги...».

Дождь затихает внезапно, как начался, сквозь тучи проблёскивает солнце, протягивая сияющий луч к ногам Семёна...

От яркого солнечного света, бьющего в глаза из окна, Фёкла просыпается, долго лежит, не понимая, что с ней: неужто вправду Семён был? . Она ещё будто видит его, слышит голос. Сердечко в груди так и колотится... Приходил! Помнит её! Любит! А просил-то что? «Дочку береги... Дочку!..»

...Фёкла несла девочку в избу, прижимая к себе крепко, словно срастаясь плотью, шептала-приговаривала: «Инночка моя, ягодка моя! Мама всегда будет с тобой...».

Стекла́нная запа́дня

Мы с Милой бежали по краю луга, который манил и пугал нас своей неприступностью, непроходимостью, особенно там, где журчала вода, где проваливались ноги, где трава была ярко-зелёной, где пелибулькали лягушки. Эти загадочные создания во множестве населяли весь луговой простор. Мы брали их в руки, подносили ближе к глазам, чтобы разглядеть влажную, блестящую коричнево-зелёную нежную кожу, лапки с длинными пальцами-перепонками, беззубый широкий рот, выпученные мячики глаз. Но шустрые непоседливые лягушки норовили выскользнуть из наших мокрых ладоней, скрыться, раствориться в густой траве.

На этот раз было не до них. Хотелось скорей, скорей увидеть Инну — молодую жену Алика. Во дворе мы прошли по деревянным кладкам-тропинкам, через низкие двери попали в тесные сени, оттуда — в светлую маленькую горницу. Туго спеленатый новорождённый Дима Ламбак крепко спал среди огромных плюшевых медведей, свадебных кукол на широкой родительской кровати в боковой спальне, вмещающей только пару стульев. Инна встретила нас в лёгком шёлковом халатике. Я смотрела на неё, не в силах отвести глаз, прикусив от волнения губу. Она шёпотом поблагодарила за одеяльце, улыбнулась:

— Вы уж простите, девочки, — «тихий час»!

Хоть и не хотелось уходить, но тихо, на цыпочках, мы с Милой покинули этот притягательно светлый, плюшево-шёлково-игрушечный мир. Заглянули в хозяйский сад, прихватили сладких яблок-опадышей (чужие всегда вкуснее!) и, сокращая путь, стали пробираться к луговой тропинке по огороду, мимо грядок с великолепно пышной свеклой и лапушистой капустой с диковинно фиолетовыми листьями, мимо старых пла-

кучих ив с толстыми корявыми стволами. Земля была настолько сырая, что, перепачкав не только туфли, но и ноги, мы пожалели: зря не обошли дом по дорожке. Вскарабкавшись на свисающую к самой траве огромную разлапистую ветвь, решили передохнуть, привести в порядок обувь.

Прямо под ногами пучеглазилась толстая лягуха. И тут я придумала! Трёхлитровая прозрачная стеклянная банка, которую бабушка поставила на полку в кладовке, — вот что мне надо! Из такой посуды нелегко выбраться даже с лягушачьей прыгучестью.

— И мне возьми банку! — просила Мила. — Мама с магазина вернётся, я тебе такую же отдам.

С двумя банками мы, словно два аиста, бродили по лугу и ловили несчастных лягушек. Больших, маленьких, зелёных, коричневых, с темной полоской на спинке... Опускали в стеклянную западню, пересчитывали, разглядывали, шли дальше в поисках новой добычи. Азарт разогревался негласным соревнованием: кто поймает больше? Спасаясь, лягушки прыгали в воду, скрывались от нас в жёлто-коричневой торфяной бузе. Но не тут-то было! Мы с Милой становились на колени, бесстрашно запускали руки в канаву по самые плечи, а то и так, что даже уши погружались в тёмную жижу, — шарили по дну, хватая несчастных за длинные скользкие ноги.

Уставшие, взмокшие, но довольные собой притащили во двор нашего дома две трёхлитровые посудыны, доверху набитые зелёно-коричневыми шевелящимися лапками, головками, спинками...

— Божачка ж ты мой! — воскликнула моя бабушка Дуся, брезгливо, с опаской отходя к дверям. — Они же сдохли уже?

— Живые! — разглядывая содержимое банки, радовалась я.

— Задохнутся же так! Несите назад, на болото...

Ой, страх-то какой! — исчезая в доме, бабушка громко хлопнула дверью.

— Не задохнутся, — буркнула я и потащила лягушек на свою игровую территорию — скамейку в палисаднике.

У нас с Милой за плечами был всего лишь первый класс начальной школы — не велики умишком. Но кто-то, невидимый, словно настойчиво шептал нам: «Умрут лягушечки. Отпустите!».

— Потом! — отвечали мы. — Пусть еще немного у нас побудут.

Мила недолго полюбовалась болотными пленницами, вдруг заторопилась домой:

— Маме покажу!

Ухватив пальцами банку за горлышко, подружка убежала со двора.

«Ой!» — с улицы долетел стеклянный звон. Мила, споткнувшись о камень, упала в дорожную пыль: «Мама-а-а!». Лягушки, большие и маленькие, зелёные, коричневые, с тёмной полоской на спине, скакали вокруг, очумев от воздуха и свободы.

Моя же добыча по-прежнему принадлежала мне. Теперь, когда только у меня осталось это земноводное богатство, расстаться с ним стало ещё труднее. Спрятав банку с обвязанным тряпочкой горлышком в тенёк, под пышный куст пиона, я вернулась к Миле убирать осколки.

— Ты отпустишь своих? — всхлипывала подружка, провожая взглядом прыгающих по дороге лягушек, теперь одинаково серых от пыли.

— Ага, — утешала я её, тайно радуясь, что банка в палисаднике стоит полнёхонька.

Не успели мы закончить с уборкой стекла, как со двора донёсся стук двери и голос бабушки: «Девчонки! Куда банки подевали?».

Мила испуганно посмотрела на меня: «Сейчас при-

несу!». Я бросилась в палисадник: хочешь не хочешь, а надо освобождать пучеглазых, — с бабушкой Дусей шутки плохи. Она строгая. Подняла банку, поднесла к глазам и замерла: лягушки не шевелились! Тряхнула посудину. Не двигаются! Дрожащими руками развязала тряпицу, стала вытряхивать содержимое на землю. Лягушки с растопыренными лапками падали на спины, животы и — оставались лежать... Я брала их в руки, гладила, вертела, тихонько надавливала на животики... Зачем, зачем пришла мысль собрать их в банку? Почему не отпустила сразу? Я же слышала этот голос, который звучал во мне, голос, который всегда жил где-то в груди, трепетал, замирал, тревожил так, что я узнавала его... И сегодня слышала, как он просил: «Умрут лягушечки. Отпусти!».

Дедова наука

Через тропинку к маленькому болотцу спешила дикая уточка-мама. Она переваливалась на коротеньких ножках с одной стороны на другую, шлёпала по дорожке мокрыми лапками, призывно покрякивала. Следом за нею ковыляли, спотыкаясь, тыкаясь клювами в землю, пушистые неуклюжие комочки. Семилетняя Инна, спрятавшись за ольховым кустом, почти не дышала, смотрела, замерев, на это чудо — настоящие живые утятки!

До войны у них с дедом и бабушкой водились большие важные гуси, было много вездесущих кур и бойкий петух Петька, корова-кормилица и поросёнок Борька. Но сейчас в сырой холодной землянке, которую дед Ваня выкопал вместо сгоревшего дома, только мокрые лягушки прыгали, чёрные шершавые жабы по углам таились да серые мыши попискивали.

Вернулись Развяковы с односельчанами в освобож-

дённую деревню, а её, деревни... нет! Брёвна обгорелые, печи с трубами, колодцы и две бани. Только они и уцелели... Инночка крутила головой, глазёнки таращила:

— Деда, а где наша хата?

Молчал Иван Леонович.

— Баба, а где наша школа?

До войны Фёкла, уходя на работу, маленькую Инну оставляла дома с дедушкой и бабушкой. Им по хозяйству дел хватало — не переделать. Нянчиться с дитятком некогда. Девочку же тянуло к детям, которые учились в школе, через дорогу. Она смело направлялась туда, когда звонок колокольчика объявлял перемену, устраивалась за партой в просторном классе. Молодая учительница, заметив ребенка, не возмущалась, не выгоняла, а давала листок бумаги и карандаш — учись с нами...

— Баба, где школа?! — ничего не понимала девочка.

Молчала Евдокия Ивановна, глубокие складки у рта, потемневшие глаза вдруг прибавили ей лет, состарили.

— Мама, где же мы жить будем? Куда я в школу пойду? — залилась слезами маленькая Инна...

Развяковы и односельчане, вместе добиравшиеся от Городка до родной деревни, бродили по пожарищу в надежде отыскать хоть какую миску, какую железку.

— Мать, посмотри, может, в подполье что осталось? — Дед отвернул от ямы черную головешку бревна.

Там, в погребе, когда-то был маленький тайничок. Но он оказался пуст. Ямы, в которых прятали «добро» от немцев, тоже были кем-то разрыты. Пусто!

— Деда, смотри, смотри, что я нашла! — В перепачканных сажей руках Инна держала штыковую лопату. Вернее, то, что от нее осталось.

— Ну вот! — обрадовался Иван Леонович и похвалил

внучку: — Значит, жить будем! С лопатой мы точно не пропадём. Землянку выкопаем. Огород подготовим... А пока надо проситься на ночлег в баню. По ночам-то ещё крепко подмораживает...

Без дедушки не выжили бы Развяковы. На мёрзлой картошке, которую по полям собирали, долго не протянешь. Иван Леонович облазил всю околицу, обшарил все закоулки, прошёлся по следам фрицев. Ножичек, ложка алюминиевая, котелок, каска немецкая... — всё в хозяйстве сгодится.

Однажды нитки-веревочки принес. И за работу! Сплёл-связал мережи. Рано-рано утречком, только горизонт заалел, отправился на речку. А когда вернулся — вся деревня сбежалась на улов посмотреть: кроме карасей, плотвы, красноперок, пескарей, в корзине красовалась пара широких, с пятерню, подлещиков и пять молодых щучек с толстыми животами, набитыми икрой: у хищниц время нереста. Дед рыбу разделил: ту, что крупнее, своему большому семейству оставил, мелкую — соседским детишкам.

— Налетай, детвора! С рыбой-то с голоду не помрёшь! Христос двумя рыбами пять тысяч народу накормил, ещё и осталось...

Девятилетний мальчуган, живший в дальней бане, недоверчиво сморщил нос:

— Брешете, дедушка! Нельзя двумя рыбами...

— А ты попробуй. Вот тебе два пескарика на уху — мамку накормишь и сам поешь, — отшутился Иван Леонович.

После первой удачной рыбалки надумал он ледник смастерить, пока ещё лёд полностью не сошел — в тени, с северной стороны оврагов и у озера, лежал он жёлто-серыми толстыми пластами. Улов в леднике хранить хорошо. «Запас беды не чинит!» — приговаривал, складывая в яму крупные тяжёлые куски холода.

Поодаль от сгоревшей улицы, у леса, обнаружил дед сохранившийся овин, в котором когда-то колхозники зерно сушили. Ветер в нем вольно гулял-разгуливал, однако крыша была и стены какие-никакие. В овин на лето, пока землянка строилась, утеплялась, Иван Леонович, не мешкая, переселил семью из тесной баньки, где, как в том сказочном теремке, столько народу собралось. «В тесноте, да не в обиде!» — утешались погорельцы.

Переселился Иван вовремя. Потянулись в родные места двухпольцы: беженцы и те, кто выжил в немецких лагерях, на фронтах, в партизанах. Прибился к Развяковым брат Ивана Леоновича Гавриил с женой Кристиной и шестнадцатилетним сыном Мишкой. Отыскалась и Фёклина старшая сестра Клавдия с двумя детками. Просторный овин не маленькая банька — места хватило всем. А согреться по ночам помогали плотные шерстяные немецкие одеяла, которыми разжились Фёкла с Евдокией, когда наши выбили фашистов из Вайхан, где была у них казарма. На зиму же каждая семья готовила себе земляное жильё — в нём можно даже лютые морозы выдюжить.

...День с утра безветренный, солнечный, тихий. Слышно, как гудят в одуванчиках пчёлы. Евдокия с новенькой лозовой корзинкой — творением мастеровитого Ивана Леоновича — отправилась на луг за щавелем. Фёкла с тёткой Кристиной стирала бельё. Мишка носил к овину обломки разбитого немецкого самолёта: задумал отлить из них алюминиевые ложки. Гавриил Развяков ошкуривал брёвна для потолочных перекрытий, а Иван Леонович укреплял стены землянки.

К нему бежала, летела через всю деревню Инночка, пряча за пазухой чудесную ношу:

— Дед, дед, посмотри, кто у меня есть! — Девочка,

сияя счастьем, протянула руки с двумя пушистыми комочками, бережно опустила их под ноги Ивану Леоновичу.

— Кто это? Где взяла? — Дедушка присел на корточки, осторожно, одним пальцем, погладил утят. Те покачивались на слабых ножках, тыкались клювиками в дедовы лапти, испуганно пищали. Инна приплясывала рядышком босыми ногами, не в силах устоять от радостного возбуждения. У неё получилось! Она поймала, поймала их! Вот они — маленькие, мягонькие, тёпленькие — миленькие утятки!

— Внучка моя, Инночка, — Иван Леонович пристально посмотрел из-под густых, как мох, бровей, — что же ты наделала? Деток у мамы-утки... отняла! Немцы у матерей ребяток забирали. А ты... Отнеси утят к маме!

Девочка растерялась, её личико вспыхнуло краской, руки задрожали. Присев, подобрала с земли истошно пищащих птенцов, прижала их к груди и, не поднимая глаз, уже готовая разрыдаться, бросилась к болотцу. Вслед ей — дедов голос:

— Я ж тебя от немцев спасал... Спасал! Сберёт! На руках тебя — всю войну...

«Бог не выдаст — свинья не съест»

С дедушкой всегда было надёжно и спокойно. Даже летом 1943 года, когда Инночка бежала в толпе двухпольцев. Рядом был он — крепко держал за руку. Немцы с автоматами наперевес вдоль улицы. Овчарки — с хриплым лаем, на холке шерсть дыбом, зубы оскалены — рвались с поводков, готовые по-волчьи вцепиться в глотку. Мордатый полицей бил отстающих женщин, детей, стариков прикладом винтовки, покрикивал-рычал на спотыкающихся, испуганных людей.

Фёкла поддерживала мать под руку, боялась отстать от Ивана Леоновича. Даже если их будут убивать, то вместе не так страшно... Волосы выбились из-под платка, липли к взмокшему лбу. Вспомнились зверства фашистские, известия о которых то и дело стоном прокатывались по деревне. Как забросали немцы гранатами землянки с безоружными людьми. Как в Сечёнке бежал из горящей пуни семилетний Витя Чертков с полопавшейся от огня кожей. Как в Привольных бросили каратели назад в огонь выскочившую из пожара Маню Ячменеву, подцепив её тело на штыки. Как в Мыльнице полицаи забили плетками Павла Корниленко и закололи штыками Анну Латушко, а потом сожгли... «Только бы не в огонь... Пусть лучше пуля, чем гореть живём... Инночка, девочка моя...»

— Господи! — вдруг вскрикнула Фёкла и перекрестилась. — Спаси, сохрани нас, Господи!

— Пожгут немцы... Как в Молгатах всех сожгли, — задыхаясь, на ходу прикладывая руку к груди, словно пытаясь удержать выпрыгивающее сердце, шептала мужу Евдокия.

— Погодь ты, не каркай! Бог не выдаст — свинья не съест. Не хорони раньше времени! — Иван подхватил запыхавшуюся внучку на руки.

— Дедушка, немцы будут нас убивать? — Инночка прижалась к Ивану Леоновичу, спрятала лицо в его косматой мягкой бороде.

— Не бойся ничего, моя внучечка, дед тебя в обиду не даст. Мы с тобой, как Колобок: и от волка уйдём, и от немца уйдём, и от смерти сбежим... Помнишь, как из леса ушли?

* * *

Гитлеровцы с полицаями наезжали в села с утра, когда день впереди: светло — значит, не слишком опасно.

В это время деревенские старались спрятаться от греха подальше — ушли в лес, на болота, где и землянки были вырыты, и продукты с одеждой про запас спрятаны. Немцы с самолётов над лесом и деревнями листовки разбрасывали. Иван Леонович поднял листок.

— Что пишут-то, окаянные? — Евдокия присела на сосновый пенёк.

Отправившая в партизаны мужа и трёх сыновей соседка Пелагея, не переставая доить рыжую бурёнку, которую всегда водила за собой в лес, с раздражением выкрикнула:

— А то не знаешь что! Сдавайтесь, мол, не бойтесь, женщины, старики и дети. Если вы не партизаны, выходите из леса, — мы вас не тронем. А не выйдете — расстреляем! Только кто ж вражинам этим поверит?

— Иван, она правду говорит? — допытывалась Евдокия.

Развяков то задумчиво смотрел на листовку, которую крутил в руках, то поглядывал в просвет между макушками сосен в небо, словно искал там ответ.

— Чего молчишь? Что делать-то будем?

Иван Леонович сложил бумажку, спрятал в карман старого пиджака, который остался от сына Фёдора, убитого бандитами в тридцать седьмом. Взглянул на жену решительно:

— Домой пойдём. Собирайтесь!

Соседка, ахнув, выскочила из-под коровы, забыв отодвинуть доёнку, и та накренилась — молоко закапало, потекло белой струйкой в плотный жёлто-зелёный мох.

— Сдурел ты, Иван! Поверил фашистам? Поубивают же вас! Облавой идут — уходить надо, прятаться...

— Пелагея, ты сама решай, что делать. Я уже решил — моя семья в деревню возвращается. Если немцы облавой идут да с собаками, то точно нас всех здесь побьют. Коли домой вернёмся — надежда есть... А ежели убьют, так в своей хате и смерть — мать родна.

Евдокия кликнула Фёклу, стала, молча, собирать котомку. Привыкла — муж принимал все решения сам, выполняла их, не сомневаясь.

Пелагея шумела поодаль у землянки — ссорилась с девятнадцатилетней дочерью Катериной:

— Ишь, чего выдумала: с Развяковыми пойдёт! Дурья ты башка! Фрицы на хвост наступают. А ты сама в пасть к гадам? К партизанам надо идти, к партизанам! К отцу, к братьям!

— Ты иди, мама, иди... Я вернусь в Двухполье. Не хочу больше по болотам... Не хочу! Устала я... Тело мошкаррой, комарами в кровь изъедено... Ноги стёрты... Посмотри, посмотри на мои ноги. Сил больше нет! С дядей Ваней я... Пишут же немцы, что не тронут, если домой вернёмся. Обещают жизнь! — упорствовала Катерина, глотая слёзы.

— Не пуцу-у-у! — кричала Пелагея, раскинув руки, загораживая дорогу дочери. — Снасилуют тебя! Убьют!

...Они шли навстречу друг другу. Немцы в касках со зловещей свастикой, автоматами наперевес. И Развяковы. Евдокия в тёмном платочке, кофточке, с узелком в руках. Фёкла в выцветшем платье, в стёртых туфлях, которые когда-то обувала с кружевными белыми носочками — расписываться с Семёном в сельсовете. Катерина, которой всё же удалось вырваться от матери и увязаться за соседями, — в платке, напущенном низко на глаза, с корзиной и узлом на плече. А впереди — Иван Леонович, словно старец: длинные волосы с проседью, борода до пояса, лапти, мешок за спиной, светлая холщёвая рубаха, торчащая из под короткого пиджака, на руках — Инночка, прижимающая к себе тряпичную куклу.

Немецкий офицер взмахнул рукой:

— Halt! Hände hoch!¹

¹ Стой! Руки вверх! (Нем.)

Развяковы остановились и, прижимаясь друг к другу, словно ища опоры и защиту, бросили узлы и корзины под ноги, на подстилку из рыжей прошлогодней иглицы, плотно усыпавшей лесную дорогу. Обречённо потянули руки вверх, к небу...

Было жарко от знойно припекавшего солнца. Немцы лениво обыскали задержанных. Оружия не обнаружили, но вытащили из кармана Ивана Леоновича сложенную листовку. Офицер развернул её, засмеялся. Помахал бумажкой над головой, показывая солдатам, что-то «протявкал» по-своему, по-германски. Солдаты, растянувшись в шеренгу, обходя Развяковых, медленно двинулись в глубь леса. Не тронули.

В деревню из односельчан, прятавшихся в глуши от карательной экспедиции, никто не возвратился...

* * *

Солнце, приближаясь к полдню, слепило глаза. Кусачие оводы и прилипчивые мухи, почуяв запах потных тел, в ожидании кровавой поживы назойливо закружили, загудели над двухпольцами, заполнившими небольшую сельскую площадь. Дорожная пыль медленно оседала на стоптанные башмаки, босые ноги. Неизвестность томила толпу. Немцы тоже чего-то ждали.

Через час к площади подкатил мотоцикл, из коляски вылез тощий, с болезненным жёлтым лицом хауптманн, прошёл вдоль строя, устало и безразлично разглядывая деревенских. Оглянувшись на младшего офицера, отдал распоряжение и, облегчённо вздохнув, вернулся в мотоциклетную коляску. Ещё несколько минут лишь облако пыли на дороге напоминало о его визите.

— Всем построиться в колонну по три человека! — командовал мордатый полицай.

Двухпольцы заволновались, зашумели. Иван Леонович с неожиданной прытью присел, спрятавшись в толпе, быстро снял вещевой мешок:

— Внучечка, залазь сюда!

Когда девочка спряталась за плечами деда, он уверенно выпрямился, крепко сжал руки жене и дочери: «Держитесь вместе! Бог даст — не пропадём...».

Унтер-офицер прошёл вдоль колонны, оглядывая мужиков и баб, словно выбирал кобылу:

— Гут, гут! — ткнул пальцем в Развякова и взмахом руки приказал выйти из строя.

Вслед за мужем, не ожидая команды, шагнула Евдокия. И Фёкла. Немец удивленно вскинул глаза, хмыкнул, но ничего не сказал.

Колонну под крики, стоны женщин, у которых немцы отбирали плачущих детей, разделили на группы, погрузили в машины...

Развяковы попали в рабочий лагерь «Цигель» на берегу Двины. Узники строили дорогу и оборонительные сооружения. Барак, куда их определили, больше походил на пустой сарай. Ни кроватей, ни нар. Лишь солома на полу. Как только конвоиры захлопнули за собой дверь, Иван Леонович снял со спины мешок, развязал: «Инночка, живая?».

Девочка жмурилась от света, протирала глаза. Фёкла схватила её на руки, зацеловывая, просила:

— Ты только не плачь, не кричи, сиди тихонько, когда нас погонят на работу. Прячься в солому...

— Как мышка? — улыбнулась Инночка.

— Да, да, как мышка! Умница ты моя!

— Мама, я кушать хочу... Хлебушка.

Иван Леонович добыл из кармана сухую корку:

— Грызи, как мышка.

...Узники стояли во дворе лагеря на утренней поверке, когда из барака раздался визгливый крик начальни-

ка. Евдокия оцепенела. Фёкла пошатнулась. Иван Леонович подхватил её под руку: «Молчи!».

Из барака быстрыми шагами выкатился разъярённый немец. В вытянутой руке брезгливо нёс перед собой Инночку, схватив её за платье со спины, словно щенка:

— Was ist das? Und Woher kam hier das Kind? Das Kind! Kind!¹

Иван Леонович рухнул на колени:

— Господин офицер, оставьте дитяtko! Это мой кинд, мой!

Фёкла вскрикнула, бросилась к ногам фашиста, заголосила:

— Пан, она не помешает! Она мало ест...

Евдокия, словно во сне, медленно опустилась на колени — поползла, поползла к лагерному начальнику, тыча пальцем в Фёклу, простонала:

— Мать это... Её дитя... Мутер... Мама... Мутер...

Фашист опустил девочку на землю. Инночка не бросилась к Фёкле, не заплакала. Таращила глазёнки и молчала. Немец вдруг топнул ногой, пытаясь испугать ее. Она тряхнула светлыми кудряшками, из которых посыпались соломинки, и, принимая вызов, улыбнулась.

Иван Леонович заговорил смелее:

— Господин офицер, посмотрите на нас, — задрал кверху рукава рубахи, показал свои жилистые руки, — мы здоровые, сильные, работающие! Вы останетесь довольны. Мы будем хорошо работать! Оставьте Инну...

Немец резко отвернулся от Развякова, медленно двинулся вдоль строя, его руки скрутились за спиной длинными пальцами, которые после контузии часто скакали-дёргались. Вернулся туда, где ждали решения своей участи Развяковы. Приподнялся на носки, перекатился на пятки и назад, замер, уставившись немигаю-

¹ Что это? Откуда здесь ребенок? Это ребенок! Ребенок! (Нем.)

щим взглядом на девочку. «И-н-на-а-а... Бог мой, она похожа на мою маленькую Анни! Анни-и-и — милость, благодать... Это имя — благодарность Господу за долгожданного младенца. Как же я соскучился по своей малышке!»

— Гут. Карашо. Будем посмотреть... Сидеть барак!

«Цигель»

Наш шестой класс идёт в поход! В настоящий. Пешком. Сорок километров. С ночёвкой!

Я тоже в поход. Успела в мае, чуть раньше окончания учебного года, вернуться из Мурманской области, где жила с родителями, в Городок, к бабушке. Сразу отнесла документы в школу-восьмилетку, что на нашей Старо-Невельской улице. Там подружка Мила, классный руководитель — учительница английского языка Инна Семёновна Ламбак. Это она выбрала туристический маршрут в деревню Межа, к кургану древней стоянки первобытных людей.

Уже с утра солнечно и жарко. Томясь у школы в ожидании одноклассников, мы с Милой укрылись в тени густых кустов акации, её жёлтые цветы облюбовали неутомимые пчёлки с пушистыми от пыльцы-обножки лапками. Воздух гудел от снующих в ветвях медовых тружениц. От густого зноя туристский задор, ещё вчера переполнявший нас предчувствием приключений, заметно убавился, а сорок километров пешком уже пугали.

Солнце припекало и припекало, выжимая из наших тел обильный пот. Едва отряд выбрался за город, одолев лишь пять километров, как мы запросились на привал. Инна Семёновна возражать не стала. Пригорок с берёзами звал, манил раскрасневшихся от усталости и зноя подростков.

Туристами мы оказались никудашными. Девчонки успели натереть босоножками кровавые мозоли на ногах. Обувь для похода! Мальчишечьим непокрытым головам грозил солнечный удар. Что это такое, представляли смутно, но было страшновато.

Инна Семёновна в спортивном синем трико, соломенной шляпке, в лёгких тапочках охала, осматривая наши пятки и пальцы с полопавшейся кожей.

— Что ж вы меня не послушали... И что теперь делать, мои вы ребятки? Домой возвращаться?

Возвращаться назад нам не хотелось. А как же древняя стоянка? Ночёвка? Нет уж! Перекусим бутербродами, попьём водички и пойдём.

Учительница задумалась, глядя на дорогу в сторону Межи...

По этому большаку ранней весной 1943 года возвращалась она с дедом и мамой в свою сожжённую деревню, пешком, шестилеточкой. Силы оставляли её, от голода подташнивало. Дед брал на руки...

Пока узники рабочего лагеря «Цигель» носили от лесосплава на Двине тяжёлые брёвна для укладки дорог, Инночка бродила по лагерю в поисках чего-нибудь съестного. У бараков она чувствовала себя свободно, конвоиры-чехи не обращали на неё внимания. Но девочку тянуло в дальний угол территории, к бункеру, где жил «господин офицер-начальник», обер-лейтенант. Там — запах еды! Девочка осторожно пробиралась в запретную зону, к бункеру, с той его стороны, где было небольшое оконце, которое так и манило заглянуть внутрь. Запах пищи крепчал, голодная слюна выделялась с бешеной скоростью.

Но каждый раз, леденя от страха, Инна срывалась с места и пробегала мимо, мелькнув лишь тенью. Окошко зловеще-насмешливо поблёскивало ей вслед, сохраняя тайну надёжно укреплённого подземного жилища.

Девочка бежала к берегу, к заключённым. Хотелось увидеть маму, бабушку, деда — тогда не так страшно. Узники копошились на берегу, тянули бревна на гору и были похожи на муравьёв, тянущих сосновые иглы к муравейнику. Иван Леонович один волочил длинное бревно, и оно, будто плуг, взрывало землю. Когда он поравнялся с Антони, чехом-конвоиром, тот шепнул:

— Рус, рус! Не надо рвать кишки. Придёт обер-лейтенант, тогда рвать, чтобы тот пожалеть. Арбайтен... работать... надо сила. Надо кушайт.

Дед, перепачканный грязью, сел на траву, отдышался:

— Камрад?

Чех радостно кивнул:

— То-ва-рыш.

Иван Леонович вдруг подскочил, ухватился за бревно, взвалил на плечо, пыхтя, надувая щеки, громко охая, протащил его ещё несколько шагов и неожиданно повалился на колени. Тяжёлая ноша ухнула рядом, а дед упал лицом прямо в грязь...

— Дедушка-а-а-а! — испуганно закричала Инночка.

Обер-лейтенант, которого вовремя заметил Развяков, беспокойно перебирал пальцами рук за спиной.

— Что с ним? — обратился к конвоиру, хватаясь за кобуру.

— Русский работает, как машина. Наверно, у него закончилось горячее. Ослабел. Я думаю, ему надо поесть, — по-детски светло улыбнулся Антони.

Год-два назад обер-лейтенант без промедления пристрелил бы этого бородатого мужика. Но сейчас... Командование ждёт дорогу в срок. Лагерю нужны рабочие руки. Нужны! А ближние деревни сожжены, обезлюдели. Где взять эти руки?

Он вытянулся в струнку, как перед начальством,

перекатился с носков на пятки, повернулся к Развякову, который уже пытался подняться с бревном по скользкому склону.

— В барак его. И накормить! — приказал немец, брезгливо поморщившись.

Иван Леонович смотрел, как ест внучка, и тихо радовался: его хитрость, с подсказки комрада Антони, удалась. Девочка блаженно хлебала тёплую жижу брюквенной похлебки, жевала маленькие кусочки пресного хлеба, на которые дед поделил его специально, чтобы хватило надолго. Когда в миске не осталось ни капли, ни крошки, Инночка забралась к Ивану Леоновичу на колени:

— Деда, у меня голова болит, — пожаловалась она, запуская в волосы пальчики с обгрызенными ногтями.

Вши одолевали не только внучку. Они грызли узников днём и ночью, расплодившись в складках верхней одежды, в белье. Ползали по соломе, которая ни разу за много месяцев не менялась. В недолгие минуты отдыха Развяковы трясли, выбивали рубахи, штаны, юбки, пытаясь если не избавиться, то хотя бы уменьшить скопища паразитов. Когда шёл дождь, Фёкле с Евдокией удавалось простирнуть одежду золой из буржуйки прямо под струями воды, текущей с крыши. Чистоты от такой постирушки не было, но вши, однако, её не любили. Изредка немцы позволяли узникам искупаться в реке или сполоснуть бельё в быстрой воде Двины под присмотром лагерной охраны с собаками. Мужики и бабы давили насекомых в волосах друг у друга. Надо выживать: смертельный брюшной тиф вшой расплодился по лагерю...

Было долгое, долгое забытьё... Шприцы с длинными иглами... В бесконечной тифозной тьме — дедовы надёжные руки. Тела Инна не чувствовала, ватными

ногами не могла сделать ни шага, даже когда болезнь начала отступать... Только дедовы сильные руки. И чудо, чудо — они, Развяковы, выжили!

Волки

По меженской дороге громыхал грузовик, тащивший за собой облако пыли. Инна Семёновна сбежала с пригорка, замахала руками, призывая водителя остановиться. Горе-туристов не пришлось упрашивать — попрыгали в кузов кузнечиками.

До Межи ехали долго-долго. Я с ужасом думала: этот путь мы собирались пройти пешком! Инна Семёновна, пристроившись на деревянном ящике у кабины и держась рукой за борт, под металлический дребезг машины рассказывала: «Школа — в семи километрах от Двухполя, я каждый день туда и обратно пешком. Потом, чтобы закончить десятилетку, три года квартировала в Сураже. Это сорок километров от нашей деревни. Каждую субботу после занятий — домой, чтобы запастись на неделю хлебом, вяленой рыбой. Денег у мамы не было. После обеда, в воскресенье, с котомкой за плечами, назад, в Сураж...».

На берегу озера, в стороне от деревни, среди солнечных сосен мы расчистили площадку, устелили её еловыми лапками, вбили колышки по краям, растянули днище палатки, подняли-укрепили «крышу» и, словно крылья, растянули верхние углы походного жилища. Хворост для костра собрали быстро, нашли подходящие рогатины, подвесили на перекладине между ними котелок, ждавший своего часа в рюкзаке у Инны Семёновны. Рисовая каша с тушёнкой, с дымком походного костра — вкуснятина-объедятина! А чай на огне, заваренный травами, был для меня настоящим открытием.

Я и не знала, что его можно готовить из трав, листьев, цветов, которые рядом с нами — каждое растение со своим секретом. И всё, всё это — впервые! Необычно и радостно.

Солнце, так мучавшее нас зноем с самого утра, уже давно закатилось-спряталось. Сумерки погустели, обступили костер и туристов тёмной холодной стеной. Искры взлетали над языками пламени, словно светлячки. Смотреть на завораживающую пляску огня хотелось ещё и ещё, а лезть в черноту палатки на расправу оголтелым комарам желания не было. Пока сон не сморил нас, мы с Милой попросились дежурить у костра. Хворост сгорал на удивление быстро. Сухие сосновые веточки и иглы весело вспыхивали, потрескивали, искрились и исчезали, оставляя после себя черную зольную пыль, крошечные угольки.

Инна Семёновна, навестив ребят в палатке, вернулась к костру:

— Эге... Дрова-то наши заканчиваются! До утра не хватит. Надо собирать.

Я посмотрела в темноту. Бр-р-р! Страшно...

— Идите, дежурные, за огнем я присмотрю, — распорядилась учительница.

Выйдя за круг света от нашего костра, мы очутились в кромешной тьме. Скоро глаза привыкли. Различали стволы деревьев, в просвете между ними — чёрный блеск озера, сверху — подмигивающие нам звёздочки. Мы уже видели хворост под ногами и торопливо принялись за дело. Досаждали комары: гудели, кусали, норовили залезть за пазуху, в уши, глаза, рот. Отбиваясь, тихо взвизгивая от укусов, мы с Милой набрали по охапке тонких веточек и, спотыкаясь, оглядываясь по сторонам, прислушиваясь к непонятным шорохам и звукам, нарочито громко посмеиваясь друг над другом, направились к костру. Хотелось скорее вернуться к своим.

Инна Семёновна, взглянув на нашу добычу, вынесла приговор:

— Так дело не пойдёт!

Из палатки показалась кучерявая голова Эдика Вайнштейна. Его глаза озорно светились, широкая улыбка на круглом лице.

— Можно я? С топориком. Сухостоину в кустах видел — до утра гореть будет! — Эдик выполз из палатки, тщательно прикрыл полог, чтобы не напустить ребятам новых кровососов.

— Давай, дружок, выручай, — согласилась учительница.

— А чая потом попьём? Как-то зябко стало. — Эдик заглянул в пустой котелок.

— Воды в озере на всех хватит! — засмеялась Инна Семёновна. — Сейчас девочки принесут. Будет тебе чай!

Мы с Милой снова нырнули в темень, осторожно ступая, спустились к воде. Озеро словно обрадовалось нашему появлению: что-то шептало, накатывало мелкими волнами, плескалось, ластилось к ногам, обдавало нас терпко-сладким запахом аира. Я смотрела в таинственно серебрищуюся даль и обмирала от восторга: в густо-фиолетовом небе сиял, отливая позолотой, резко вычерченный молодой месяц, а над ним, словно бубенчик, ярко горела звезда.

В кустах, где возился с сухой валежиной Эдик, внезапно раздался гулкий треск. Я вскрикнула, а Мила с котелком над водой, потеряла равновесие, шагнула с берега...

Мокрые тапочки сушились на толстых прутьях, воткнутых в песок у огня. Вода ещё долго стекала с них и, попадая на угольки, сердито шипела. Вайнштейн примостился на толстой коряге, которую приволок для костра, и обжигаясь, шумно тянул из кружки чай, заваренный малиновыми листьями.

— Ну, напугал, напугал ты меня, Эдик! Из-за тебя ноги промочила, — возмущалась Мила, кутаясь в теплую кофту, которую, не поленилась, взяла с собой в поход.

Мальчишка добродушно оправдывался:

— Я же не нарочно. Встал на сгибе ствола, подпрыгнул, а он как треснет!

— Зато ты всех волков в округе распугал! — улыбнулась Инна Семёновна.

— Здесь есть волки?! — насторожилась я.

— А почему нет? Только они близко к деревне не подходят, как это случилось после войны...

Раннее утро. Рассвет едва начинал разливаться по горизонту бледным, словно разведённым молоком, малиновым соком. Пробуждающиеся птахи зябко поеживались, хохлились, чистили пёрышки, пробовали голоса.

Петухов не слышать: не разжились ещё птицей двухпольцы. Бабы живут деревенской привычкой: поднимаются на рассвете, хотя нет бурёнок, которых надо доить, выгонять в поле. Главная забота — землянки. Успеть бы обустроить!

Иван Леонович тоже встал на заре. Задумал до работы наведаться на речку, проверить клёв. Выходил из сарая тихо, стараясь не потревожить спящую внучку. Осторожно прикрыл дверь, прислушался.

— По-мо-ги-те-е-е! — женский голос срывался в отчаянном крике.

— Спаси-те-е-е!

— Мамо-чка-а-а!!!! — кричали на другом конце деревни.

— А-а-а-а-а! Пошёл... Пошёл отсюда! — донеслось до Развякова.

Иван Леонович схватил стоящую у порога лопату, бросился на помощь. Кто там? Бандиты? Блуждающий по лесу немец-одиночка? Волки? Месяца не прошло,

как загрыз матёрый тётку Авдотью. Подкрался неслышно, когда она копала землянку, налетел сзади, вцепился в горло... Даже крикнуть несчастная не успела. В войну уцелела, всякого лиха натерпелась, и чтобы вот так... от волка!

Кричали возле колодца. Фруза Иванова ведром отбивалась от хищника, который бросался на неё с остервенением, оскалив клыки, метясь ухватить за шею. Но всякий раз зверь оказывался перед спасителем-водоносом. Женщина, защищённая со спины колодцем, выбиваясь из сил, размахивала ведром. На помощь ей бежали, спешили бесстрашные бабы, старики с палками, вилами, лопатами: «Пошел во-о-о-он!.. Убью га-а-ада!..».

Хищник не сдавался. Хрипя, ощерясь, бросался на людей, от ударов палками ещё больше свирепея...

— Ах ты, тварь фашистская! — вскрикнул Развяков, замахиваясь на зверя лопатой. — Это ж овчарка немецкая! Выкормыш германский, на русского человека натравленный. Бросили тебя хозяева...

И вдруг глаза их, деда Ивана и собаки, брошенной, голодной, отчаявшейся, ничего не наученной делать, кроме как рвать человека, на котором нет немецкой формы, встретились, прожгли друг друга, застыли... Овчарка тонко взвизгнула, прижала уши, прыгнула в сторону от Развякова и, развернувшись, помчалась к лесу...

Лисий подарок

Короткая июньская ночь угасала. С озера заметно потянуло прохладой. Мы ёжились у костра, который горел нежарко, без потрескивания, искр. Глаза у меня стали слипаться, я тёрла их, сопротивляясь туманящей сонливости. Мила громко зевнула, положила голову на моё плечо. Учительница сдалась:

— Давайте-ка, ребятки, в палатку!

Эдик бодро потянулся, поднял руки над головой: «У-у-ух!». И, пытаясь казаться взрослым, деловито предложил:

— Инна Семёновна, вы тоже идите с девчонками. Я у костра посижу. Честное пионерское, мне совсем не хочется спать!

В палатке было темно, мы осторожно втиснулись между спящими одноклассниками, заползли под одеяло. Я закрыла глаза, но уснула не сразу, прислушиваясь к таинственному шуршанию за тонкой палаточной стенкой и одинокому полёту настырного комара...

Грохот, рёв двигателей заставили проснуться и выскочить на улицу. По дороге двигались... танки! Огромные зелёные танки. Я смотрела на них снизу вверх, а они возвышались надо мной, словно горы. Чьи, откуда здесь? Вертела головой, стараясь рассмотреть знаки на броне — чёрная свастика!

— Танки! Там — немецкие танки! — закричала, вбежав в трёхэтажный дом. Люди теснились в коридорах, выглядывали из комнат, но не двигались с места, будто не слышали меня.

Я перебежала из комнаты в комнату, поднималась, спускалась по длинным широким лестницам, но нигде, нигде не спрятаться, не укрыться от пушек, нацеленных на этот дом. Он рухнет от одного выстрела, засыплет всех...

— Танки! Немецкие танки! Это война, понимаете? Война! — повторяла в отчаянии.

Никто не двигался, все молчали. Скрипнула дверь. В потоке хлынувшего света — бородатый старик с ружьём: «Не бойся, внучка! Не пропадём!».

...Вернулся Иван Леонович в сумерках. В руках — ружьё, самое настоящее, охотничье.

— Деда, где ты его взял? — Инночка выскочила из сарая, повисла на шее, прильнула щекой к мягкой бороде. — Бабушка Дуся и мамка извелись — плакали, пока тебя ждали. Ушёл в лес с утра. Вдруг — волки? Или овчарка немецкая, которая тётю Фрузу загрызть хотела?

Развяков уселся на пень, погладил блестящий ствол ружья, положил его на колени:

— Теперь, внучечка, никакие волки, ни серые, ни двуногие, нам не страшны! Хороший был человек — наш фельдшер Леон Леонович... Душевный... Мы с ним вместе рыбачили, охотились. Как война началась, спрятал ружье в лисьей норе, меня предупредил: мало ли что... Когда немцы к Леону на заимку завернули, собака-то на врагов и набросилась. Цены ей не было! А фашисты озверели: порешили одной очередью и пса, и хозяина... Царство ему небесное! — Дед поднял глаза к небу.

— Ты у лисы ружьё забрал? — догадалась Инночка.

— Забрал, внучечка. Будет теперь у нас лекарство — жир барсучий и мясо, сил набираться...

«Пятый полк»

После завтрака отряд собрался идти к древнему кургану: берегом озера, по лесу, через ручьи и буреломы. Но как быть с Милой — не босиком же? Эдик, вызвавшийся подежурить у костра, вскоре уснул, свернувшись клубочком, упираясь ногой в прут, на котором сушился тапок Милы. Прут накренился, не удержал свою ношу...

— А мы и босиком.... Ноги не берегли — обувь берегли: взять было неоткуда, и не за что, — Инна Семёновна раскладывала по мискам горячую манную.

Мила была настроена решительно:

— Ни за что в лагере не останусь! Пусть Вайнштейн мне свои кеды отдаст, раз виноват.

Эдик испуганно смотрел на учительницу: он, конечно, виноват, но не нарочно же уронил в огонь эти тапки.

Инна Семёновна словно не замечала ссоры:

— И вот представьте, ребята, что часть сорокакилометрового пути до Сурожской школы, где я заканчивала десятилетку, была той самой дорогой, которую немцы мостили руками наших людей — моей мамы, бабушки, бабушки...

Эдик облизнул ложку. Манную кашу он не любил, здесь же готов был попросить вторую порцию.

— А из лагеря вы убежали или партизаны спасли?

...Откуда прилетел тот снаряд, что взорвался возле бункера обер-лейтенанта, Инна Семёновна и сейчас объяснить не могла. Но он прилетел и взорвался, оставив после себя огромную земляную воронку, в которую даже заглядывать было страшно. В лагере начался переполох. Узников погрузили в машины, повезли в сторону Витебска. Где-то далеко позади гремели-громыхали нескончаемые громы — наступала Красная армия.

Возле ратуши машина остановилась. Иван Леонович первый прыгнул на землю, принял на руки внучку, помог слезть Евдокии и Фёкле. Узники, грязные, оборванные, наголо стриженные после тифа, с худющими серыми лицами, с глазами, полными безысходности, сучились, оглядывались по сторонам. Изумленно смотрели на редких прохожих, которые шли, пусть торопливо и опасливо, однако без конвоя и сторожевых собак. Такое возможно?

Инночка, не видевшая ничего, кроме Двухполья да лагерных бараков, разглядывала удивительные каменные дома, мостовую под ногами, женщину в шляпке и туфельках на каблучках. Чёрная шляпка с атласной лен-

той и бантиком, чёрные туфельки — цок, цок, цок! — по каменной мостовой!

Инна Семёновна обвела взглядом девчат:

— Да, в то страшное время, меня, ребенка, это воспитило. Красоту чувствуют все.

Мила толкнула Эдика в плечо:

— А я из-за Вайнштейна — вообще босая!

Учительница улыбнулась, достала из «бездонного» рюкзака небольшой свёрток, развернула газету:

— Женщина должна быть предусмотрительной, она хозяйка в доме. Вот запасные тапочки на всякий случай! Примерь, кажется, твой размер.

Эдик даже присвистнул от неожиданности, вскочил, словно обувь предложили ему. Мила ликовала! В мягких тапочках синего цвета с жёлтой окантовкой и крохотным бантиком она прошла вокруг костра, пританцовывая, руки — на поясе, голова — кверху. Все смотрели на неё с лёгкой завистью. Вот так удача!

— Спасибо, спасибочки, Инночка Семёновна! — Мила по-родственному чмокнула учительницу в щёчку, уселась рядом допивать чай.

Девочки, потеряв интерес к Миле, придвинулись к учительнице:

— Дальше что с вами было, в Витебске? Эта тётенька в шляпке, наверно, подпольщица? Она вас спасла?

— Хотела спасти...

Женщина, поравнявшись с узниками, замедлила шаг и вдруг зашептала: «Что же вы стоите — ждёте, пока вас расстреляют или отправят в неметчину? Расходитесь потихоньку, незаметно — бегите, бегите, пока нет охраны!» — и задокала каблучками дальше.

Евдокия подхватила на руки дочку, испуганно оглянулась — каменный город смотрел тёмными стеклами заклеенных крест на крест окон холодно и равнодушно.

— Иван, куда бежать-то?

Узники нерешительно затоптались на месте, завертели головами, в глазах заблестели огоньки... Но Иван Леонович сказал-отрезал:

— С ребёнком? Без документов? Без знакомых? Не зная города? Да нас переловят, как кутят слепых, и так же, как их, перетопят. Только в крови.

...Инна Семёновна посмотрела на часы:

— Ой, ребятки мои, нам же ещё к древней стоянке идти! Быстренько за собой все убрать и — в путь.

Девочки загалдели:

— Ну, всегда так — на самом интересном... Хоть кто-нибудь из узников убежал?

Инна Семёновна суковатой палкой разбивала в костре мерцающие угли, гасила голубоватое пламя.

— Я же маленькая была... Не видела. Не знаю о других... Мы — остались. Отвезли нас в «Пятый полк» — Шталаг 313. Был такой концлагерь возле железной дороги. Для военнопленных. Потом и простых людей стали туда отправлять. Но всё равно он оставался лагерем смерти. Тысячи, тысячи людей в нём погибли... Помню, хлеб несъедобный, суп из костной муки — серый, мутный, как поmoi. Женщины, мужчины — не поймёшь кто: худющие — косточки из-под кожи выпирают... Холодные бараки, деревянные и кирпичные. Длинные нары, нары... Колючая проволока, натянутая между деревянными столбами. Вышки... Всё время хотелось спрятаться...

К счастью, недолго мы там пробыли. Снова нас в машины — в деревню Вайханы.

— Это же от Городка недалеко!

— Да, на северо-западе. Там узники под дулами автоматов копали траншеи. Напуганные приближением фронта, фрицы готовились к обороне...

Инна Семёновна подала Эдику ведро:

— Принеси-ка, Эдичка, с озера воды, зальём костер, чтобы беды в лесу не натворить. Поторопись! Хотела сказать «шнель, шнель» — и не могу. Сколько раз под лай собак слышала...

Стоянка

Полкилометра наш отряд пробирался вдоль берега по заросшим тропинкам, а где и совсем по бездорожью. Приходилось всё время смотреть под ноги. Ветки, стегавшие по ногам, листья, сухая иглица. Вырываясь из-под слоя прошлогоднего опада, торчали пучки острых листьев осоки. Сухие скелеты отживших свой век деревьев загораживали нам путь, заставляя идти в обход. Последнее препятствие — узкий ручеек, вытекающий из озера. На самом деле это река. Её начало, исток. А потому мы, словно великаны в стране лилипутов, легко перепрыгнули Ловать и оказались у подножия высокого холма.

— Вот и цель нашего путешествия: стоянка первобытных людей, которые жили здесь в третьем тысячелетии до нашей эры! — Инна Семёновна довольна не менее нас, что все трудности позади. — Археологи провели раскопки и обнаружили много древних предметов, которыми пользовались наши предки. Кремневые ножи, скребки, керамические осколки, украшения...

— Мы тоже будем копать? — сразу вдохновился Эдик.

Учительница засмеялась:

— Клад хочешь найти? Попробуй! У нас один час времени. Можете осматривать стоянку самостоятельно.

Мы с Милой, как, впрочем, и другие ребята, решили сначала забраться на вершину холма, поросшего редкими тонкими березками и осинками. Они ещё не способ-

ны были одаривать тенью и гнулись под нашими руками, когда мы, поднимаясь вверх, искали в них опору. По мягкому жёлтому песку разбежались сухие мхи и лишайники. Листочки чабреца, спасаясь от ветров, прижимались к земле. Мохнатые розетки бессмертника стелились под ноги серебристыми подушками. Крохотными нежными огоньками светилась полевая гвоздика. Гудели вездесущие пчёлы. Резные листья серой полыни печалились об ушедшем времени...

На вершине мы осмотрелись. Правильный, как по чертежу, круг. Предки устроили поселение на холме, похожем на усеченный конус. Или они сами насыпали эту гору? Как она сохранилась до наших дней? Сколько было их, древних людей, если площадку можно обойти за десять минут? Как они защищались, трудились, любили — растили детей...

Мне захотелось взять лопату и копать, копать, пока не узнаю ответы на вопросы. Но лопаты не было. Усевшись на склоне за пушистой ёлочкой так, чтобы быть незаметной для других (боялась насмешек), стала рыть острым обломком соснового сучка. Оборвав корни растений, дальше выгребала сырой песок руками — удобнее и быстрее.

— Нашла что-нибудь? — Мила присела рядом. — Можно мне с тобой?

— Копай, — снисходительно разрешила я, — времени только мало...

Солнце повисло над курганом, с любопытством следя за нашими раскопками. Оно-то помнило тех первых людей, что поселились на высоком холме, оградив жилища заострёнными кольями. Помнило жар костров, рёв зверей, плач детей, рождение и смерть... Солнце смотрело на нас, скакавших по горе, словно теннисные шарики, и припекало макушки. Зачем тревожить могильник прошедших веков? Зачем искать и с удив-

лением рассматривать осколок керамического горшка? Люди хотят заглянуть в прошлое, увидеть другое время, повернуть его вспять, и торопят, торопят без того скорые минуты своей жизни...

Давно ли грелись в его мягких лучах голые первенцы здешних поселенцев, а уж пять тысячелетий...

Мила отряхнула ладони, вытерла руки о траву и, растянувшись на земле, подставила лицо полуденным лучам.

— Ничего здесь нет! Всё выкопали до нас.

Она была права. И всё-таки... Невидимый дух прошлого щекотал мне ноздри, заглядывал в глаза, грел воображение. Я ещё раз обошла стоянку. Дух следовал за мной, просачиваясь из глубин кургана, выглядывал из-за старого пня, ласкал свежестью ветерка, потянувшего со стороны озера, завораживал пчелиным гудением и порханием мотыльков. Я села рядом с Милой. Дух свернулся калачиком на моих коленях. Когда же к нам подошла Инна Семёновна, заплясал, закружил, окутывая светящимся нимбом её голову, — учительница наклонилась к нам, заслоняя собой жгучее солнце. Она сама была словно таинственный дух времени, потому что её память впитала дыхание неведомой нам войны, потому что её душа не раз переживала умирание. Наша Инна Семёновна, заботливая, ласковая, из неизвестного нам мира — того, в котором нас никогда не было и не будет...

Дух прошлого — он словно река, вытекающая из озера веков, собирающая в себя ручейки лет, капли минут, которые перемешиваются течением жизни и омывают, очищают, напояют, исцеляют и укрепляют прильнувших к этому источнику человеческой памяти...

Инна Семёновна, присев рядом с Милой, брала песок, пересыпала его с ладони на ладонь.

— Лежали мы с мамой и бабушкой в снегу на склоне — дым, грохот, от которого ломило в ушах. Стрекот

автоматов, завывание снарядов, удары взрывов, лязганье металла и крик, крик... Комья мёрзлой земли били по спине, ногам... И вдруг — чьи-то сапоги перед глазами... «Не бойтесь, мамки! Не пугайся, дочка! Мы — свои!»

Свои-и-и!... Шёл декабрь сорок третьего.

Ошибка

Возвращались из Межи автобусом. Хоть поход получился не совсем пеший, путешествие с костром на берегу озера, ночёвкой в лесу запомнилось на всю жизнь.

Я решила посоветоваться с учительницей: что делать с иностранным языком? Почти два года на Севере изучала в школе немецкий. В это время мои нынешние одноклассники — английский.

Инна Семёновна раздумывала недолго. Обнимая меня, предложила:

— Позанимаемся летом! Думаю, нагоним.

...«Ходики» на стене щёлкнули, гирька на цепочке опустилась: половина пятого. Пора на Двину! К пяти часам у большого валуна на высоком берегу соберутся одноклассники. Инна сложила стопкой листочки с выполненным под копирку домашним заданием по немецкому, упрятала их в учебник математики, прихватила с собой тетрадку, карандаш.

Издали заметила фигурку отличника Лёши Дмитроченко. В ожидании ребят он сбросил рубашку и, свесив ноги с крутого склона, загорал. Майское солнце ласково пригревало. Двина плескалась внизу, звала-манила к себе, постукивая волной о борта лодок. Искупаться бы!

— Ух, жарко! — Инна устроилась на траве рядом с Алексеем. — После занятий покатаемся с ребятами по реке?

— Не возражаю. — Паренёк снова натянул рубашку. — «Дойч» принесла? Давай сверим, не наделал ли я ошибок...

Инна протянула листок:

— Сверяй! Для всех ребят приготовила. А ты объясни мне теорему — замучилась с геометрией...

Алёшу за любовь к точным наукам прозвали в классе «математиком».

— Кто и что не понял, признавайтесь? — встречал он вопросом подходивших парней и девчат. — Сейчас разберёмся...

К семи часам вечера с уроками было покончено.

— Айда на лодках кататься! — Инна первая спрыгнула вниз.

Потревоженные береговые камушки шумно покатились следом... Ударили по воде вёсла, закачались ладьи, врезаясь в упругую гладь, поплыла над Двиной девичья любимая: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...».

Лёша загрустил:

— Скоро расстанемся, разлетимся... Как жизнь сложится? Инна, конечно, будет преподавать немецкий...

— В школе работать мечтаю, это правда. У нас в деревне учительница была... добрая, красивая. Буквам меня, пятилетнюю, выучила... Партизанам в войну помогала. Донёс кто-то, немцы выследили — в тюрьму... Казнили в Городке, прилюдно, на площади возле церкви. А школу нашу сожгли...

— И у нас сгорела!

— И у нас....

— А в нашей деревне уже новую «семилетку» построили! Учителя нужны. Вот и надумала я в педагогический поступать, на географа, — поделилась Валя Петрова и, зачерпнув рукой воду, залюбовалась, как она стекает с ладони струями, перламутрово сияющими

в закатных лучах. — Всё-всё про нашу Двину узнаю! И про Волгу, и про Амазонку... Вот бы ещё по миру попутешествовать... Красота-то какая!

— На географа... как интересно! Мне нравится география. И биология, — поддержала Инна. — Но «классный» убеждает поступать в Минск, в институт иностранных языков.

Лёша развернул лодку против течения, поднажал на вёсла:

— Правильно Борис Абрамович говорит! Тебе немецкий легко даётся, словно родилась с ним. Слушайся мудрого «классного» Лукьяна: не зарывай талант!

Первый экзамен — литература. Накануне девчонки-соседки спать не ложились: повторяли, повторяли... Увереннее всех чувствовала себя Рита из Новогрудка. Когда она открыла свой чемоданчик... Пачки исписанных мелким почерком тетрадных листов! Рита выбрала для себя несколько сочинений, щедро предложила:

— Разбирайте, девочки!

Инна взяла листок. Свободная тема: «Как невесту Родину мы любим, бережём, как ласковую мать...». Взмахнул лёгкими крылами, незримо встал за спиной пресветлый Ангел-хранитель. Была, была эта тема! И на экзамене по истории — выпал тот вопрос, который отвечала на выпускном в школе. О пленуме партии, об избрании Хрущёва Первым секретарём... Не зря Мария Лазаревна, мягко картавя, твердила: «Кто запомнит эту тему, тот поступит в институт!».

За дверью девчонки выхватили зачётку из рук Инны:

— Пятёрка!

Позади бессонные ночи, страхи, знакомые всем студентам. Две пятёрки и две четвёрки — неплохо. Теперь собеседование. Институт не сельскохозяйственный, не инженерный — иностранных языков!

В маленьком кабинете письменный стол, два стула. Крупный человек в сером костюме, будто камень-гора. На преподавателя не похож — голос тихий, без угроз, а взгляд... словно через стекло — ни тепла, ни холода.

— Родились вы в тридцать седьмом. А когда умер отец?

— Тоже в тридцать седьмом.

— Умер в ссылке?

Какая ссылка? Куда он клонит...

— Нет! Папа умер в деревне, когда мне было всего пять месяцев...

— А у нас имеются другие сведения. Мы звонили в сельский совет. Могилы вашего отца на деревенском кладбище нет!

И долгое, долгое молчание.

— Ваш отец был арестован как враг народа и умер в ссылке...

В кабинете душно, нечем дышать. Так уже было. Маленькая Инна хотела вздохнуть и не могла. Она медленно погружалась, погружалась на дно пруда в саду бывшей панской усадьбы. Над головой рассеяно сиял солнечный свет, зелёные листья кувшинок покачивались на голубой поверхности. Крахмальные головки лилий, за которыми Инночка шагнула в воду, кивали ей с высоты...

— Девочка моя, слышишь меня? — Евдокия прижала к себе внучку, а вода стекала, струилась на землю... И Ангел с белыми крыльями парил над ними...

В этот раз он тоже спас Инну. Собирая дочку в дорогу, Фёкла вложила в документы старый, чудом сохранившийся листок. Инна открыла сумочку, большой свёрток с документами. Дрожащими пальцами достала потёртую на сгибе жёлтую бумажку со штампами Половского сельского совета и колхоза «Память Ленина».

— Это свидетельство о смерти отца.

«Коваленко Семён Степанович умер 15 мая 1937 года в возрасте 25 лет от туберкулёза лёгких».

— Извините, — человек в сером костюме вернул справку. — Мы ошиблись.

Пучок травы

Начались мои летние занятия английским. Инна Семёновна объясняла значение отрицательных частиц и местоимений, сравнивая их с немецкими. Я слушала, пыталась сосредоточиться, но стоило мне краешком глаза взглянуть в окно, как мысли улетали на улицу. Мне было жаль летних деньков. И было неловко перед Инной Семёновной, которая из-за меня добровольно продлевала учебный год. Без намека на вознаграждение.

В те годы не только сказать, подумать об этом было дико. Да и какое вознаграждение могло быть от девчонки, живущей у бабушки — ткачихи местного ткацкого цеха, вдобавок поднимающей на ноги младшего сына — студента Витебского пединститута?

Как изменилось время! Сейчас платят не только репетиторам, но даже родственникам, друзьям за... помощь. Понятие любви к ближнему потерялось, теперь помощь — это способ получить плату. Девиз современников: «Всякий труд должен быть вознагражден!».

Сегодня подвезти попутчика на машине, поднести женщине тяжёлый чемодан, помочь соседям на огороде выкопать картошку, не ожидая за это денег, — такая редкость. Результат от таких перемен странный: любви среди людей меньше, и денег не прибавляется.

Оторвавшись от окна, я снова уставилась на школьную доску. Инна Семёновна старалась, а меня томила скука. Я боролась с ней, убеждала себя, что должна, обязана выучить английский, оказался-то он непро-

стым. Должна, хотя бы потому, что Инна Семёновна старается изо всех сил. От этой мысли становилось неловко, стыдно.

Готовность помочь и готовность принять помощь уравниваются на весах совести. Совесть же тем чувствительнее, требовательнее, чем горше, тернистее человеческий путь.

— Инна Семёновна, говорят, что вы недавно по путёвке были в Германии?

...Автобус медленно двигался к контрольно-пропускному пограничному пункту. Солнце, зависшее над горизонтом, слепило глаза, но уже можно было прочесть надписи на немецком. Несколько десятков метров и — Германия.

Инна Семёновна из списка выбрала поездку в Германскую Демократическую Республику. Ей казалось, что в этой стране живут не просто немцы, а добрые немцы.

1967 год — юбилейный. СССР готовился к пятидесятилетию Великой Октябрьской революции. Плакаты, лозунги, фильмы, песни, ударный труд, перевыполнение планов пятилетки... Депутаты отчитывались перед избирателями, вновь баллотировались. Председатель общественной организации с загадочным бойцовским названием «Боксза» (Белорусское общество культурных связей с заграницей) Виктор Смирнов выступал на встрече в Городокском райкоме партии перед преподавателями иностранных языков: «Дорогие товарищи учителя! Признаюсь, не всё из обещанного мне как депутату удалось выполнить. Но я, дорогие товарищи, хочу и могу помочь, как председатель “Боксза”»...

Автобус остановился. Пассажиры зашевелились, зашуршали, доставая документы. Инна Семёновна тоже приготовила свой загранпаспорт. Дверь открылась, в салон сначала заглянул, затем легко вскочил по ступенькам

немец-пограничник в форме, мало чем отличающейся от формы вермахта. Горланно поприветствовал:

— Гутен таг!

Инна вздрогнула, сжалась. Дрожь прокатилась по спине — тело будто свело судорогой. Всё, всё жило в ней...

— Das Kind! Kind! — слышала она наяву голос разъяренного немца, склонившегося над ней. Выдернув из соломы за платье, он тряс её с яростью: — Was ist das? Und Woher kam hier das Kind?

День потускнел, заполнился туманом... или дымом. Дым! Черный едкий дым. И запах. Запах горящих человеческих тел...

— Гутен таг, фрау! Предъявите ваши документы, битте! — пограничник внимательно смотрел на Инну Семёновну.

Онемевшая рука протянула паспорт:

— Битте, битте...

...Автобус с туристами из Советского Союза катил по чистым солнечным улицам Берлина, и экскурсовод Эрма, высокая сухопарая женщина в строгом костюме, рассказывала о строящейся телебашне, подчеркивая, что образцом послужила Останкинская, в Москве. Инна улыбалась: приятно, что гордость Берлина сродни гордости русской столицы.

Возле стены, разделившей город на две части, путешественники примолкли. Странно видеть бетонный забор между бывшими соседями, друзьями, родственниками...

— Недавно про эту стену передача была! — напомнила я Инне Семёновне. — Радиопостановка. В последние дни перед закрытием границы в Берлине люди металась в отчаянии, не зная, какое принять решение.

— Да, для многих немцев выбор был нелёгкий. Коммунистам не поздоровилось бы в ФРГ, а нацистов не потерпели бы в новой Германии. Для кого-то стена стала спасением... В жизни всегда так. Стена может разделить не только народы. Между родными бывает такое.

Сонливость исчезла. Я слушала, не замечая времени. Кажется, и шелестящая листвою ветка липы слушала за школьным окном...

Затянувшееся молчание у Берлинской стены нарушила Эрма:

— Сегодня вечером вы сможете отдохнуть за ужином, с хорошей музыкой, встретиться с товарищами — работниками профсоюза. Завтра — поездка в Бухенвальд.

Арман, шеф Дома немецких профсоюзов, бывший узник концлагеря, коммунист, оказался гостеприимным хозяином. Угощал знаменитыми колбасками, подливал в бокалы виски и «столичную», которой в самой России в то время было не сыскать, предлагал сигареты, приглашал танцевать...

Звучала «живая» музыка — трио задорно исполняло «Калинку», «Катюшу», «Барыню», а когда заиграли «Подмосковные вечера», Арман подхватил Инну и закружил в вальсе. Её пальцы сквозь ткань вдруг ощутили...

— Не пугайтесь, — улыбнулся Арман, — это печать концлагеря. На моей спине — звезда. Нацисты... Я жизнью обязан вашей стране, Советскому Союзу, России. Кланяюсь в ноги Красной армии, освободившей меня... Завтра вы посетите Бухенвальд. Пройдете дорогой сотен тысяч смертников — я был одним из них... В музее вам покажут сумочки, абажуры, картины... Да, те самые, из человеческой кожи. Увидите камеры пыток... Попробуйте на горе Этерсберг, где был лагерь, вырвать из земли пучок травы — на корнях увидите крупинки человеческих костей...

Письмо из Люксембурга

В читальном зале библиотеки, где мы с Инной Семёновной договорились встретиться, было тихо. Запах типографской краски, книг. На витринах — подшивки газет и журналов с яркими обложками. С фотографии на центральном стенде на нас посматривал, прислушивался к разговору поэт Владимир Скоринкин, земляк (с моей тётушкой в одном классе учился), знаменитость и гордость Городка. Тоже войну пережил, немецкие лагеря помнит. И тётя моя помнит. И мама. То, что для меня — история, для них — пережитое.

Но почему их воспоминания так тревожат, преследуют меня? Почему слово «война» заставляет вздрагивать, замирать у экрана телевизора, когда идёт военный фильм или появляются кадры боевых действий на Ближнем Востоке? Уже седые афганцы поминают погибших товарищей, а в день Победы над фашистской Германией вижу на площади родного города вместо праздничной колонны ветеранов, как было в моём детстве, юности, лишь горстку стариков в выцветших кителях, гимнастерках с медалями и орденами на груди. Чем меньше остаётся рядом тех, кто пережил войну, тем все ближе, больнее память о ней. При живых её свидетелях вдруг осмелели, подняли голову бандеровские последыши. Наследники тех, кто сжигал живьём белорусов в Хатыни, зверствовал над поляками, евреями, русскими...

Воздух наполнился духом вражды, предательства, продажности, алчности...

— Только бы не было войны! — повторяет, повторяет Инна Семёновна, пока фотографирую её в библиотеке

— Война, как ведьма, — замечаю я, — ступа её — Евросоюз, метла — ЦРУ, чёрный кот — НАТО. Избушки на курьих ножках — базы военные — по всему миру.

— Неймётся нелюдям, неймётся, — горюет моя старенькая учительница. Неожиданно глаза её вспыхивают радостью: — А вот о русский Крым сломала свой клык ведьма!

...На втором этаже райкома партии Инна Семёновна остановилась перед массивной дубовой дверью. Зачем вызвал к себе ответственный идеологический работник?

Мурашкевич, приветствуя гостью, приподнялся из-за полированного стола, предложил стул, указал на толстую книгу, лежащую перед ним:

— Нужна ваша помощь, Инна Семёновна! Вы хороший лингвист, опытный педагог. Известны как преданный родине и партии человек. Райком решил доверить вам важное дело. Мы получили из Люксембурга книгу и письмо на немецком и французском языках. Надо прочесть, перевести, чтобы определиться в наших дальнейших действиях.

Инна Семёновна открыла книгу. С фотографии на первой странице на неё глянул солдат в немецкой форме. Запыленные сапоги, пилотка набекрень, улыбка на всё лицо. Если бы не автомат и зловещая свастика, он мог бы показаться вполне добродушным симпатягой. Ниже подписано: «Это я, молодой парень из Люксембурга, насильственно одетый в форму фашистской Германии. Таких же, принудительно мобилизованных в немецкую армию, было вместе со мной не менее ста человек. В живых остались немногие».

Далее — описание действий, участником которых стал автор книги, воспоминания о городах и селах, улицы которых топтал и его сапог. Фотографии, письма.

«Дорогие отец, мама, сестрёнка!

Сейчас наша часть находится недалеко от белорусского города Городка, за нами — Витебск, на берегу

широкой реки Двина. Места здесь дивные: высокие холмы, равнины, сосны, берёзовые рощи, речки, много озер, которые лежат одно за другим, словно хрустальные цепочки.

В лесах много партизан. Я и мои друзья-люксембургцы не хотим их убивать, но они-то этого не знают! Потому стараемся мы обходить опасные зоны, чтобы не встречаться с ними.

Местные жители очень интересные люди. Я наблюдал здесь похоронную процессию. Покойник лежал в дощатом гробу на... навозных санях! Родственники и соседи шли сзади. Женщины плакали громко, голосили, платочки от слёз — мокрые...

Мама, я никого не хочу убивать! Но нас все боятся. А партизаны в нас стреляют. Потому что мы одеты в немецкую форму. В немецкую!..»

* * *

Пока взрослые узники рыли траншеи, Инночка, стараясь не попадаться на глаза немцам, пробралась к длинному дому из красного кирпича, за которым недавно обнаружила помойку. Она сразу заметила в груде мусора спутанные белые шнуры макарон — объедки из солдатской кухни. Рот наполнился слюной. Девочка кошкой прокралась к помойке, зачихала горсть холодных подмороженных макарон в рот и, жуя, стала собирать остальные в подол фартучка. Кто-то неожиданно тронул её за плечо. Оглянулась. Макароны посыпались наземь...

Высокий немец в пилотке набекрень, поставив на снег большую алюминиевую кастрюлю с объедками, взял Инночку на руки и понёс к красному дому.

Солдаты отдыхали в казарме. На железных кроватях толстые шерстяные одеяла. Длинные ноги отдыха-

ющих вытянулись и торчали между прутьями спинок. Как раз на уровне глаз девочки — немец поставил её на пол. Нескончаемый ряд кроватей и ноги... Солдаты подняли головы от подушек.

Девочка с родинкой на щеке, обмотанная платком, завязанным узлом на спине, смотрела на них с тревогой. Вдруг множество рук потянулось к карманам и, как по команде, десятки конфет «Бон-бон» поманили Инночку. Она шагнула вперёд...

Оглушительный гогот обрушился на девчужку. И снова десятки конфет потянулись к ней.

Она смотрела не по-детски печально. И не сделала ни шага.

Немец, который принёс девочку в казарму, достал «Бон-бон» из брюк, вложил Инночке в ладошку, поднял на руки и, молча, вышел на улицу. У помойки он высыпал из кастрюли в подол фартучка недоеденные макароны, грустно улыбнулся, подтолкнул девочку к тропинке:

— Шнель, шнель! — скомандовал тихо, дрогнувшим голосом. Слова немецкие, но звучат странно...

* * *

Инна Семёновна сложила фотографии, которые приготовила к нашей встрече в библиотеке, в стопку.

— Знаешь, о чём жалею? Тогда, в райкоме, не записала для себя адрес люксембуржца. Человек снова переживал войну, может, хотел повиниться, прощения попросить...

— Фашиста жалеете? — Вопрос прозвучал глупо, но — слово не воробей.

Инна Семёновна продолжала перебирать снимки. Замелькали знакомые и незнакомые лица.

— Помнишь? Это Лариса из вашего класса. Ты по-

сле шестого перешла в другую школу, с немецким языком... Историю Ларисы знаешь?

Я покачала головой.

— Когда девчушка забеременела (это ещё в школе случилось), начался переполох. Мать девочки решила вести её на аборт. А я, как узнала, бросилась к ним домой, стала уговаривать ребеночка оставить — не виноват он! Как можно убивать? Потом к родителям парня. Те ничего не знали, а узнав, на защиту младенца встали. Поженились тогда ребята. Вместе — по сей день! Трое деток...

Инна Семёновна посмотрела на меня умудрённо:

— Не фашиста я пожалела. Человека. Люди разные... Не знаю, какой ответ райком дал тому люксембуржцу... Думаю, что отказал в его просьбах. А мне просящему — отказать — всегда было трудно. И слёз детских переносить не могла. За обиженных учеников перед педагогами заступалась...

Лишь бы не было войны!

Поезд «Санкт-Петербург — Одесса» отправлялся в полночь. Измученная двухчасовым ожиданием на Витебском вокзале, я шла к своему вагону с тайной надеждой — успеть до того, как все пассажиры улягутся спать, пообщаться с украинцами. Слышала, что безумные их вожди хотят объявить траурным для страны день — 8 мая. Днём советской оккупации его называют! Празднование Победы над фашистской Германией — 9 мая — и вовсе собираются отменить...

Покоя не давали случайно услышанные в зале ожидания слова о том, что мозги украинцам усердно промывали двадцать лет, с момента развала Советского Союза. «В девяносто шестом году гостевал я у родственника

в Днепропетровске, — доносился до меня с соседнего ряда скамеек возбуждённый мужской голос. — Детишки, племянники мои, к экзаменам готовились. Полистал их учебник истории — ахнул: про Великую Отечественную войну там — ни единого слова! Не было у них Великой и Отечественной. Это она у нас, у нас, у нас только была. У меня с той поры сердце кровью обливается. Что натворили! Героем стал изувер, бандит, фашист Бандера!...»

Проводница в чёрном свитере поверх форменной рубашки, в суконном чёрном пальто, зябко поёживаясь под порывами ветра, напряжённо всматривалась в пассажиров, идущих на посадку в четвёртый вагон. Тревожно разглядывала фото в паспортах. Когда подошла моя очередь, улыбнулась, словно знакомой: «Городок?». Говорила по-русски, без «хохлацкого» акцента.

Затолкав сумку под боковое сиденье, я наблюдала, как наполнялся вагон. Из негромких разговоров поняла: мои соседи держат путь кто до станции Дно — в четырех часах езды от Питера, кто до Невеля, города перед границей с Беларусью, кто до Витебска... На Украину никого не было. А месяц назад в этом же поезде ещё гомонили украинцы. На боковой скамейке сидела женщина со слезящимися глазами, чихая, сморкаясь, общала по мобильнику: «Еду и боюсь: выскочит из-за угла какой-нибудь бандеровец!».

В Киеве шумел майдан. Не на Украину народ ехал, а бежал из неё...

Привезла Инне Семёновне из Петербурга заказанные лекарства.

— Только бы не война! — повторила она при встрече.

«Только бы не война-а-а-а!» — словно услышала я чей-то ехидно-презрительный голос, передразнивший учительницу. На самом деле рядом никого не было.

Вспомнилось, что подобные ехидные, насмешливые интонации в этой короткой фразе приходилось слышать не раз. Мол, сыты мы по горло вашими старческими страхами. Из-за них вы готовы терпеть перебои с горячей водой, очередное повышение цен, нищенские пенсии... Надоело ваше терпение! Даёшь демократию! Вот на Западе — свобода, там люди — живут! А из-за ваших слюней — «лишь бы не было войны» — век счастья не узнаешь...

Не узнаешь. Это точно. Оно спешит к тому, кто его ценить умеет. Сытый голодного не разумеет — так говорят. Надо для этого горюшка хлебнуть. Ой как хлебнуть!

Прижимая к себе пакет с аптечными пузырьками, Инна Семёновна встревожено спросила:

— Что у наших соседей, на Украине? Слыхала, что войско собирают, в добровольцы молодёжь записывают... А те кричат в микрофоны журналистам: «Если не я, то кто самостийную Украину защитит?». От кого?! Скажи мне, от кого? Они на Россию, что ли, собрались войной? Или на Беларусь? Польшу? Их же самих уже с потрохами продали! Не видят, не понимают? Яценюк, сектант-саентолог, из государственных хранилищ Украины золото в США вывозит. Убийца-садист Сашка Белый хозяином себя чувствует. Бандиты грабят машины, поезда из России, как анархисты после революции семнадцатого года. Извращенцы у власти. Со-до-ми-ты! Где ж такое видано? Юлия Тимошенко, три дня как из тюрьмы, вдруг выздоровела, с инвалидной коляски встала. Предлагает русских — ядерным оружием сжигать. Нас! Мы ж советские, значит, русские. Снова гарью потянуло. Как от горящих человеческих тел... Будто лай немецких овчарок опять услышала... Холодно, холодно жить...

— А Югославия? А Сирия? А Ливия?.. И в Египте... — поделилась я наболевшим. — Сталкивают народы лбами. Русских, украинцев, белорусов... Ведь мы не просто народы, не просто страны. Мы — Святая Русь, оплот Православия.

Глаза у Инны Семёновны заслезилась:

— Слава Богу, дед с бабушкой этого не видят. Ивана Леоновича, когда ушёл, вся деревня провожала-плакала, добром поминала. Целый век землю пахал, рыбу ловил, охотился, пчеловодил. Бабушка Евдокия, восемьдесят семь лет. Рукодельница, повариха! Какую рыбу на праздники готовила! Бывало, икра заливная, судаки. Дед всех гостей за стол. В колхоз из города часто шефы приезжали. У Развяковых на постое — директор кожевенного завода. Татарин. Рыбу обожал. После обеда у него на столе всегда гора костей оставалась. Хлопотливые бабушкины руки — зацеловывал! А дед гордился, сиял весь, что жена — хозяйшюка-умелица...

Инна Семёновна снова окунулась в прошлое, которое и не за горами. Слушай да на ус наматывай!

До прибытия моего автобуса оставалось двадцать минут.

— Как же мама ваша, Фёкла Семёновна?

— Мама? — Учительница вздохнула. — В лагере женщины брёвна наравне с мужиками на себе тягали, спину она сорвала — к концу жизни согнуло в три погибели. А по молодости, после войны, как могла, старалась: и косила, и жала, и пряла. Поясница житья не даёт — приляжет, отдохнёт, деревенскими снадобьями подлечится, на печке спину согреет. Бывало, на работу в колхозе не могла выйти.

— В тунейдстве не обвиняли? В то время даже декретный отпуск — всего две недели был. Не представляю, как женщины могли детей растить?

— Всяко было... В пятидесятых годах отказалась она из-за болей в позвоночнике доить колхозное ста-

до. Не одну корову, а два десятка. Сельсовет обрезал её землю по самые стены дома, а правление запретило пасти бурёнку на колхозном лугу. Было такое при Хрущёве. Спас семью от голода лесник. Разрешил пасти корову на полянах. А чтобы волки её не съели, рядом, на пеньке, сидел Васятка, мой братик десятилетний. Сторожил. Охранник, представляешь? Бурёнкой-кормилицей так дорожили...

Мы медленно шли по центральной улице. Оборвалась она на перекрёстке взломанной асфальтовой дорогой. Перед нами — развороченная площадь. Слева — братское кладбище. Справа — полуразрушенный кинотеатр «Родина». Осыпавшаяся штукатурка на стенах почты, продовольственного магазина, универмага, столовой, Дворца культуры... Остовы зданий, которые и вовсе — без стен: Дом ремёсел, автовокзал...

Город — в руинах! Под ногами, казалось, хрустит стекло, земля усыпана осколками, как в первые дни войны — после налёта немецких самолетов... В памяти вдруг всплыло, как соседская девочка писала о битом стекле, по которому бежала под бомбёжкой к отцу её ровесница в начале войны. Писала в школьном сочинении, по воспоминаниям очевидцев.

Инна Семёновна улыбнулась:

— Нынче город никто не бомбил! Готовится Городок к «Дожинкам» — белорусскому празднику урожая. Перестраиваемся, модернизируемся! Повезло нам: среди районных центров именно нашему жребий выпал на реконструкцию зданий, площадей, улиц... К осени расцветём во всей красе! Будет чем гостей удивить...

По узкой тропинке, протоптанной на взрытой бульдозерами дороге, мы перешли на другую сторону, направляясь к старому двухэтажному «райкомовскому» дому (квартиры получали работники райкома партии), в котором издавна проживали Ламбаки.

— Успеют завершить работы на братском кладбище
ко Дню Победы? — спросила я напоследок.

Инна Семёновна светло взглянула на меня.

— Обязаны. Дело — святое!

ПОДКОП

Первым делом мама повела меня в школу. После небольшой одноэтажной восьмилетки в Городке минская 172-я показалась мне страшно огромной! Мы долго бродили по этажам, пока отыскали нужный кабинет, оформили документы.

Первого сентября меня с портфелем, букетом цветов, но уже одну, без мамы, встретило светлое здание, пахнущее краской, звенящее множеством ребячьих голосов. Оглушённое фойе таранилось сверкающе-чистыми окнами на широко распахнутую дверь, через которую втекала в школу бушующая река детворы с белой пеной величественных бантов, белых рубашек, кружевных фартуков, воротничков с манжетами. Среди них колыхались волнами букеты георгинов, астр, ноготков, ромашек...

Эта живая река подхватила меня, внесла в праздничный холл, затем на улицу — вслед за рупором, объявившим линейку на школьном стадионе. Прокатила по ученическим рядам и бросила. Растеряв шуюся, потерянную, почти захлебнувшуюся в бурлящем потоке детворы. Я не знала, где мой класс, учительница...

Спрятавшись за спинами старших ребят, долго прислушивалась к гремящему рупору, но так и не разобралась в его разноголосом вещании...

Притихшая река снова ожила, зашумела, подхватила меня, внесла в знакомое фойе и, раздробившись на ру-

чейки, потекла по лестницам, этажам, исчезая в кабинетах. Звонок прозвенел в третий раз. Одна — в длинном опустевшем коридоре.

— Девочка, ты из какого класса? — Учительница с тетрадками и журналом показала спасительным парусом в безучастном океане.

— Из четвёртого. — Я приподняла букет потрёпанных георгинов.

— Из четвёртого «а», «б», «в»... Какого?

— Не знаю, — крепилась изо всех сил, чтобы не разреваться.

— Новенькая?

Наконец я очутилась в своём четвёртом. Головы ребят дружно повернулись ко мне. Тридцать пар удивлённо-заинтересованных глаз.

— Знакомьтесь, дети, — ровный, тихий голос сеялся теплом и покоем.

Учительница, словно волшебница с золотисто-русой косой, уложенной в причёску на затылке, заморозила меня своей светлой добротой. Свет-ла-на Тимофе-ев-на Сивцова...¹

* * *

— Света, доченька, попробуй! Ты тоненькая, как ящерка, — заползёшь, а я тебе посвечу лампой, — сдалась Люба после тщетных попыток пролезть под печь.

За хатой, на огороде, она ещё с осени соорудила тайник у куста смородины. Теперь надо копать под печкой, чтобы получился лаз на улицу. С большой лопатой не развернёшься.

Восьмилетняя Светлана по очереди со старшенькой Зиной орудовала скребком, ковыряла острой палкой,

¹ Имена в рассказе вымышленные.

гребла землю руками, насыпая на фанерку с верёвкой. Мать пересыпала грунтовую горку в корзину, незаметно выносила в огород, стараясь успеть до сумерек. После наступления темноты покидать дом запрещалось.

День ото дня лаз становился длиннее. Скоро, скоро девочки дойдут до стены. Лишь бы не промахнулись! Свет в земляную нору не проникал, не проверишь. Копали на ощупь.

Тайник согревал материнскую душу надеждой на спасение детей, если... Нет! Лучше не думать о полициях, провалах, арестах...

Поздно вечером, уложив девочек спать, Люба плотно занавесила окошко одеялом (после девяти свет тоже под запретом), достала из-под груды белья радиоприёмник. Перед войной его принёс муж. Матвей столярничал на «Деревообделочнике» у Комаровки, а с сорокового — там же, но уже на радиозаводе Молотова, в который превратили к октябрьским праздникам лесопильно-мебельный. Оборудование вместе с инженерами из Вильнюса доставили. Матвей же мастерил деревянные корпуса для приёмников — КИМ, «Пионер», «Маршал». Хорошо делал! Поощрили «Пионером»...

Люба вздохнула: где-то сейчас Матвей? Как ушёл по призыву на второй день войны, так — ни весточки. Воюет на фронте или попал в окружение, может, партизанит? Взглянула на фотокарточку в рамке, его же руками сотворённой, прошептала: «Жив, жив, мой родненький!».

Вот ведь завод его уцелел. Хоть самолёты с крестами гудели над городом, как громадные шершни! Забрасывали бомбами, жгли огнём... Уцелел... Даже приёмники выпускает Radiofabrik Minsk. Только рабочие завода — за колючей проволокой. Гетто там...

Ласково провела ладонью по гладко-шоколадному корпусу «Пионера». Дерево тёплое, словно живое.

Щёлкнула включателем, прислушалась. Карандаш за-
плясал между строчками немецкой листовки, которые
разбрасывали самолёты, предупреждая, что за каждого
убитого солдата великой Германии будет расстреляно
десять мирных жителей, за офицера — сто...

Люба торопилась: «20 апреля 1943 года противник
предпринял самое мощное наступление против защит-
ников Малой земли. Боевые действия авиации обеих
сторон в районе Мысхако достигли наивысшего напря-
жения. Своими массированными действиями советская
авиация сковала наступление противника, заставила
вражескую авиацию снизить свою активность...».

Сложила листок, потянулась к выключателю, но
рука замерла. Сильный мужской голос залихватски вы-
водил:

Он из госпиталя ехал,
Побывать зашёл к жене, да к жене.
Показал, показал ей первый орден,
Что на ле... что на левой стороне.

А жена его спросила:
Что за подвиг совершил, совершил?
Чем в бою, чем в бою он отличился,
Как награ... как награду заслужил?

Он жену покрепче обнял
И ответил не спеша, не спеша:
— У меня, у меня в груди, Анюта,
Скрыта ру... скрыта русская душа.

Я ничем не отличился,
Ничего не совершил, не совершил.
Лишь страну, лишь страну мою Россию
Беззаве... беззаветно я любил...¹

Разбуженная песней Света прислушалась, выгля-
нула из-за тонкой занавески. Мать, подперев кулаком

¹ «Русская душа». Слова Л. Ошанина, музыка В. Кручинина.

подбородок, чуть раскачиваясь в такт мелодии, всхлипывала...

Мамочка! Девочка сглотнула подкативший к горлу комок, босыми ногами зашлёпала по холодным половикам.

— Мамочка! — обняла Любу тонкими, словно хворостинки, руками. — Ты плачешь?

Женщина торопливо вытерла слёзы, прижала дочь к себе. Из приёмника лилось:

Обо мне ты не печалься,
Я погибнуть не могу, не могу.
Бережет, бережет от смерти злора
К ненави... к ненавистному врагу...

«Я погибнуть не могу-у-у...» — повторила-пропела Люба дрожащим голосом.

— И Матвей мой — не может! Слышишь, доченька, вернётся папка домой...

Дождавшись, пока Света, отвернувшись к стене, засопит, ловко замаскировала приёмник в корзине с бельём для стирки, лелея надежду на немецкую брезгливость. Записку с фронтовыми новостями привычно упрятала в кухонный шкафчик, между тарелками. Завтра девочки перепишут на чистовик. Надо успеть до встречи со связным из отряда. Обещали передать партизанские новости и бумагу для следующих листовок...

* * *

Люба вытянула из печи большой закопчённый чугунок с кипятком, да так и застыла, держа ухват над деревянным корытом. Как же она забыла крючок на дверь набросить? Не выпалась, поднялась на заре, умаялась, обхаживая печь...

У распахнутой настежь двери — незванные гости. Немец с болезненно слезящимися глазами, двое полицаев. Один юркий, так и шарит зенками по сторонам. Второй молчаливый, в кепке, надвинутой до бровей. Фриц, пообвыкнув к сумраку дома, вяло повёл мутным взглядом по комнате, шмыгнув простуженным носом, двинулся к печке. Припечатал ладони к тёплым кирпичам, зябко поёжился.

От напряжения руки у Любы вздрогнули, крышка на чугуне сдвинулась, металлически взвизгнув. Немец резко вскинул автомат:

— Was?

Юркий полицаёв услужливо подлетел к женщине, столкнул горячую крышку. Пар шибанул в дощатый потолок. Сверху, словно крупные подсолнуховые семечки, посыпались из щелей тараканы. Полицаёв грязно выругался и, отрясая с себя насекомых, отступил к немцу. Тот хрипло взревел: «Verdammt! Ich hasse sie!»¹ — с перекошенным ртом выскочил во двор.

— Тьфу ты, зараза! — замахнулся на Любу фашистский прихвостень и рванул из дома виниться перед начальством. На ходу приказал напарнику: — Митяй, проверь тут всё!

Тараканы, упавшие в корыто с мокрым бельем, с трудом волоча длинные влажные усы, пытались выбраться наружу. Люба вернула чугун на загнетку, подхватила занемевшей ладонью двух красно-коричневых усачей, вместе с водой выплеснула в корзину, потом ещё, ещё... Авось, не сунутся сюда «господа».

— Никогда не видел пан-немец тараканов? — как будто осмелела хозяйка.

Митяй не ответил, сдвинул в сторону прикроватную занавеску. Девочки, забившись в угол, испуганно тянули на себя тощее одеяло.

— Чужих в доме нет? — Голос спокойный, без угроз.

¹ Дьявол! Ненавижу их! (Нем.).

— Не-е-е, — покрутила Зина растрёпанной споро-
нья головой.

Света молчала, только глаза таращила. Она узна-
ла этого дядьку! Он из школы. Учитель физкультуры.
Дмитрий Мефодьевич... предатель?!

Полицай вернулся на кухню, половицы глухо по-
станывали под ногами. Открыл шкафчик, загремел
посудой. У Любы перехватило дыхание. В следующее
мгновение она шумно выплеснула кипяток из чугуна в
корыто. Горячим духом снова ударило в потолок.

— Ой! — вскрикнула она, отпрянув к стене. Не
столько боялась обжечься паром, сколько хотела от-
влечь, увести от шкафчика Митяя.

Учитель обернулся, выпрямился. В его руке Люба
заметила листовку... Одними глазами неожиданно
приказал: «Молчи!», кивнул в сторону девчонок, пре-
дупредительно-укоризненно покачал головой. Оглянул-
ся на входную дверь, вернул листок на прежнее место, с
силой захлопнул дверцу. Прошёлся по комнате, откинул
шторку на печке, пнул сапогом корзину с бельём... На-
клонившись к Любе, чуть слышно шепнул:

— По городу облавы. Операция «Zauberflöte»¹...
Отряд СС готовится к карательным экспедициям в Ло-
гойске, Плещаницах, Заславле...

В сенях хлопнула дверь.

— Ну, что тут, Митяй? — заглядывая в хату, пото-
ропил напарник-полицай.

— Ничего!

Когда голоса во дворе стихли, Люба бессильно
сползла на пол. За окном разгоралось апрельское утро.
Солнечный луч скользнул по столу, мягко осветил печ-
ку, заблестел в солёной капельке на бледной щеке.

¹ Операция «Zauberflöte» («Волшебная флейта») проводилась
в Минске с 17 по 22 апреля 1943 года, её целью было уничтожение
сопротивления и угон трудоспособного населения в Германию.

— Девочки, надо лаз докапывать, срочно...

Проснулась Света от мерного шума за окном: мать чистила двор. На носу месяц май, а зима не сдаётся: пользуясь ночной теменью, подморозила, забелила вешнюю землю. К полудню, только солнышко прогреет, снег потечёт — слаб он по весне. Зачем мама пустой работой занимается?

Перелезла через спящую Зину, нырнула ногами в старые валеночки и — на крыльцо. Под торопливым берёзовым голиком с дорожки исчезали следы. Большие, мужские. Кто-то приходил ночью...

Порыв ветра неожиданно ударил Свету по лицу, замутил утреннюю свежесть запахом гари. Дуло со стороны Кооперативного переулка. Люба перехватила тревожный взгляд дочери.

— Из танка по хате стреляли. Все там погибли...

Дома, усадив Светлану напротив, в который раз наставляла:

— Заявятся немцы — прячьтесь под печь! Что бы ни случилось... Голоса не подавайте. Выбирайтесь через лаз и — в деревню, к тётке. Дорогу знаете...

— Нам, мамочка, ещё докопать надо... Чуть-чуть!

Фашисты колотили в дверь прикладами.

— Где твои выродки? — Полицай ворвался в дом, больно пнул Любу в грудь. — Девки твои где?!

Забившись в подпечье, Света не видела, как мать медленно поправила сбившийся с головы платок, спокойно взглянула на свирепеющего полицая:

— Чего кричишь? Не глухая. Ещё с утра ушли. Дала им одёжку отцову — на хлеб выменять.

— Ушли? А это мы сейчас проверим! — выслуживался перед хозяевами предатель.

Полетело на пол ватное одеяло, свалился исколотый штыком старый тюфяк, закружился пух из вспоротой

подушки, загрохотали сброшенные вёдра, перевёрнутое корыто, зазвенела разбитая посуда, вывалился из корзины «Пионер»...

— Радио?! — Полицай подхватил приёмник и, злобно тыча им в лицо Любе, заорал: — Где, где они? Всех на виселицу! — Запыхавшись, опустился на колени, заглянул под печь. — Чую, чую, тут отродье твоё! — шипел, шурудил чепелой, поднимая пыль.

Немцы, держа Любу под прицелом, молча наблюдали за обыском. Полицай рванул с плеча винтовку. Женщина окаменела. Господи, спаси, сохрани, помилуй!

Гремучей змеей застрекотала очередь, завизжали пули, взрывая землю, впиваясь в кирпичи. Девочки зажмурились. Света оцепенела. Внезапно навалилась темень. Странная тишина немю зазвенела в ушах...

Пыль оседала медленно, толстым слоем налипала на волосы, ресницы, щекотала в носу. Зина зажала рот рукой, чтобы не выдать себя, но всё равно, не сдержавшись, чихнула. Прижалась к стене, замерла, ожидая выстрелов...

Тихо. Пошевелила занемевшими руками. Подползла к сестре. Прислушиваясь, припала к груди... Живая, живая!

Осторожно обняла:

— Не ранена?

Света протёрла глаза, проморгалась, испуганно приложила палец к губам. Старшая слабо улыбнулась:

— Ушли немцы. Нет никого...

— А мама?

— Никого нет...

В тревожной тишине вдруг загудела, заохала пустая хата. Гул стремительно нарастал. Зашипели, затрещали горящие брёвна...

Девочки, не сговариваясь, ринулись к тайному ходу.

— Ползи первая, копай, а я здесь буду отгребать. Скорей! — подтолкнула Зина сестру.

Света уткнулась в тупик лаза, отчаянно впиалась руками в стенку. Не чувствуя боли от набившейся под ногти грязи, рыла, рыла... Выгибаясь ящеркой, орудуя ногами, ловко проталкивала землю назад.

— Скорей, Светочка, дымно уже — задохнёмся! — умоляла Зина, заходясь кашлем.

В хате рухнула полыхающая балка, огнём ярко осветило подпечье, шибануло жаром, перехватило дыхание. Девочка метнулась в подкоп...

Весеннее солнце пробивалось сквозь клубы дыма, норовило заглянуть в тайник у смородинового куста. Света жадно вдыхала сырой апрельский воздух, размазывая по чумазым щекам слёзы.

— Зина, очнись! Зина-а-а...

* * *

Светлана Тимофеевна приложила к глазам школьную промокашку:

— Сколько лет прошло, — словно извинилась перед притихшим классом. Открыла книгу. — «Руины стреляют в упор». Знакомо название? Про минских подпольщиков. И о моей маме...

Про книгу¹ я не только знала — читала её. Но чтобы вот так: мама учительницы — в книге? Подпольщица!

Всего год, до переезда с родителями в Мурманск, посчастливилось мне учиться в Минске. А ровный, тихий голос Светланы Тимофеевны и ныне сеется в моей памяти теплом и покоем.

¹ Новиков И. Г. Руины стреляют в упор: документальная повесть. Минск: Беларусь, 1965.

Одна судьба

«СЖИГАЙ СЛОВА, ЧТОБ СОХРАНИТЬ МОТИВ...»

...Россия, Россия, Россия,
Победы терновый венец...
И. Григорьев. Русский урок

Не так давно моя добрая знакомая Татьяна Викентьевна, когда-то сотрудница толстого литературного журнала, огорчённо-растерянно поделилась: сокурсница не только не поняла, но удивилась тому, что женщина всерьёз порекомендовала внучке прочесть роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», — мол, нашла что читать! Несовременно. Мальчишки, девчонки — герои? Да правда ли то, что написано!?

Мне тут же вспомнилась моя землячка — белоруска Нина Старцева, родом из деревни Березно Вышедского сельского совета Городокского района Витебской области. Перед войной она вместе с семьёй переехала на Донбасс, в посёлок Краснодон. Здесь и вступила в группу молодых мстителей во главе с Николаем Сумским. Ей было 17 лет.

Ещё вспомнилось о героях «Молодой гвардии», когда всматривалась в юные лица на снимках подпольщиков посёлка Плюссы, что на Псковщине: Коля Никифоров, Вася Иванов, Петя Векшин, Гена Шавров, которым на начало войны было по тринадцать-четырнадцать лет. Люба Смурова, Борис Воронков, Люда Маркова, Женя Севастьянов, Рая Воронцова, Игорь

Григорьев — все только-только со школьной скамьи. По-юношески горячи и отважны, но по-взрослому выносливы и суровы. Дети войны — подпольщики, партизаны...

Игорю Григорьеву, будущему пронзительно-русскому поэту, исполнилось восемнадцать лет 17 августа 1941 года, когда фашисты уже господами-хозяевами расхаживали по Псковской земле. К тому горестному времени Игорь, сын крестьянского поэта Николая Дмитриевича Григорьева, офицера — ротного Первой мировой, участника Брусиловского прорыва, награждённого Георгиевским крестом, писал не просто стихи, а одухотворенные поэзией горячие строки:

...Никому спасенья от крестов безбожных!
Никакого лета в убиенных пожнях.
Грех и разоренье, кровь и униженье.
Умирают сёла, как в костре поленья...
Обмерла осинка у горюн-крылечка,
Будто потеряла знобкое сердечко, —
Горькая не может в быль-беду поверить:
Мёртвых не оплакать, горя не намерить...

(«Лихо», 1941)

Под руководством Игоря Григорьева подпольщики Плюссы нарушали, где могли, немецкую связь, подсыпали гравий в буксы вагонов, писали и расклеивали листовки, помогали беженцам и военнопленным, собирали оружие, вели наблюдение за передвижениями врага...

В тот час в п. Краснодон дети готовились к школе, не ведая, что она вскоре превратится в госпиталь для раненых, у постели которых Нина Старцева вместе с подругами будет дежурить по ночам. Лишь в июне 1942 года врагу удастся прорваться на

Донбасс, где их встретит сопротивление молодо-гвардейцев. Они сжигали хлеб, угоняли в степь скот, чтобы не достался врагу, нарушали линии связи, расклеивали листовки со сводками Совинформбюро...

В начале июня 1942 года Игорь Григорьев, Миша Логинов, Фридрих Веляотс, вместе с плюсской молодёжью отправленные немцами в телячьих вагонах в Латвию, за лошадьми, возвращались в Плюссу. Страшно хотелось есть, все были простужены, обессилены, невымытые, в чирьях... И всё же как-то незаметно из сорока человек образовалась небольшая, но крепкая группа сопротивления во главе с Игорем Григорьевым и Михаилом Логиновым. Пока шел обоз, ребята выводили из строя лошадей, растаскивали продукты, предназначенные фашистам, — что съедали, что выбрасывали в кусты. Однажды немцы пронюхали кражу. Не расстреляли, но выпороли зачинщиков, а Мишу с Игорем отправили в Локню — в гестапо. До места назначения они не добрались: охранявший их солдат — чех Франтишек — помог бежать...

Осенью 1942 года штаб «Молодой гвардии» постановил в честь 7 ноября вывесить на улицах Краснодона флаги. Сшили флаг Нина Старцева с Лидой Андросовой, а водрузили его Николай Сумской и Александр Шищенко. Утром жители посёлка увидели радостно развевающееся красное полотнище — предзнаменование победы!

«Знамя у немцев, — писал Игорь Николаевич Григорьев в автобиографической повести «Всё перемелется», — было ошеломляющее: кроваво-красное полотнище (обычно из шёлка), на которое нашит белый круг во всю ширину, а в кругу, опять же нашита, толстая абсолютно чёрная свастика — Накенkreuz, “крюк-крест”.

Такое знамя висело в Плюссе на флагштоке перед солдатским казино (бывший банк). Когда его касался ветер, оно начинало шевелиться, будто ползла неимоверно мерзкая и страшная гадина. Оно повергало в трепет и вгоняло в ужас проходящих мимо невольников. Не буду записывать: на себе испытал».

Не успел Игорь после возвращения отлежаться в отцовском доме, как его вызвали на биржу труда и предложили работать в местной комендатуре переводчиком. Григорьев превосходно владел немецким: у него от природы была цепкая, прочная память и просто дар Божий к языкам. Неслучайно он стал мастером глубокого русского языка, и уже над его книгами трудится теперь талантливый филолог, лингвист, лексикограф Анатолий Павлович Бесперстых из Новополюцка, автор многочисленных, в том числе оригинальных, словарей.

Не сразу, лишь после благословения Тимофея Ивановича Егорова, командира Стругокрасненского межрайонного подпольного центра, давшего для связи пароль «Зажги вьюгу!» и отзыв «Горит вьюга!», согласился Игорь на ненавистную работу в комендатуре.

...Мы вырвемся отсюда
На волю, в лес — наш дом.

Где можно быть собой,
К своей братве причалить,
Из-за угла не жалить,
Где бой — открытый бой.

Так будет! А пока,
По горестному праву, —
Я тута — «герр», вы — «фрау»,
Ловчим в гнезде врага...

(«В комендатуре»)

Проработал Григорьев там ровно три месяца: от 11 марта до 11 июня 1943 года, когда лейтенант Абт из фельджандармерии потребовал от переводчика Эгона (так немцы звали Григорьева) надеть германскую военную форму. Игорь категорически отказался и был отправлен из комендатуры на временную работу: возить на специальной тележке почту на вокзал.

— А когда наберём партию на этап, отправитесь в Германию! — предупредил, ухмыляясь, Абт.

Оставшись в Плюссе и воспользовавшись приказом бургомистра снарядить и доставить в посёлок подводы со строительным инвентарём для ремонта дороги, Игорь Григорьев и Люба Смурова помогли начальнику разведки майору Хвоину Ивану Васильевичу некоторое время легально пожить в Плюссе. Он огляделся, познакомился с подпольщиками, сам оценил обстановку для планирования дальнейшей работы молодёжного сопротивления.

Группа Григорьева обезвредила и передала партизанам крупного карателя, офицера СД, связного местных немецких агентов полковника Отто фон Коленбаха, представлявшегося журналистом и фоторепортёром Гольдбергом, и его переводчицу из прибалтийских немцев фрау Эмилию Пиллау. Операция была проведена так умно и ловко, что не вызвала у фашистов никаких подозрений об участии в ней местного населения.

Подпольщикам не раз удавалось предупреждать и тем самым спасать от угона в Германию ребят и девочек Плюссы, выдавать евреям документы с русскими фамилиями и именами, оберегая от смерти. Однажды Игорь вместе с младшим братом Львом Григорьевым предотвратил гибель партизан Стругокрасненского подпольного центра, вовремя поставив в известность командиров о готовящейся карательной операции.

Но отвести смерть от друга Жени Севастьянова, работавшего шофёром, не смог.

25 июля 1943 года, во время проведения операции по захвату шефа районной полиции Якоба Гринберга и документов — списков лиц, состоящих на службе у жандармов, Евгений был схвачен и в тот же вечер повешен на дереве возле гаража. Его предал девятнадцатилетний полицай из местных — Лёнька Смирнов, с удовольствием носивший вражескую форму: «Что ни говори, красивая форма. Гляди, как хороша! Как ладно она сидит на мне! И ремень настоящий, кожаный. И пистолет на ремне в кожаной кобуре»¹.

11 августа 1943 года, день в день через два месяца после ухода Игоря из комендатуры, тайной полицией была арестована Люба Смурова, работавшая на бирже труда. Накануне по просьбе Григорьева она вынесла из биржевой картотеки карточки на подозреваемых немецких агентов — от «цеппелиновцев» до сотрудников СД.

— Возвращу завтра. Сегодня не могу: вечером ухажу на связь с центром, — пояснила командиру.

Вместе с Любой немцы взяли её тётку Ирину Егорову с дочкой Анной и переводчика лагеря военнопленных Игоря Трубытчинского. Григорьева подпольщики успели предупредить: «В доме — засада. Уходи!».

Всю ночь, до выхода из посёлка в лес (пробираться пришлось через минное поле), Игорь писал стихи, посвященные Любе Смуровой, которую не мог позабыть до последнего своего дня, как и не мог простить себе, что не настоял, не потребовал, не приказал вернуть карточки на биржу сразу.

Арестованных подпольщиков, измученных пытками, расстреляли в ночь на 16 сентября 1943 года.

¹ Кириллов В., Клёмин В. Огненный круг: очерки о плюских разведчиках // Поэт и воин: книга воспоминаний. СПб., 2013. С. 217.

Недоступен лик и светел,
Взгляд — в далёком-далеке.
Что ей вёрсты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирый храм и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лёд.
Горевой цветок России,
Что ей смерть? Она идёт!
(«Последний большак»)

В начале 1943 года в Краснодаре начались повальные аресты. Были схвачены Жданов Володя и Сумской Николай, а 12 января гитлеровцы ворвались в квартиру Старцевых. Не позволив Нине даже одеться, вывели её на мороз и под конвоем отправили в городскую полицию. Девушку подвешивали к потолку за волосы-косы, загоняли иглы под ногти, жгли ноги раскалённым железом... Как и Люба Смурова, семнадцатилетняя Нина Старцева оказалась сильнее пыток.

Ночью 16 января (именно в этот день, через 53 года, в 1996-м, уйдёт из жизни поэт, подпольщик, партизанский разведчик Игорь Николаевич Григорьев) всех арестованных молодогвардейцев погнали к шахте № 5 с 53-метровым шурфом, чтобы продолжить пытки. Их били, вырезали на юных телах звёзды, жгли железом и сбрасывали в страшную пропасть шахты...

16 ноября 1943 года Игорь Григорьев ушёл в деревню Волково Плюсского района, в распоряжение 6-й пар-

тизанской бригады. Прикрывая отход партизанского отряда, получил первое ранение. Спасся чудом: удалось под непрерывным «шмайссерским» обстрелом немецких егерей доползти незамеченным до спасительных кустов. Полуживого разведчика подобрала и выходила крестьянка деревни Посолодино Ольга Артемьевна Михайлова. Игорь еще прихрамывал, когда вернулся в отряд. И сразу вместе с братом Лёкой (так звали его партизаны), переодевшись в немецкую форму, ушел на задание. Задача по захвату шефа районной полиции Якоба Гринберга оставалась нерешённой.

Гринберг услужливо готовился к встрече немецких офицеров, а разведчикам был известен пароль: «Фатерлянд». 26 сентября 1943 года, удачно захватив полиция, братья Григорьевы возвращались в лес. Они не знали, что у деревни Носурино по доносу старосты их ждала немецкая засада... Через десять дней после расстрела Любы Смуровой не стало и Льва Григорьева. До 26 февраля, дня его совершеннолетия, он не дожил ровно пять месяцев.

Ты меня прости:
Без слёз тебя оплакал.
Умидали избы, ночь горела жарко.
На броне поверженной германская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.
Жахали гранаты,
Дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверясь глине очерствелой.

Вот она, война:
В свои семнадцать вёсен
Ты уж отсолдатил два крошечных года...

Был рассвет зачем-то ясен и не грозен:
Иль тебе не больно, вещая природа?
(«Брат»)

— Предателя уничтожить, а его дом — сжечь! — приказал Игорю руководитель центра Тимофей Егоров.

Григорьев зажёл паклю на чердаке дома старосты, зашёл в горницу и замер: в красном углу перед иконами теплилась лампадка...

Командиру Игорь доложил, что убить хозяина дома не смог:

— Не палач я...

Отважный разведчик, не единожды выполнявший сложные боевые задания, с трудом сдерживал боль, гнев и ненависть к врагам. Бывало, «в форме немецкого хауптмана заявившись во вражеский гарнизон... пристаивал к германскому нижнему чину, заставляя его козырять [ему], гоня строевым шагом, распекая захватчика самыми обидными немецкими ругательствами...». Но расстрелять захваченных в плен солдат-охранников фашистского сенопункта не смог. Вражеская команда состояла из пожилых, больных, нестроевых немцев-инвалидов, которые и сопротивляться-то не были способны: слепой, горбатый, дурной.... «Не по мне это — расстреливать... Я не могу. Таких калек грех бить...» — решил Григорьев и отпустил вояк идти не к своим (германцы точно бы к стенке поставили), а навстречу Красной Армии. Дальше — как Бог даст! И в третий раз не смог Игорь «пустить в расход» немца, сдавшегося в плен вместе с танком и передавшего партизанам ценные документы, — выдал ему банку германской тушенки, пачку галет, поменялся с ним одеждой, да и отпустил восвояси... — «Не палач я!»

...А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И ворога любить, и милость к падшим звать,

Но... меч в моей руке! Помилуй, Правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?

Звенел калёный зной, как в цель попавший выстрел,
Дымилась, чуя смерть, бессокая трава;
До дна клонило в сон. Да ночь короче искры,
И жаждали испить душа и дерева...

А может, грех роптать? Мой стон не без ответа,
И в пролитой крови у жизни спросу нет, —
Сбылось: пришли дожди, когда сгорело лето,
И стала длинной ночь, когда покой отпет.

(«Удел»)

Вот эти слова: «И ворога любить, и милость к падшим звать» — так или иначе повторяют сию минуту на Донбассе тысячи людей, в одночасье ставшие ополченцами на родной земле многовековой Руси — отмежевавшейся Украине. Как же коротка оказалась человеческая память, если забыты зверства немецких фашистов и собственных оборотней-полицаев, всего-то 70 лет назад измывавшихся над русским человеком. Но и побеждённых — им же!

Необъявленная война на Украине, где убивают не врага-инородца, переступившего чужую границу, а соседа, бывшего одноклассника, родственника, ребёнка, говорящего по-русски... Да мыслимо ли это?! Разум отказывается верить...

Украинорожденные неонацисты-бандеровцы, напитанные с детства бесчеловечной ненавистью, пытаются превзойти жестокостью своих патологически зверских предков, вырезавших за ночь целые сёла («Волынская резня»). Сожженные люди в Доме профсоюзов в Одессе, сотни трупов с изъятыми внутренними органами, тысячи зарытых в траншеи без гробов и имён... Кто пересчитает изнасилованных, изувеченных, замученных

пытками? Кто вернёт родителей детям и детей — родителям?

О какой любви к ближнему, тем более к «ворогу», может идти речь у нелюдей, которые на одной из вечеринок по случаю нового, 2015 года с садистским наслаждением разрезали на куски и пожирали торт в виде... русского младенца!

Фашиствующий сатанизм. В наше время. На земле молодогвардейцев...

Игорь Григорьев пророчески предупреждал:

Коль века безумье — «на грани»
Пребудет владыкой судьбы,
Земля, Апокалипсис грянет,
Исторгнув из чрева гробы...
(«Русский урок»)

Планируя новую мобилизацию в украинскую армию, воюющую против своего народа, управляемое извне правительство Петра Порошенко готовит и новое военное кладбище под Днепропетровском площадью 80 гектаров — приблизительно на 160 тысяч захоронений. Отправляя солдат воевать, антинародная власть понимает, что Русский мир Донбасса никогда не смирится с восставшим из ада фашизмом. Ополченцы сражаются за свою землю так же, как когда-то их отцы и деды в Великую Отечественную — живя любовью. Спасают, выхаживают, кормят не только жителей Донецка, Луганска, но всякого просящего помощи, даже пленных солдат ставшей вражеской украинской армии. Русский дух, основанный на жертвенности и православии, непобедим!

...И воев, кто в землю положен,
Не дадено дважды сразить.
У жизни закон не преложен:
Их надо сперва воскресить.

Нельзя повторить сорок первый,
«Смоленский котёл», Ленинград —
Измерить безмерною мерой
Несчётные сонмы утрат.

Нельзя повторить «Дранг нах Остен» —
Клеймёны «паучьим крестом»,
Не те мы теперича ростом
(Хоть люди забыли о том).

Нельзя повторить Нагасаки,
Зане ноне порох не тот.
— Авось перебьёмся без драки...
Нет, люди: «авось» не спасёт!

(«Русский урок»)

Через пятьдесят лет после Победы друзья всё ещё будут утешать Григорьева: «Игорь, милый, какую же вы, партизаны, пережили страсть! Прошу тебя об одном: не мучай себя тем, что ты “отнимал чужие жизни”. Я сейчас скажу тебе слова, быть может, дикие в моих устах — увы! — старой женщины, которой скоро самой умирать: **МАЛО ВЫ ИХ, ФАШИСТОВ, УБИВАЛИ! Вот так.** Прости меня, ради Бога. Ведь мы (т. е. вы и вся наша страна) не вели войны на истребление народа, которую вели они. Отсюда, т. е. из-за этой подлой, страшной цели, во многом несравнимы наши и их потери: у них всего (на всех фронтах) 8 миллионов, у нас же не менее 30-ти. А теперь уж говорят, что и все 40...» (из письма Е. А. Александровой 03.08.1995 г., г. Шуя)¹.

Город Краснодон и прилегающие к нему посёлки были освобождены Красной Армией 15 февраля 1943 года. При проведении спасательных работ из

¹ Цитируемые в статье письма взяты из личного архива И. Н. Григорьева, хранящегося у Григория Григорьева, сына поэта.

шурфа шахты были извлечены останки 71 молодого гвардейца. Нину Старцеву достали на третий день. Изуродованное тело и лицо опознать было невозможно. Анна Андреевна Старцева узнала дочь только по вышивке на рукаве сорочки и по волосам...

18 февраля 1944 года, после нескольких налётов на немецкий гарнизон, партизаны вместе с войсками Ленинградского фронта полностью освободили Плюссу от фашистов. Каждый раз проводниками партизан в боевых вылазках были бывшие плюссские подпольщики: Игорь Григорьев, Борис Чухов, Владимир Клёмин, Люда Маркова... В посёлок входили неожиданно, забрасывали дзоты и бункеры гранатами, захватывали много трофеев.

...И можешь-не можешь — обязан
Добраться! Добечь! Доползти!
Душа закликает и разум:
Не глина — Отчизна в горсти!..
(«Русский урок»)

Однажды после боя Григорьев неожиданно встретился с отцом, который полгода скрывался от карателей в Манкошевском лесу, в земляном бункере, без хлеба, без тёплой одежды. Его жену, Марию Прокофьевну, и дочерей, Тамару и Нину, немцы угнали в Германию, а хату сожгли после того, как Игорь ушёл в партизаны. Отцовский наказ сын пронес через всю жизнь: «Береги себя... Но и воевать за тебя никто не должен. Никто не должен умирать за тебя. Неси свой крест...».

Было прощанье с отцом
Необходимым.
Жгло за окопным кольцом
Прахом и дымом.

Танк дотлевал на крестах,
Сталь вопияла.
Слёзная в снежных местах
Слякоть стояла.

В полымя путь, из огня:
Родина в грозах!..
Вёл ты за повод коня,
Нёс я твой посох.

Крута сыновья стезя:
Долго ль сорваться...
Росстани. Дальше нельзя.
Надо прощаться.

Был ты, как вечер, уныл,
Полон смиреньем —
Трижды меня осенил
Крестным Знаменьем

Я парабеллум трикрат
Вскидывал в небо:
— Честь тебе, старый солдат,
Выразить треба!..

(«Прощанье»)

В контратаку под деревней Островно 10 февраля командование бросило бригадных разведчиков — 38 человек во главе с комбригом Виктором Обьедковым. Этот страшный бой, переходивший в рукопашный, стал для Игоря Григорьева последним. Осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен. С того дня прошёл десятки лазаретов, перенёс восемь операций.

Светлый ангел — сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?

Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги — темнота.

Горькой доли глоток, не бессмертья,
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердья,
Неужель я для смерти воскрес?

.....
Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любовью,
Лишь не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумей: бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить — ни про что — в никуда!
(«Боль»)

В музее «Молодая гвардия» хранились (не знаю о положении в настоящее время, когда на Донбассе идут бои) награды Нины Илларионовны Старцевой: орден Отечественной войны I степени и медаль «Партизану Отечественной войны» I степени, которыми посмертно награждена славная дочь Белоруссии, подпольщица «Молодой гвардии» за доблесть и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Награды Игоря Николаевича Григорьева: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией», «Партизану Великой Отечественной войны», «За оборону Ленинграда» — хранятся у его сына, заслуженного врача РФ, профессора, доктора наук, священника, члена СП России Григория Игоревича Григорьева.

«Помяни моё слово»

16 ноября 1943 года Игорь Григорьев ушёл в деревню Волково Плюсского района, в распоряжение 6-й партизанской бригады. А в конце месяца, во время диверсии на железной дороге, был тяжело контужен. В часы вынужденного «отдыха» взялся за шлифовку написанной в партизанском отряде пьесы «Чёрный день».

Накануне нового, 1944 года коридор школы-восьмилетки в деревне Клескуши Лужского района Ленинградской области превратился в театральную сцену и зрительный зал одновременно. Премьера спектакля прошла с огромным успехом. А в середине января Игоря пригласили в политотдел. Молодой офицер с поблескивающим на груди орденом Отечественной войны, старший лейтенант Васенин — фотокорреспондент ТАСС, похвалил пьесу, с которой успел ознакомиться, и предложил Григорьеву почитать стихи. Больше часа он внимательно, не перебивая, слушал.

— Перепиши мне в блокнот стихотворение «Контракта», — попросил и добавил: — Останешься цел — далеко пойдешь, поэт. Помяни моё слово.

Игорь старательно записал:

На зло... на взлобке — взрыв за взрывом,
В ста саженьях — не наша власть.
Мы выстроились под обрывом
(Куда снарядам не попасть).

Нас — тридцать восемь, чад разведки,
Сорвиголов лихой войны.
Предстал комбриг: — Здорово, детки!
Сам поведу! Беречь штаны!..

И он, как русский волк матерый,
На лёжку прусских кабанов

Метнулся, яростный и скорый!
И было нам не до штанов.

Всклень в лихорадке наважденья,
Войдя в злосчастный русский раж,
Мы проломили загражденья,
Вбегли, втекли, вползли на кряж.

И там, и там — во гнёздах гажьих —
В окопах, глыбью до груди,
Сошли с ума две силы вражьих —
Врагу, Господь, не приведи!

2 сентября 1956 года в «Псковской правде» впервые была опубликована подборка стихов Игоря Григорьева, к тому времени окончившего филологическое отделение Ленинградского университета. «Всерьёз думать о стихах, — писал поэт, — не без влияния отца [Николая Григорьевича]... стал с 1940 года. А с 1963-го — Поэзия всецело завладела моим существом. Люблю её! И ни на что не променял бы!» В том же году Григорьев был принят в Союз писателей СССР. В 1967 году он переехал в Псков, где вместе с прозаиками Львом Колесниковым и Юрием Курановым при поддержке секретаря обкома КПСС Ивана Семёновича Густова создал и возглавил Псковское отделение Союза писателей. При жизни поэта было издано 22 книги лирики. Последние из них — посвященные стихотворения «Кого люблю» (1994), стихи о войне «Набат» (1995), избранные стихи «Боль» (1995).

Предчувствуя свой скорый уход, Игорь Николаевич желал через горячие строки передать, оставить всем друзьям, добрым людям, встретившимся на горестном жизненном пути, чуткому читателю, потому что последнее слово Поэта, заветную песню души — «сжигай слова, чтоб сохранить мотив»... Книги он раздарил, разослал

по знакомым адресам в самые дальние уголки страны. И ждал. Отклика, мнения, разговора... В который раз, наверное, испытывая смутное извечное сомнение: «Поэт ли я?».

В апреле 1995 года в 37-ю квартиру дома № 57 на Рижском проспекте Пскова (где ныне установлена мемориальная доска) пришло письмо на имя Григорьева от его тверского друга-писателя:

«Незабываемый Игорь Николаевич! Книгу “Боль” прочитал за два дня по получении. И одолело меня чувство: напишу ему целый трактат в порядке отзвука. Времена столь тяжкие, что надо как молитву повторить: “В том строю не признавал я многое, в этом строе отвергаю всё”. Книга, насколько я понимаю, получилась цельная, берущая за душу. Замечательное, глубокое предисловие. Молодец Владислав Шошин! Уникальная глубина твоего видения мира, русский дух — затронули меня ещё лет двадцать назад, когда Н. Игнатъев принёс твою книжечку... В глухие, тяжёлые годы ты сложился как поэт. Многие стихотворения я воспринимаю как ребусы, налицо эзоповский язык, стиль. В наши дни выплёскивания и души, и требухи, господства наглого надтекста, крика (в том числе и в поэтическом творчестве), как-то по-особому воспринимаешь твою лирику. Она с глубоким подтекстом, у тебя не крик о боли, а глухие, целомудренно скрываемые стенания. И это, я думаю, усиливает впечатляемость.

Как поэт-профессионал, ты чётко знаешь, что — твоё, а что — не твоё. В книжке избранного ты остался верен себе, как жизненный художник...

Твой В. Крюков».

«Спасибо за “Боль”, дорогой Игорь Николаевич! — писала из Новосибирска А. Е. Мелинова. — Поздравляю Вас с отличной книгой. Ваши стихи люблю.

Читала. Наслаждалась. Какое-то колдовство. Так всё зримо, так искренне, так точно. Стихи ложатся на сердце, стихи — полные любви к природе, к людям. Они особенно дороги сейчас, когда люди озлоблены и не замечают ничего вокруг. Ни друзей, ни красоты природы. А как Вы чувствуете ее, как говорите о ней! Какие точные и неожиданные сравнения, эпитеты, интонации... Еще порадовала меня Ваша книга тем, что, значит, Вам работается, несмотря ни на что! И слава Богу!..»

Вера Фёдорова из Плюсского района, та самая, которой во время войны немец обрубил руки с хлебом, приготовленным для партизан (поэма «Вьюга»), та самая Вера Фёдорова, помогая которой поставить новый дом под крышу, Игорь Григорьев отдал все деньги, что у него были, до копейки, сообщала: «Получила Ваш сборник стихов — усладу для сердца... Спасибо еще раз, дорогой ветеран, за великую победу — праздник со слезами на глазах! Да хранит вас Господь!».

Из Петербурга пришло письмо от Р. К. Королевой:
«...С ответом-благодарностью за твой прекрасный новогодний подарок — твои новые книги. Я должна была бы сразу выразить свое удовольствие и высокую оценку компонования стихов и похвалить их прекрасную языковую живость. Вслух-то я возопила сразу, и тотчас обзвонила добрых друзей, которые в этом понимают, и передала книги Юлии. Мне даже совестно, что ты сам отправил эту бандероль: будь уверен, что я в высшей степени оценила этот жест по этикетной стороне и по дружескому расположению. В тем большей степени я — негодяйка, не написавшая сразу! Но зато я с физическим удовольствием прочла стихи, прониклась этой живой энергией истинного, природного русского языка и еще раз ощутила разницу между гладкопишущими русскоязычными и избранными носителями на-

стоящей поэзии русской речи. Не в обиду мужчинам будь сказано, а поэтов-то нутряных сейчас совсем мало: ты да... и не знаю, кого назвать... я ведь только по публикациям знаю... Но всяких Кибировых да Приговых я не принимаю в расчёт, это мальчишки-игруны. А мужчины — остались в прошлом — и Рубцов, и Орлов, и Горбовский, и... смотри-ка сколько было дивных мужиков!

Но зато женщины — сейчас на высоте. Конечно, опять же я знаю только журнальные подборки, но какой материал! (Это я хочу похвалиться, что не лыком шита, имею слух!..) Но ведь это правда: женские стихи поражают. Что-то, наверное, изменилось в равновесии мира...».

Василий Цеханович, участник Великой Отечественной войны, полковник, писатель и журналист был знаком с Григорьевым со студенческих лет. В газете «На страже Родины» печатал его стихи и даже прозу. Об этом писал: «Помнится, ты как-то принёс мне страниц десяток необычного для тебя, нестихотворного текста. Это было отменное, нестандартное, согретое искренним чувством повествование...».

Новые поэтические сборники удивили друга:

«Не чудо ли, что в теперешнем своём положении ты выпускаешь одну книжку за другой? Ой, как непросто это в наше сумасшедшее время! И книжки выпускаешь, и пишешь, пишешь. Хотел бы уравниваться с тобой в работоспособности, да вот не получается. Жду с нетерпением “Плач по Красухе”, который разрастается, по-видимому, из знакомого мне одноименного твоего стихотворения. Что-то он вберёт в себя теперь?»

Нетленный образ Красухи переходит из одной твоей книжки в другую. Уничтоженная врагом деревня живёт в твоей памяти и не может оставаться только в ней. Тебе нельзя не закончить “Плач...”. Срок, отведённый для

работы — два месяца — маловат. Есть смысл продлить его. Чтобы ничего не скомкать и не изнурить себя чрезмерно...».

Ты взошла на холм,
Скорбна и грозовита.
Ты устала,
Босы ноженьки болят,
Ты — из камня,
Ты — из мёртвого гранита,
Ты — немая,
Но душа твоя — набат...
(«Красуха»)

О. Малышева, пережившая часть блокады в Ленинграде (в архиве музея ЛГУ хранится её рукопись на основе блокадных дневников, выдержки из которых опубликованы в книге «ЛГУ в годы Великой Отечественной войны»), в большом доверительном письме благодарила Игоря Николаевича «за такую славную книгу, трогающую за сердце!»:

«Вы не только хорошо её написали, но и прекрасно назвали “Боль”, что, к сожалению, отражает многое в Вашей жизни и теперешнее Ваше состояние. И невозможно без боли и сострадания смотреть на Ваш портрет с той же болью в глазах, но и с болью не только за себя, но и за многое и за многих, т. е. с христианским состраданием! Какое счастье, что мы доживаем до такого возраста, когда Бог даёт нам изведать это чувство!».

Писатель А. А. Романов, издавший в то время книгу лирико-философской и публицистической прозы «Искры памяти» — воспоминания о Н. Рубцове, С. Орлове, А. Твардовском, Я. Смелякове, Ф. Абрамове, В. Быкове, В. Белове и др., готовясь выслать её другу, Игорю Григорьеву, поясняет: «Отдарюсь за твой

“Набат”. Он мною услышан! Он обжёг меня! Он заставил вновь тосковать смертной тоской о великих наших жертвах и продажности нынешних властей: “Отступление”, “Набат”, «Непокорство», “С донесением”, “Бабушка”, “Сон”, “Мать”, “Переход” (потрясающее стихотворение!), “Засада” (!!!), “22 июня 1944 г.”, “После войны” и все остальные стихи вместе с поэмой “Русский урок” — замечательны и злободневны! Милый Игорь Николаевич, я по-братски обнимаю тебя за эти стихи, за твой “Набат”! От всей души».

Из г. Шуя Ивановской области пришло письмо от З. Н. Морозкиной и Е. А. Александровой:

«Зина читала мне стихи, посвященные плюсским разведчикам.... Мы и плакали, и смеялись порой. А поэма “201-я верста” нас окончательно “добила”: она и прекрасна, и страшна. Такие хотя бы строчки:

Горе не понявшим нас:
В грозный для Отчизны час,
В час беды, из века в век,
Был он,
Есть он,
Будет он —
Непреклонно раскалён
Смирный русский человек.

Или:

А он глядит. А глаза у него —
Не видал ничего синей...

(Это об умершем Алёше.) Это просто потрясающе...».

В июне 1995 года откликнулся давний товарищ поэта, автор поэмы об Игоре Григорьеве «Капитан Игорь», Алексей Полишкаров, поэт, прозаик, переводчик:

«Здравствуй, витязь нынешних дней земли Псковской!.. Получил от тебя письмо и бандероль с тремя твоими книгами: “Контрразведка”, “Набат”, “Боль”. Я бы всё твоё творчество и жизнь назвал — “Боль” за Отечество, за землю Русскую. Друзе мой, твои слова твержу и повторяю: “В том строю не признавал я многое...”... Очень мне нравится твоё стихотворение в сборнике “Боль” — это “Россия”, а как хорошо и трогательно: “И все тихохонько качаются, Роняя долу жёлтый хруст...”... Я хочу ещё очень о тебе написать не очерк, а поэму, как я тебя люблю и каков ты есть, хочется тебе при жизни её прочитать и издать...».

Владислав Шошин, доктор филологических наук, автор нескольких статей-предисловий к сборникам стихов Игоря Григорьева сетовал: «...получил твою бандероль... вижу, что восстанавливаются донныне сокрытые скрижали истории. Мне, к сожалению, не удалось сказать к 50-летию победы о поэтах ленинградской блокады, книга о них так и лежит у меня в рукописи — никому не нужна, но продолжаю идти вперёд. “Чтобы петь на неистовом свете, разумея: бессменна страда. Только б русскую душу на ветер Не пустить — ни про что — в никуда!” Так говорит Игорь Григорьев — и я его слышу. Как бы я хотел откликнуться в печати на твои книги, как прежде, но и с теми, что ты присылал в марте, ничего не вышло. В “Звезде” сказали, что у нас с ними разные “эстетические системы” (впрочем, это так и есть!), в “Неве” — что откликаются только на “явления”, но мы с тобой для них, конечно, не явления...».

Каждому явлению необходимо своё время. Своё. Начало 1990-х, когда невидимое зло вполне зримо разрушало великое государство, пытаясь уничтожить «смирненно русского человека», его «раскалённый» дух, было

временем нестерпимой боли для русского Поэта, который признавался: «Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины — России...». Игорь Григорьев был пронзительно *русским* в тот час, когда *русскость* поднималась на смех, над нею издевались, её втоптывали в грязь. А голос Григорьева мощно возносился над этим бесовским шабашем:

Я родине моей не изменял.
Безрадостной польнью переполнясь,
Я убивался с ней в глухую полночь,
Но родине во тьме не изменял.

Её беда (не наша ли вина?),
Что верящих в молчанье грозно ввергнув,
Поверила она в лишённых веры.
Её беда — не наша ли вина?

Я к родине своей не холодею,
Хоть крохобор мне тычет: «Дуролом!...»
Пусть обнесён и хлебом и вином —
От знобкости её не холодею.

Её ли суть (не дело ль наших рук),
Что сыновьям на ласку поскупилась?
Уж больно много гостя поскопилось.
Её напасть — не дело ль наших рук?

Я, родина, тебе не надоем
Ни шумом, ни докучною любовью.
Не знай меня, свети пока любому.
Я подожду. Тебе не надоем.

(«Перед Россией»)

Понадобилось почти двадцать лет, чтобы в возрождающейся России поэзия Игоря Григорьева, опередив-

шая своё время, открылась читателю как «явление» потрясающей эмоциональной силы, чистой искренности чувств, истового русского слова, осиянного Божиим духом. Такое слово погасить невозможно!

Выступая в ноябре 2014 года в Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на Первых Григорьевских чтениях «Слово. Отечество. Вера», где прозвучало около двадцати выступлений и докладов, доктор филологических наук, литературовед, критик Г.Н. Ионин воскликнул: «В истории русской поэзии XX века Игорь Григорьев — явление уникальное. Он, быть может, единственный, кто в поединке с конъюнктурой и идеологическими стереотипами недавних лет, никогда не перестраивал своей лиры. Он стойко и убежденно оставался верен себе!».

Доктор филологических наук, профессор, писатель А.Н. Андреев также высказал твёрдое убеждение, что «творчество Игоря Григорьева — новое слово в литературе — совершенно не лишнее звено в цепи, с помощью которой куется целостность, сплав русской культуры. Боль Игоря Григорьева, весьма умное, диалектическое чувство, сегодня как нельзя кстати. Дело в том, что вечные ценности могут утверждаться только через боль, иначе никак. Не стоит удивляться, что поэзия Григорьева, сложный художественный текст, сегодня только-только начинает открываться читателю... Стилистический и культурный код поэзии Григорьева следует искать в уникальном сплаве двух главенствующих и противоборствующих традиций, которые определяют развитие не только русской, но и мировой поэзии вообще. К сожалению (в котором присутствует изрядная толика боли), надо признать, что русские пока не научились должным образом оберегать свое культурное наследие... Иметь поэта такого класса и калибра — просто честь для любой литературы мира».

...Стокровьем закат пересия,
Победу над ночью зажгла.
Россия, Россия, Россия,
А если бы кровь изошла?

А если б развёрстая бездна
Пронзила заволжский песок?
Тебе-то, вещунья, известно,
Как в Даль твою впился б Восток.

А вдруг бы себя не хватило?
А вдруг бы да сдали крыла? —
Ведь экая смертная сила
Твою непреклонность рвала!

Всю ночь от потёмок до света,
До самого Солнца-светла,
Ужель не боялась ответа,
Себя сожигая дотла?

Ужели надеялась выжить?
Воскреснуть в назначенный срок?
— Бери неотложней и выше:
Дать нелюди Русский Урок!
(«Русский урок»)

ЖИТЬ, «ПОКА ПУЛЯ ЛЕТИТ»...

Давно я не ждала (да ещё с таким нетерпением!) продолжения в журнале литературного произведения. Но повесть Геннадия Пациенко «Пока пуля летит», напечатанную в четырёх номерах «Маладосці», ждала. Почему?

Вроде бы повествование несложное, сюжет незамысловатый, герои — простые дети. Деревенские мальчишки: Егор, от имени которого ведётся рассказ, и его младший брат Фёдор. И девочка-москвичка с редким, диковинным именем Инга, почему-то ассоциирующимся у меня с птицей. Действительно, можно увидеть сходство судьбы этого ребёнка с какой-нибудь перелётной птичкой, ласточкой. Принесли её крылья на летние каникулы к бабушке с дедушкой, да и попала под внезапные холода, снега и злые вьюги жестокой и долгой войны ...

Наверное, я не задумывалась бы о том, чем так взволновала меня повесть «Пока пуля летит», если бы не фраза Тихона Чернякевича в литературном обзоре мартовских журналов газеты «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство») № 17 от 30 апреля этого года:

«Што да апошняга твора, то дзеяне даволі нечакана марудзіць і не выходзіць на уласна “ваенны” сюжэтны пласт, у выніку чаго ціхае вясковае жыццё падлеткаў пад акупацыйнай амаль не змяняецца якасна. Адразу становіцца ясна, што па звыклай сцяжыне “маратказеяў”

персанажы не пойдуць — аўтару важней паказаць будні вайны, чым уласна перастрэлкі і выбухі»¹.

Я мысленно вполне согласилась с выводом о приоритетах авторской задумки, но слова «марудзіць» (медлит) и «ціхае» (тихое) вызвали во мне протест.

Думается, в данной повести, возможно, впервые в литературе, автором показано, что война — это не только кровь, смерть, грохот орудий, душегубки концлагерей, героические подвиги. Чем, кстати, не удивишь современных молодых людей, привыкших к голливудским боевикам и убивающих своих противников в компьютерных играх. Война — это ещё и ежедневный хронический страх, тревога, ожидание, трагическая неизвестность и совсем незаметный, но не менее поразительный подвиг — жить и выжить рядом с врагом.

Показано это писателем через бесхитростные глаза беззащитных детей, в результате чего напряжение, которое охватывает буквально с первых строк произведения, кажется таким эмоционально сильным и одновременно болезненным.

Чем больше времени проходит, тем таинственнее, нереальнее становятся события, пережитые нашими дедами и прадедами. Уже отцы наши — это только дети той великой кровопролитной войны. Помню, как мне самой никак не верилось в то, что мои мама и отец, бабушка видели «тех» немцев. Немцев, которых называют фашистами. Казалось невероятным, что враги топтали пол в нашей хате, сидели за нашим столом, спали на наших кроватях, а бабушку вместе с малыми детьми выгнали жить в холодный дощатый сарай. Невозможно было

¹ «Что касается последнего произведения, то действие в нём слишком растянуто и не выходит на собственно “военный” сюжетный пласт, в результате чего тихая деревенская жизнь подростков в оккупации почти не изменяется качественно. Сразу становится ясно, что по привычной тропе “маратказеев” персонажи не пойдут — автору важнее показать будни войны, чем собственно перестрелки и взрывы».

представить, что моя мама пятилетним ребёнком бежала по улице, которая с двух сторон была увешана вовсе не киношными труппами. Что недалеко от изумительно красивого берега озера за нынешней больницей, куда все наши горожане любили ходить купаться и отдыхать в годы моего детства и юности, было место мучительной казни евреев, которых фашисты закапывали живьём, а потом проезжали по ним танками и кровь выступала на жёлтом мягком песке. Что там, где сейчас стоит наша церковь, была виселица, а полицаи заставляли людей смотреть на казнь. И надо было смотреть и молчать, иначе в петлю попадёшь сам, так рассказывала моя бабушка. А дома её ждали две маленькие дочки...

Это страшно... Но надо было жить. Вставать утром, готовить пищу, стирать бельё, сажать грядки и сеять хлеб... не имея ни малейшей уверенности в том, что эту капусту, сваренную в печи, будешь есть ты, а не фриц, что наденешь это чистое бельё, что соберёшь этот хлеб, что вечером ляжешь спать, а утром обязательно проснёшься, и тебя не сожгут вместе с твоим домом ...

Геннадью Пациенко с большим мастерством удалось передать ощущение военного, каждодневного, напряжённого БЫТИЯ. Жизнь деревни, ребячьи игры, природа, даже куры и единственный на всё село конь Витязь — всё в тревожном ожидании. В каждом движении, слове, дуновении ветра что-то смутно угадывается и пугает своей таинственностью.

Образ огромного вяза, который служил наблюдательным пунктом для пытливого и ловкого Егора, выписан автором ярко, подробно, так, что отчётливо «видишь» каждый сучок, каждый листок могучего дерева, сохранившегося и до наших дней, как сохранился, пройдя через страдания, наш мужественный народ с его крепкой верой и любовью к родной земле.

Озеро с камышами и лозами по берегам, кишашщее рыбой, которую некому, да и страшно ловить, потому

что могут налететь немецкие самолёты, а куда спрячешься на воде? Это озеро в бурю, когда «надвор'е рэзка змянілася, пахмурнела, азвярэла зашамацелі яблыні, паляцела лістота, а ўздоўж раўчука закруціліся кусты маладой ляшчыны. Вяз пад вокнамі глуха пачаў абурацца, нібы сярдуючы на патрывожаны свой супакой. Пад страху паспешліва пабеглі куры за пеўнем следам. А над далёкімі, намі не выхаджанымі ў гэтае лета лясамі з уладнай рашучасцю загрымеў гром. Неба рэзка пацямнела, абяцаючы лівень»¹, зарыбіло, задрожало, и ветер погнал по нему от берега «лодку-даўбёнку» с тремя растерянными девочками в ней. Как похож этот образ на тревожную и опасную, а вовсе не «ціхую» жизнь в оккупации!

Заброшенные постройки на другом берегу озера, в которых прятались неизвестные люди, отдалённые звуки взрывов на железной дороге, загадочный Снегириновый лес, который предстаёт непроходимой чащей, надёжно защищающей партизан... Какие они, эти партизаны?

Вместе с Егором читатель догадывается, что отец мальчика неслучайно так часто пропадает в Снегириновом лесу, что немой пастух — не пастух вовсе, а партизанский связист с радиопередатчиком и пистолетом в кармане фуфайки, что переводчик у немцев — подпольщик, спасший не одну жизнь земляков...

Через образные намёки, ненавязчивые мазки писатель-художник незаметно рисует войну «взрослую». Поэтому и главному герою, и мне, читателю, становится

¹ «погода резко менялась, смурнело, остервенело заколошматились яблони, полетела листва, а вдоль ручья замotalись кусты молодого орешника. Вяз под окнами глухо зароптал, словно сердясь за растревоженный свой покой. Под крышу торопливо побежали куры за петухом следом. А над дальними, нами не исхоженными в это лето лесами, с властной решительностью загремел гром. Небо резко потемнело, суля основательный ливень»... «лодку-долблёнку».

спокойнее: они, взрослые, мужики, партизаны, не дадут в обиду детей и баб, деревню свою, это озеро, коня Витязя и городскую девочку Ингу.

В повести Геннадия Пациенко «Пока пуля летит» нет истории любви в том виде, в котором мы привыкли встречать её в последние годы, когда понятие «заниматься любовью» стало привычным даже для маленьких детей. При всех тщетных попытках оградить неокрепшие души от растлевающего влияния теле- и видео-видения, сетевой информации, низкопробной литературы, уличной науки, приходится констатировать, что незаметно для нас в обществе всё же произошла подмена нравственных сокровищ, на которых воспитывалось старшее поколение, на фальшивые западные ценности, губящие души наших детей и внуков.

На этом печальном фоне очень трогательно выглядит история зарождения детской чистой дружбы с искорками настоящей любви между Ингой и Егором, который так бережно заботился и охранял свою подругу. Через многие годы, уже будучи студентом, и даже сейчас, на склоне лет, он всё время искал и ищет Ингу, которой, к счастью, удалось санитарным поездом вернуться в Москву, к родителям: «У сваіх марах я мацней за ўсё любіў наша з ёй сяброўства, святлей за якое нічога не сустрэў. І дагэтуль я пільна ўзіраюся ў твары жанчын, гляджу ў вагонах мятро і іншых месцах, шукаю аддалена падобныя рысы, спрабуючы адгадаць даўно сталую Ингу...»¹.

Наверное, автор мог бы написать вместо повести целый роман, рассказывающий об ужасах войны и о героизме защитников Родины, но он искренне при-

¹ «В своих мечтах я всего сильнее любил нашу с ней дружбу, светлее которой ничего не встретил. И до сих пор я пристально вглядываюсь в лица прохожих женщин, смотрю в вагонах метро и других местах, ищу отдаленно похожие черты, пытаюсь угадать давно взрослую и, конечно же, изменившуюся Ингу...».

знається, що «распавѣў гісторыю не да канца. Зрабіў гэта наумысна, каб далей яе дадумалі самі чытачы»¹. Геннадій Паціенко не обижає чытацеля, не пакідае яго ў адчайным неведзенні аб судбах персанажэй, а ў сваёй «взрослой ісповеды» усё-такі завершае краткае паведаванне аб кожным. І неадждана з'яўляецца чутва благодарнасці к аўтару за такое беражнае і тэплае (как к маленькай Інге) адносіны к далёкаму і прызрачнаму для яго чытацелю.

Нельзя не адзначыць і сімвалічнае, вельмі ўдачнае і прыгожае названне паведавання «Пока пуля летіць». Пока пуля летіць, апошняя пуля для кожнага чалавека, надо ўмець і успець **ЖИТЬ**. Чыста, святло, блаславадана...

¹ «паведаў історыю не да канца. Сделал это умышленно, чтобы дальше её додумали сами читатели».

ВЫБОР САНИ КОВАЛЕНКО

Посвящается Татьяне Сергеевне Коваленко

В Городок, на родную Витебщину, Саша Коваленко вернулся из Казахстана, где его родители много лет искали земного счастья. Он учился в той же школе, что и я. Первой. Был всего на год старше. Помню его класс. Ребята — как на подбор. Многие после десятого выбрали профессией военную службу. Александр Коваленко в новом коллективе на лидерство не претендовал, учился средне. Таких спокойных, как он, ребят в школе обычно мало замечают. А у мальчишки была мечта...

Этот тихий паренёк сумел подчинить свою жизнь главной цели: стать лётчиком. Летать! Физическая подготовка, учебники, книги... Подрабатывая по ночам в кочегарке, каждую свободную минуту Саша отдавал учёбе — корпел над физикой, математикой.

Он знал: перед вступительными испытаниями — серьёзная медкомиссия. Его же подростковый диагноз: опущение желудка — мог перечеркнуть все планы. Тогда Саша научился спать на досках головой вниз. А в свободную минуту упорно занимался специальными упражнениями. И получил доступ к экзаменам! Поступил в Черниговское высшее военное лётное училище. Быть ему лётчиком-истребителем!

В новогоднюю ночь наступающего 1977 года бывшие одноклассники собрались вместе. Лиля Анисимо-

ва, комсомольский вожак, встречала школьных друзей дома — нарядила ёлку, накрыла стол, сочинила шуточные поздравления. На приглашение откликнулся и Саша Коваленко, примчался киевским поездом на один денёчек. Лиля же, кроме одноклассников, позвала на вечеринку соседку — Таню Никитину. Девочка ещё училась в десятом, стесняясь «солидных» молодых людей, от приглашения отказывалась. Тогда на пороге её квартиры появился Саша...

С того новогоднего дня Александр перестал замечать других девчат. Его мысли были о Танюше. Верность любимой, одной, единственной, была для него так же естественна, как преданность лётчика небу. Ценное, ныне редкостное качество личности, к сожалению, малопонятное современным юношам и девушкам.

Приказ из военного ведомства о сокращении курсантов грянул неожиданно. Кому посчастливится остаться? А если не повезло? Руководство решило просто: поделить алфавитный список курсантов пополам...

Так Александр попал в Киевский институт инженеров гражданской авиации. Но инженер — не военный лётчик. Это совсем не лётчик!

И всё-таки Саша поднялся в небо. Пусть бортовым техником, практически не имеющим перспектив для карьеры, пусть только вертолётчиком, но — в небо!

Татьяна ждала. Невестой, пока учился. В это время я и познакомилась с ней, довелось вместе работать. Подружились... Помню, как Саша увозил красавицу-жену в Нижневартовск, куда распределили после диплома. Расписались в Городке. Скромно, без пышных нарядов и гостей. Посидели за семейным родительским столом и — на вокзал...

Ждала Татьяна вместе с сыном Женечкой, пока служил Александр в Афганистане. Пока тушил Чернобыльский реактор... Пока помогал людям.

Была у капитана Коваленко любимая присказка: «Значит, мы там нужны!». А в дорогу он обязательно запасался блокнотом для писем, тетрадкой для дневниковых заметок...

КОВАЛЕНКО АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

за время службы в Вооружённых Силах СССР награждён:

— орденом Красной Звезды — за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА (1986 г.);

— орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах» III степени — за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА (1987 г.);

— медалью «70 лет ВС СССР» (1988 г.),

— орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах» II степени — за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА (1989 г.);

— медалью «За безупречную службу в Вооружённых Силах СССР» III степени — за выслугу лет (1991 г.)

— медалью «20 лет вывода советских войск из Афганистана» (2009 г.) — посмертно.

1985 год

Афганистан. Кандагар

23 августа

Первый боевой вылет. Длился 2 часа 30 минут.

4 сентября

Взорвался духовский Ан-26 над ГСМ г. Кандагар. Там же, где наш Ан-12 в июле. Предположительно, диверсия. Заслано 360 диверсантов из Пакистана...

7 сентября

Летали на разведку. Обнаружили «Симурку»¹, но, увы, старая. Потом обнаружили ещё три, но топливо было на исходе, ушли на базу...

Из письма от 9 августа

Здравствуйте, мои любименькие, дорогие мои Танюшечка и Женечка!!!

С афганским приветом к вам ваш Саник. Вот и добрался я до места своей новой службы. Пошёл уже второй день моего пребывания в Кандагаре... Улетел из Кабула вчера, набрали высоту 4 км, а такую высоту набирают потому, что сбивают ракетами. По весне сбили Ил-76 с книгами и продуктами. А 11 июля сбили Ан-12...

Попал я в третью вертолётную эскадрилью... Встретил здесь Ромку Сибатова. Он рассказал мне о Кандагаре. Место неплохое, лучше, чем в Джелалабаде.

С 12-00 до 16 часов у нас «тихий» час, т. к. стоит жара сильная, может доходить чуть ли не до +70 градусов на солнце. Сейчас +42—45. влажность 0,1 %, поэтому переносится нормально. Дождей летом здесь не бывает, только зимой.

Летать придётся много. Сегодня получу автомат, пистолет и бронежилет. Живу в двенадцатой комнате. Нас здесь семь человек. Стоят два кондиционера.

Борттехник, которого я заменяю, погиб 27 апреля. Погибло пять человек: два лётчика, два борттехника и начальник ТЭЧ² звена.

А сегодня утром провожали в последний путь лётчика с истребителя. Вчера погиб. Выстроился весь полк, вынесли знамя. Траурный митинг. Отдали последние

¹ Грузовичок Toyota VJ с установленным в кузове пулеметом, безоткатным орудием или минометом.

² Техничко-эксплуатационная часть.

почести, загрузили в вертолёт, прошлись парой над аэродромом, покачали крыльями и — в Кабул. А отсюда — на Родину.

Полёты проводятся только парами. Если идут Ми-6, то их обязательно сопровождает пара Ми-8.

Сегодня впервые увидел афганцев, духов, как их тут называют. Похожи они на наших азербайджанцев, только чернее немного. Ходят в каких-то балахонах.

Завтра получу вертолёт и — вперёд! Выходных здесь нет.

Говорят, есть хорошая баня, бассейн, но я пока не видел.

Люблю, целую, обнимаю крепко-крепко моих ненаглядных Танюшечку и Женечку!!!

Привет родным и близким! Ваш Саник.

17 сентября

Не летал. Катастрофа Ми-6, погибло 9 человек. На высоте 3600 м произошло возгорание двигателя, а на высоте 600 м взорвался. Вертолёт из Кундуза перевозил советников. Штурман в тяжёлом состоянии.

19 сентября

Задачи те же. После случая с Ми-6 снова возобновили сопровождение. Сходили в 1-й батальон, отвезли продукты, оттуда забрали больного.

30 сентября

В район Кандагара пришла банда из Пакистана. Имеют 2 пусковые установки и 70 ракет «земля—воздух». Произвели они пуск по вертолёту демократов севернее Кандагара. Пуск неудачный.

1 октября

Шесть банд подошли к городку ООН. Арганбад захвачен.

8 октября

ПСО¹ и аэрофотосъёмка в районе Лошкарёвки² и Калета. После обеда поступил приказ высадить тактический десант в 130 км от Лошкарёвки. Пошло восемь Ми-8 и четыре Ми-24 прикрытием. На 36-м борту было восемь человек. Высадили и вернулись в Кандагар. (Налёт 6 часов 20 минут.)

Обнаружена банда 500 человек.

Почтовика нет три дня...

10 октября

В Кабуле взорвался 52-й борт. Лётчики выпрыгнули. Борттехника Денисова ищут.

9 октября шесть вертушек ушли на операцию в Баграм, Кабул и вот уже одна потеряна...

11 октября

Денисов сгорел в вертолёте. Они высадили десант демократов, а когда взлетели, произошёл взрыв левого двигателя. Пуска ракет никто не видел.

Предполагают диверсию. Работает комиссия. В эскадрилье трёхдневный траур.

Снова нет почтовика...

12 октября

Сегодня первый раз видел тучи и дождь, который шёл три минуты.

Вернулись те, кто участвовал в операции.

А насчёт 52-го борта. Он заходил на посадку в Баграме, когда прогремел взрыв. Лейтенант Рябоконт выпрыгнул сразу. Вертолёт стало клонить на правую сторону, и через несколько секунд он опустил нос и начал падать. Кабина наполнилась дымом.

Командир Силантьев хотел выровнять машину, но

¹ Поисково-спасательное обеспечение.

² Русская озвучка названия города Лашкаргах.

тяги были перебиты. Он выпрыгнул. У него обгорело лицо, голова, руки.

Борттехник Денисов, по всей вероятности, потерял сознание и сгорел.

Вертолёт упал в районе крепости, в 5 км от аэродрома, рядом с «зелёнкой». Пробриться туда наши не смогли. Сначала там поработали истребители, потом 24-ки, и только на следующий день, когда подошла броня, приблизились к останкам вертолёта. Нашли обгоревшего Денисова.

Командира отправили на лечение в Ташкент. А лейтенант жив-здоров. Правда, когда их забирали, духи обстреливали из автоматов и пулемётов.

А сегодня пришло сообщение, что в Кабуле сбит Ми-6. Или наш, или кундузский. Пять человек выпрыгнули, шестого ищут.

Пришёл почтовик в 16-00.

13 октября

Собрали по 10 чеков Денисову...

Насчёт Ми-6. Сбит кандагарский. Ракетой какой-то новой. Один человек сгорел в машине, пять выпрыгнули, но трое погибли в воздухе. Тех, кто выпрыгнул на правую сторону, порубило винтом, потому что вертолёт завалился именно направо. Третьего застрелили с земли. Остались командир и штурман. Они были только с пистолетами, а автоматы сгорели в вертолёте.

Снова нет писем...

Из письма от 16 октября

...Обычно с утра до вечера на аэродроме, тогда и время идёт быстрее...

Танюшка, если будет идти фильм «Жаркое небо Кабула», сходи. Его снимали в 1981 году. У нас в комнате живёт Гула Шурик, так он летал на съёмках, и ещё Василий Хозяинов. Это когда они первый раз были в Аф-

гане, в 1981 году. Правда, там очень многое не попало в фильм. Но идея ясна...

По утрам и вечерам уже холодно. Сегодня утром +4. Но днём, когда всходит солнце, становится тепло, даже можно загорать.

Танюша, милая, насчёт того, что на фотографии я грустный, так здесь весёлого мало. Одиннадцатого и тринадцатого числа были трауры по погибшим ребятам...

Поставки оружия духам идут всё больше и больше и новых образцов.

Танюшка, милая, всё будет хорошо! Я верю в это. Одеваю на себя всё, что положено, потому что, когда вертолёт горит, то исход решают секунды и промедление стоит очень и очень дорого. А в этой эскадрилье за время с 26 августа и по настоящее погибло десять человек...

Да, ещё забыл написать о природе. На юг от Кандагара — пустыня, на север — горы. Безжизненная местность, но где есть вода, там деревья и трава. Из ползучих гадов — змеи, в горах. В городке, который расположен в пяти километрах от аэродрома, их нет. Здесь рано темнеет, в 19 часов уже темно, в четыре утра — светло...

Танюшка, милая, извини за такое страшное письмо! Я не хотел тебя пугать. Просто всё может быть, и я нахожусь не в санатории. Но думаю, что со мной ничего не случится, я же родился 13 числа. Всё будет хорошо!

Целую. Крепко обнимаю. Пиши. Жду. Скучаю. Люблю!

18 октября

Увы. День начался печально. Снова сбили Ми-6 кандагарский в 50 км от Кабула. Погибли три пассажира, остальные выпрыгнули.

Два Су-17 ушли на 70 км в Пакистан.

19 октября

Сходили на воздушную разведку, потом получили приказ уйти в район Кандагарского элеватора за тяжело раненными. Забрали двух солдат, один из них умер, второй жив. Страшно было смотреть!

Они сопровождали колонну и подорвались на радиоправляемом фугасе...

Заправились и ушли в Гаджой, оттуда привезли двух больных. После обеда полёты по кругу. И ночью с Шуриком Грачёвым по кругу мотались.

Налёт 5 часов 40 минут. На днях должна быть замена...

27 октября

Сегодня обещают прилететь ребята, что участвовали в операции в Шинданте. Один экипаж Ми-8 там погиб. Вертолёт разломался в воздухе.

Ну, а у меня день начался с того, что сходили в Гаджой, до Калата. Пролетели над духами. Они спрыгнули с ослов, сели на землю и грозили нам вслед. В Гаджой мы отвезли молодое пополнение, а оттуда забрали десять «желтушников»¹.

Сели в Калате. Советники угостили нас гранатами. Пришли в Кандагар, заправились, потом на ПСО и фотографирование в Киджаки. Возвратились назад и пошли в Лошкарёвку за тяжёлыми. Шли на пределе.

Застрелил дикого верблюда и одну птицу.

Пришли в Кандагар. Всё в норме...

30 октября

Прилетела замена. Первый Ан-12 сел в 12-49, а второй — в 15-03. Ребята дождались. А сейчас «гудеть» будут. Из Пакистана засланы диверсанты-европейцы. Одеты в нашу форму.

¹ Больных гепатитом.

1 ноября

Из Пакистана подошла банда в количестве 200 человек. Имеют шесть ПЗРК¹, тяжёлые орудия. Сейчас в Лошкарёвку летать придётся только по пустыне.

2 ноября

Два полёта на ПСО и за больными в первое хозяйство.

В Джелалабаде потерпел катастрофу Ми-8. Заходил на посадку на высоте 2500 м на гору. Промазал один раз, зашёл второй и опять промазал. В третий раз начал заходить и упал. Катился метров 150 с горы... Вёз боеприпасы. Взрыв. Командир погиб. Молодой был, старший лейтенант. Погибли и сопровождающие груз. Штурман и борттехник в тяжёлом состоянии в госпитале.

В район Кандагара подошла банда, которая применяет сильнодействующий яд белого цвета. Ставят рядом с фугасом, после взрыва появляется аэрозольное облако.

В бригаде задержали диверсанта.

В Баграме похищен один лётчик. В Кабуле сорвана попытка похищения ещё одного.

Скоро праздник. Почтовика нет.

4 ноября

В Гаджой забрали раненых, которые подорвались на mine на БТР. Одному солдату оторвало ногу. Офицер умер, пока везли. Ещё у двоих ранения средней тяжести.

7 ноября

Праздник. Но, увы, заколебали построениями. Всё спокойно.

¹ Переносный зенитно-ракетный комплекс.

8 ноября

Вчера в Джелалабаде снова сбили вертолёт. Две ракеты попало в ведомого. Ведущий успел отвернуть. Лётчик и борттехник живы. Штурман погиб, его парашют раскрылся в момент касания земли.

На 10 ноября намечается операция в Кандагаре. Значит, завтра сделают мой 36-й борт...

11 ноября

Сегодня улетели наши ребята. Взлёт в 12-27. Тоскливо, но что сделаешь? Переселился в восьмую комнату...

12 ноября

В 14-15 катапультировался из МиГ-21 наш советник, генерал-майор Власов. Шли парой с афганским командиром полка, отработали по цели. Власов успел передать: «Остановился двигатель. Катапультируюсь!».

Афганское ПСО опоздало на 20 минут. Сейчас ищут и не могут найти генерала. Приказ командующего — найти живым или мёртвым! Но увы!

Там же загорелся афганский Ми-8, его обстреляли после высадки десанта, при взлёте, из ДШК¹. На высоте 200 метров он загорелся.

Борттехник, раненный в лицо осколками разбитого лобового блистера, покинул вертолёт по приказу командира. Лётчик сумел посадить машину. Его и штурмана подобрала «восьмёрка», а борттехник остался. По докладу Ми-24, он лежит в подвесной системе, парашют раскрыт.

Духи всё время вели интенсивный огонь.

Наши заслали спецназ. Это в районе Киджеков.

Наступила ночь.

¹ Крупнокалиберный пулемёт.

13 ноября

Операция продолжается. Генерала не нашли. Прилетел командующий.

Борттехника забрала 24-ка. Он ранен в плечо, а лицо посечено осколками стекла. Один глаз не видит. Но главное — живой! А его уже похоронили в эскадрилье. Вот такие дела.

Со спецназом тоже всё в норме.

После обеда в районе Кандагара духи сбили из гранатомёта афганский Ми-8. Летел над «зелёной» на малой высоте. Загорелся и взорвался. Все погибли.

Завтра высадка. Вечером работала артиллерия в районе Кандагара.

14 ноября

Оказывается, в афганском вертолёте был и наш советник, подполковник. Жалко! Хороший мужик был. И через пару месяцев должен был замениться.

Прилетели Су-25 из Баграма и Су-17 из Шинданта. Работают очень хорошо!

16 ноября

Нашли генерала возле афганского вертолёта. Застрелился. Две раны. Одна в паху, вторая в левом виске...

20 ноября

Запомним этот день.

С утра сходили в Гаджой, отвезли продукты и восемь человек. Взяли оттуда 10 человек и направились в Кандагар. Там заправились, взяли шесть десантников и пошли на высадку.

Ушли все вертолёты. В том районе вчера работали ДШК. Был произведён пуск ракеты, но всё обошлось.

Начали заходить на площадку на склоне горы, градусов 30—40 уклон влево. Выше сел восемнадцатый

борт. Коснулись правым колесом площадки, и вертолёт накрыло пылью, начало тянуть влево. Хотели уйти — завращало. Сделали оборота три-четыре.

Я сидел за пулемётом, думал: «Вот и всё!».

Командир майор Волков положил вертолёт на бок, и мы пошли кувыркаться. Раза три перевернулись, лопасти отлетели, шасси тоже, концевая балка — в сторону.

Выбрались из вертолёта — все целы! Командир ушиб голову, штурман рассек бровь, я поцарапал немного спину. Десантники все живы.

Родились заново!

Ещё бы немного влево — и всё. Всего метра 2-3.

Подсел вертолёт выше и забрал нас.

Второй день рождения!

Из письма жены

...Береги себя, слышишь? Не вздумай искать какие-либо подарки, летать за этой ерундой! Я тебя очень об этом прошу. Нам нужен только ты!!!

Саник, милый, какая страшная и одновременно радостная новость о двадцатом ноября. Радость сквозь слёзы. Прочла и плакала, и порадовалась за тебя! Дай Бог, чтоб тебе сопутствовала удача всегда и во всём! Не знаю подробностей, но мне очень страшно за тебя, милый мой Саник! Будь осторожен!

Я здесь Бога прошу, только бы ты продержался там!

Поздравляю с наградой! Но, поверь, меня не это радует, а то, что ты живой!

Саник, родной мой, когда же я увижу тебя? Как тяжело ждать...

Но я мужественно это делаю. Мне не привыкать...

21 ноября

Сходили к доктору. Отдых 10 дней...

22 ноября

Снова на высадке потеря. Упал 46-й борт. Все живы. Идёт операция.

23 ноября

Снова потери. Сбит 59-й борт, сняли его из ДШК. Все живы.

Упал 62-й борт, возможно, перебили троса. Все живы.

24 ноября

Упал вертолёт 47-й с командиром полка. Случилось самое страшное — все погибли!

Подошли к площадке, высадили десант, поднялись в воздух, начали руководить посадкой других вертолётов и попали под огонь ДШК. Загорелись, начало крутить, отлетели лопасти, и... камнем вниз!

Кричали по радио, чтобы прыгали, но было уже поздно. Взрыв... и всё.

Командир полка подполковник Филютин, 1946 года рождения, штурман Яковлев, 1962 года, борттехник Коновалов, 1948 года рождения, — погибли.

А вчера, когда садились за сбитыми, обстреляли кундузский вертолёт. Борттехник ранен в правое плечо и лёгкое. Жить будет.

Был пуск ракеты по самолёту Куприянова. Ушёл.

25 ноября

Операция продолжается. Привезли погибших вчера.

Вечером было партсобрание. Выступил заместитель командующего. Умный мужик.

Сейчас на территории ДРА 1980 банд численностью 48 000 человек.

В последнее время пришли 60 банд из Пакистана. Много ПЗРК.

Когда искали генерала Власова, был сбит ещё один

афганский Ми-8 с нашими советниками. Все попали в руки душманов. Их порубили на куски! Страшная смерть...

26 ноября

В 15-30 проводили в последний путь полковника Филитина (получил полковника за 3 дня до гибели), лейтенанта Яковлева и старшего прапорщика Коновалова.

Операция продолжается.

Не было почтовика уже три дня.

28 ноября

Сегодня вывозили оружие и трофеи с горы, где находился Исламский комитет. Хорошо жили. Имелась своя база отдыха, цветы, фрукты и три французенки.

Убито 130 и взято в плен четыре мятежника.

Траур продолжается.

29 ноября

Вчера ожидался обстрел аэродрома и модулей. Была перехвачена радиограмма.

Ночь прошла спокойно.

Исламский комитет — большая потеря, поэтому ждём ответных действий.

30 ноября

Ночь прошла ужасно. ДСП и усиление открыли ночью стрельбу. Всё небо над стоянками в трассах. Под утро успокоились. Остаток наряда прошёл нормально.

2 декабря

Операция продолжается. Долбит артиллерия, авиация. Всё нормально.

3 декабря

Отсыпался. Не летал — нет машины.

Из Пакистана завезли отравленную водку. Русская водка. Только на наших этикетках с обратной стороны стоит число и партия разлива, а на этих с обратной стороны — чисто.

Завтра замена 24-ок, улетают в Союз.

Получил письмо.

5 декабря

Операция продолжается. Окружили Кандагар. Ночью, где-то в четвёртом часу, начался обстрел городка. Одна мина упала на стадионе, одна в районе бань, одна в автопарке. Жертв нет. До утра спать не ложились.

Поднялись вертолёты Ми-24. Отработал «Град».

Я был дежурным по модулю.

6 декабря

При подходе к месту высадки был обстрелян из ДШК и взорвался в воздухе Ми-8 с четырнадцатью десантниками. Все погибли. Капитан Шамсеев — командир, штурман — лейтенант Мельников, борттехник — старший лейтенант Перминов.

Это в районе Лошкарёвки. Жаль ребят.

Прошёл сильный дождь...

8 декабря

Летал. Забирали спецназ. Всё нормально.

9 декабря

Летали на досмотр каравана. Мирный караван. Десять верблюдов.

Из письма жены

Добрый вечер, дорогой наш Сашенька!

Решили написать тебе, чтобы ты меньше скучал. Может, наши письма помогут тебе хоть немного на чужой земле...

Вот и сейчас думаю о тебе. Как ты там? Как служба идёт? По телевизору смотрели, что скоро закроется перевал. Духи этим пользуются, уничтожают наши караваны. Быстрее бы всё закончилось!

Саша, миленький, как ты там? Хоть бы одним глазком увидеть тебя!

Я радуюсь, что уже декабрь. Что скоро наша встреча! Милый мой! Береги себя! Всё будет хорошо!!! ... Ты слышишь меня, любименький? Ты для нас — всё! Ты должен об этом помнить! Тебя нам очень не хватает!

Пиши подробнее о себе. Сдружился ли ты там с ребятами? Будет ли у вас возможность хоть «Огонёк» новогодний посмотреть? Конечно, не весёлый у вас там Новый год...

Сын подрастает. Балуется. Говорю ему, что будешь так себя вести, Карлсон ёлку не принесёт тебе... Ждёт папу!!!

...Всё, мой любименький! До свидания! Целуем тебя! Крепко обнимаем! Ждём! Любим!

Всегда твои Таня и Женя.

10 декабря

Планируется переворот в Кабуле 11—15 декабря. Совершена провокация.

15 декабря

Показывали по телевидению 13 декабря в программе «Время» Ислам-гору, где проходила операция.

19 декабря

В Гаджой сбили восьмёрку. Все живы.

У духов созданы группы по 12 человек для борьбы со спецназом и вертолётами. Тактика простая. Ставят машины старые на дороге, устанавливают ДШК, пристреливают это место. Когда появляются вертолёты,

пускают машину, которая выводит наши «вертушки» под огонь.

21 декабря

В Газни Ми-24 на малой высоте столкнулся с землёй. Лётчик без сознания, оператор и борттехник погибли.

Мне оформили все документы на профилакторий. Осталось улететь домой. Завтра попробуем с Игорем Зеленьюком попасть в Кабул...

Далее следует запись, оставленная женой, Татьяной Коваленко:

Саша прилетал в Городок. Ему оформили документы на профилакторий. Новый год встречали вместе!

1986 год

Афганистан

8 января

Вот и снова я на земле Афганистана! Вернее, в Кабуле. На Кандагар самолётов нет на сегодня. Будем с Игорем устраиваться на ночлег в казарме.

Хорошо, что есть знакомые. Завтра попытаемся улететь.

9 января

В 8-10 на самолёте Ан-26 вместе с работниками КГБ улетели по маршруту Кабул — Джелалабад — Кандагар. В Джелалабаде сидели минут 40, успел сходить к ребятам. Встретил Лаптинского, Досяка, Альберта Мирина, Агапова и ребят из «двадцатьчетвёрок».

Хорошее здесь место, красивое!

Потом взлёт и курс на Кандагар. В 11-00 были на месте. Доложили и — отдыхать!

12 января

Всё покойно. С утра на аэродроме рыли окопы. Земля как камень! Потом приехали сапёры, начали рвать толовыми шашками. Дело пошло лучше, но всё равно не успели закончить.

13 января

Вечером заступил в наряд по модулю вместо Щукина Олега, потому что ему завтра в Шиндонт.

В Газни идёт операция.

Во время высадки десанта прострелили двигатель на Ми-8. Когда начали взлетать на одном двигателе, их сбили из пушки. Экипаж покинул машину. Ранило борттехника, перебило ноги штурману, командир цел.

На высадке десанта работало восемь вертолётчиков, без пробоин пришло только три. На одной машине 22 пробоины. А ведь накануне этот район хорошо отработала наша артиллерия в течение четырёх часов.

Снова ожидается обстрел.

14 января

Наряд прошёл нормально. Чисто символически встретили старый Новый год.

Вечером начался обстрел аэродрома реактивными снарядами, но не точно!

16 января

С утра на аэродроме собирали бумажки.

Прилетел новый командир полка, полковник Извалов. Говорят, что нормальный мужик. Поживём, увидим...

Крицкий представлен к ордену «Красной Звезды».

Погода стоит тёплая: +15 градусов. Зима.

18 января

Дней пять уже как хромаю — загнал занозу в па-

лец на ноге, сделался нарыв и не заживает. Хожу в тапочках. Но ничего, «всё пройдёт, как с белых яблонь дым...».

Ночь прошла спокойно, без происшествий.

19 ноября

Снова потеря. В воздухе взорвался вертолёт. Погибли хорошие ребята!

Капитан Сергин второй раз в Афгане, награждён орденом «Красной Звезды».

Ст. лейтенант Кузнецов уже третий раз здесь, ст. лейтенант Даудашвили впервые на этой земле... Последние слова их были: «Посечены осколками... Прощайте, ребята!».

Из-за чего произошёл взрыв, пока неизвестно. Особист говорил, что в Лошкарёвке поймали трёх диверсантов.

20 января

Прибыл командующий. С утра строевой смотр. Идёт небольшой дождь с пылью. Вода высыхает, а пыль остаётся. Скоро приедут отпускники.

Сегодня не было почтовика.

21 января

На днях банда вырезала афганскую погранзаставу. У них много дезертиров.

Сегодня вечером выпал снег, сильный ветер. Почтовика нет.

22 января

С утра морозец, снег лежит. Заступил сегодня на дежурство по модулю эскадрильи.

В район Кандагара засланы два разведчика француза, чтобы выкрасть офицера для обмена на пленных. Ожидается обстрел.

Получил письмо от любимой Танюшки.

23 января

Погода стоит холодная, ветер. Сегодня отправили ребят на Родину.

Вернулись из отпуска Виштак, Галашин, Мальшев. Сдал дежурство. Всё нормально.

25 января

Заступаю в наряд по модулю. Погода стоит ветреная.

В окрестностях Кандагара сосредоточено 13 тысяч духов. Шестнадцатого января они начали восстановительные работы на Ислам-горе.

Восемнадцать духов подорвались на наших минах.

Вечером выступил прокурор, сказал, что отправляют в Союз из батальона двух женщин, которые торговали водкой.

26 января

Приехали ребята из отпуска. На Небожинского пришёл приказ назначить командиром звена.

Привезли телевизор переносной, хоть веселее будет. Дежурство сдал.

Нет почтовика третий день.

28 января

Пришли ордена. Небожинскому — Красного Знамени, Галашину — «Красная Звезда».

29 января

Получил письмо от Танюшки.

1 февраля

Снова потеря. Потерпел катастрофу Ми-24. Оператор выпрыгнул и остался жив, а командира и борттехника порубило винтом...

Сегодня свадьба в госпитале! Он — спецназовец.
Она — медсестра.
Жизнь идёт!

8 февраля

Встретил Шустова Шурика! Учились вместе в Чернигове. Он пришёл с новой эскадрильей.

Пришёл приказ убрать с Ми-24 бортовых техников. Вот такие дела.

9 февраля

Сходили с утра в Лошкарёвку и назад. Потом на высадку десанта. Попали под обстрел. На Ми-24 ранили оператора в руку, потерял много крови. Главное — живой!

11 февраля

С утра — прыжки, бросали парашютистов. Получил письмо от Танюшки. Всё спокойно.

12 февраля

Выполняли ПСО, работали Су-25, хорошо работали, хоть и под сильным огнём восьми ДШК. Уничтожили всех. Вечером снова ПСО. Ночью хорошо видно работу ДШК — как электросварка...

14 февраля

Началась операция. Участвуют Ми-8МТ. Высадили десант в укрепрайон. Работают Су-25, а со стороны духов две ЗГУ¹. Много оружия, трупов.

Прилетел командующий авиацией генерал-майор Новицкий.

15 февраля

ПСО в районе высадки групп. Слетали 2 раза по 2 часа и сходили за ранеными.

¹ Зенитная горно-вьючная пулеметная установка.

Операция закончилась. Один раненый, и прострелен вертолёт.

Трофеи: 200 штук мин, ДШК, гранатомёты, безоткатка и боеприпасы.

19 февраля

Должны были выполнить ПСО и сходить в Гаджой, но не было погоды. Низкая облачность. Дождь. Всё тихо.

23 февраля

Отдыхаю. Праздник. Нет писем.

25 февраля

Приказ забрать группу, есть один раненый. Подошли хорошо, высота безопасная. Начали снижаться, и тут ударили ДШК. Мы ушли наверх. Начали работать «двадцатьчетвёрки» прикрытия. Снова пошли за группой, удалось забрать.

Затем там хорошо отработали Су-25.

26 февраля

Обменяли сына главаря банды на нашего солдата, который полтора года воевал против нас в банде. Сволочь! Приговорили к вышке.

Готовимся к операции, начинается на днях. Обстреляли наш аэродром.

28 февраля

Операция началась. С трёх утра работали Су-25 и МиГ-23. Сильный укрепрайон. С воздуха, ночью, он похож на большой город. Всё в огнях. Очень много трасс тянется с земли. Работают ДШК и ЗГУ.

Мы высадили десант на четвёртую площадку и ушли. А на второй горел вертолёт, ещё один сидел в русле реки.

В 16-00 пошли забирать группы. Забрали. Но первая и вторая площадка оказались заминированы, и три солдата подорвались. 68-й борт был сбит из гранатомёта. Его уничтожил спецназ. Вертолёт упал, но все были живы, а когда стали выскакивать из машины, то попали под обстрел. Командир Гаврилов ранен в ногу. Борттехник с солдатом решили подавить ДШК, но их убили. Другой солдат закрыл собой командира и погиб...

Всего трое убитых и восемь раненых.

Трофеи получились самые крупные за все 6 лет Афгана. Очень много оружия!

Девять человек представили к званию Героя, одного — посмертно...

Операция закончилась.

2 марта

Возили в Лашкаргах начальника штаба 40-й армии генерал-лейтенанта Грекова. Туда и обратно на пределе.

За операцию меня опять представили к ордену, но недавно уже ушли документы на награду, так что...

11 марта

За 10 дней марта по всему Афгану произведено 55 пусков ракет. Хорошо, что всё мимо. В Кундузе по Ми-24 пустили сразу четыре ракеты. Мимо.

Сегодня летал на воздушную разведку вместо Василя: у него не запускался двигатель.

Нет почтовика. Погода пасмурная. Дождь.

13 марта

День отдыха. Завтра операция, но без высадки.

Возле Кандагара бродят две банды, одна 150 человек, другая 350.

А 20 марта у духов состоится выпуск зенитной школы, прошли обучение стрельбы из ПЗРК «Стрела-2». Тоскливо...

14 марта

Сходили на восток на разведку. Ничего. Только свежие следы от машин.

Операция началась. Работают «Стрижи»¹, «Грифы»² и «Шмели». «Пчёлы»³ отдыхают, только ПСО.

Сел на вынужденную посадку капитан Смирнов. Оставили ему прикрытие и ушли за группой. Пришли в Кандагар, взяли охрану и спецов, и снова туда. Высадили, ушли на базу. Снова вылет туда же, отвезли НР-3⁴...

16 марта

Во всём Афгане 30 000 городов и кишлаков. И только пять контролируются народной властью...

17 марта

Идёт дождь. Облачность 10 баллов.

Сегодня праздник — пять лет нашей с Танюшкой совместной жизни!

19 марта

Утром сходили за группой из 40 человек. Они сидели в засаде, надеясь захватить «Симурки». Но их не было.

В Гаджое сбили Ми-8 на высадке спецназа. Группу обстреляли. Вертолёт сел, чтобы забрать убитого, а тут его из гранатомёта! Экипаж покинул машину, она сгорела. Ребят ранило, но все живы.

Группа осталась там, отбивается от духов.

20 марта

Экипаж вертолёта и спецназ эвакуированы. Подо-

¹ Истребитель МиГ-23.

² Истребитель Су-17.

³ «Шмели» и «Пчёлы» — вертолёты.

⁴ Насос-регулятор подачи топлива НР-3ВМС.

рвался БТР. Сходили за ранеными. По Су-25 сегодня духи выпустили 4 ракеты. Мимо!

23 марта

Воздушная разведка. Вечером пошёл в баню. Сходил к Извалову, поговорили. Нормальный мужик.

24 марта

Вчера душманы сбили афганский Ми-8 и запустили ракету по Ан-26, ракета взорвалась, не долетев.

В Хосте произведено 14 пусков по Су-25. Хорошо, что мимо! В Джелалабаде много пусков. Тоже мимо.

С каждым днём всё хуже и хуже. Скоро замена.

25 марта

Сегодня отдыхал. День прошёл нормально, постирался, сходил в баню.

За вчерашний день в районе Джелалабада 24 пуска ракет. Мимо. Вертолёты шли на высоте 4000—4500 метров, а афганский на высоте 3000 м — его сбили.

Нет почтовика...

26 марта

Сегодня чуть сели — началась сильная тряска. Оказалось, что загнулись лепестки на лопастях. Оборвал их.

Прилетел почтовик. Получил письмо.

27 марта

Забирали группу спецназа. Духи долбили из гранатомётов по вертолётам. Гранаты падали метрах в 10—15-ти, но всё обошлось.

30 марта

Отдыхал. Получил четыре письма. Получать хорошо!

1 апреля

Сделали вылет в район четвёртого хозяйства за «языком». Сначала вьючных приняли за машину, снизились напрасно, потом обнаружили пустой трактор. А во второй вылет заметили духов: один старый, другой молодой, лет семнадцать. Забрали.

3 апреля

Погода стоит хорошая. На солнце +50 градусов. Терпимо. Загораю.

6 апреля

Стою на стоянке, нет лопастей. Загораю.

К Кабулу подошла банда 250 человек, у них 50 ПЗРК.

В районе Хоста сбили из ПЗРК самолёт Су-17, попали в правую лопасть. Через три секунды машину стало вращать. Лётчик катапультироваться не смог. Самолёт с углом пикирования 70—80 градусов и креном врезался в склон горы и взорвался. Лётчик погиб...

9 апреля

...В районе Джелалабада духи планируют создать государство и попросить помощи у Запада. Если это произойдёт, то тоскливо будет...

Возле Баграма сбит командир полка Су-25 подполковник Руцких.

Духи за ним охотились. Произвели пуск ПЗРК ракетой «Стингер»¹, она вошла во входной канал правого двигателя. Командир тянул и на одном двигателе. Но из «Эрликона»² попали в левый движок. Самолёт начал быстро терять высоту. По нему духи продолжали вести огонь из ДШК, пулемётов, гранатомётов, стрелкового

¹ Американский переносной зенитно-ракетный комплекс (ПЗРК).

² Автоматическая зенитная пушка малого калибра.

оружия. Машина была изрешечена. Самолёт перевернулся, и с высоты 400 метров вниз головой подполковник катапультировался.

Вовремя успели «восемёрки». Сейчас командир находится в госпитале в Ташкенте, у него повреждение позвоночника.

10 апреля

Подъём в четыре утра. Опробовали вертолёт. Начался обстрел аэродрома. В 400 метрах от нас взорвалась ракета. Мы начали вырубивать, упала ещё одна, потом возле автопарка. Взлетели и пошли на север. Забрали группу, досмотрели караван. Ничего не обнаружили. Испортилась погода.

11 апреля

Продолжается чистка Кандагара. Наши потери: 21 человек ранен, шесть из них — тяжело, трое убитых.

Духи создали Национальный фронт освобождения южнее Кандагара. Подошла банда с ПЗРК «Стингер». У них четыре американских инструктора.

Там, где в конце апреля — начале марта проводили операцию, сейчас собралось 1200 духов.

Сегодня не летали, нет горючего. Керосина осталось 50 тонн.

Сильная буря.

13 апреля

Вчера прилетел генерал армии Валентин Иванович Варенников. А наш Василь улетел в Союз.

По приказу Гусева на каждом борту должно быть по 10 парашютов. А нам ещё не привезли. Поэтому у нас день отдыха.

Подошла банда 2500 человек. Завтра иду на высадку и досмотр караванов.

14 апреля

В 10 утра сбили духовский Ми-8 в 70 км восточнее Кандагара. Шёл на высоте 3000 м. И с «Симурки», из ПЗРК, сбили. Так что безопасная высота ничего не даёт. Только на пределе надо идти.

Идёт подготовка к операции под кодовым названием «Смерч». Южнее Кандагара собралась группировка духов 1500 человек.

Сегодня два пакистанских истребителя нанесли ракетно-бомбовый удар по заставе погранвойск и ушли. Обстановка накаляется.

В 18-00 высадили группу.

15 апреля

Сегодня ночью в Гаджое Небожинский забирал группу спецназа. Садился в горах. Молодец! Отличный лётчик!

А ребята врукопашную дрались с духами. Один убитый, шесть ранено, три — тяжело. Всех вытащили!

Антоньча представили к награде. Молодчина!

Потом «зелёнку» обрабатывали Су-25 и 23. Результаты неважные. Духи отсиделись в хорошо укрепленных землянках, вырытых в виноградниках.

20 апреля

Узнал насчёт замены. Будет, начиная с июня и по 15 июля. Всё нормально.

22 апреля

На моём вертолёте была нарушена печать, и у Почапского сломан замок и нарушена печать. Вызвали караул.

На вылет пошли другие борта — Завалишин и Зеленюк.

В шесть утра приехали сапёры с собаками, осмотрели вертолёты. Всё нормально.

23 апреля

В Джелалабаде погибли ребята из Спасска! Весь экипаж — Альберт Мирин, Володя Польшин, Серёжа Богданов из-под Питера. Как жаль ребят!

24 апреля

Подъём в три утра. Дождь, тучи. Сходили за группой спецназа. Нас обстреляли из ЗГУ. Шли на пределе. Всё нормально.

В Хосте завершилась операция. Хорошо поработали штурмовики! 6000 тысяч убитых духов. Они объявили траур.

Захватили три английских ракеты «Булл АПП», «земля—воздух», завезли «Стингер». Обучают духов американские инструктора.

Планируется обстрел химическими снарядами. Вот такие дела!

26 апреля

Пара ПСО ушла за спецназом. У них в группе погибли два офицера, один — лейтенант Бескровный. Есть раненые.

А мы ходили за группой «Крота». Садись с Кандаковым в горах, на высоте 1200 м. Нормально. Всех забрали.

Погода стала более прохладной.

27 апреля

Лейтенанта Бескровного представили посмертно к званию Героя Советского Союза.

Комиссия из Москвы проверяет батальон. Спрашивают, почему раненые имеют ранения один в голову, другой — в ногу. Мол, убегали. Идиотизм!

Вчера духи выкрали одного солдата, который стоял на посту...

28 апреля

Ходили на восток на 80 км. Всё тихо, спокойно. Поохотились, правда, не густо. Одну козочку подстрелили.

Отвезли в Гаджой молодых солдат, а оттуда комиссию.

Вечером сходили на разведку. Пусто.

1 мая

Отдыхаем! Погода хорошая. У нас организовали спортивный праздник. А вечером — торжественный.

Ребятам вручали ордена. Получили Серёга Курбан, Ванька Виштак «За службу Родине в Вооружённых Силах» III степени...

И ещё один юбилей. Сорок лет части. В 1983 году награждена вымпелом за мужество и воинскую доблесть.

Вечером танцы. Смешно и страшно смотреть... Ребята передрались из-за подруги. Теперь у одного губа разбита, другой — в синяках.

В общем-то, всё закончилось благополучно!

2 мая

Высадили группу 30 человек. Завтра Щукин летит в Союз за вертолётами.

В Хосте нашему солдату местные дали часы, на сдачу вроде бы. А через час он остался без кисти!

Снова появилась отравленная пакистанская водка.

В район Кандагара заброшена группа с целью угона авиатехники и несколько групп для борьбы с одиночными машинами.

3 мая

Забрали группу из 10 человек, а 20 ещё остались. Нашли дорогу, по которой духи по ночам перевозят оружие.

Немного приболел — температура 37,3. Болит живот. Не дай Бог, тиф! (Тьфу, тьфу, тьфу!)

4 мая

Вечером ходили забирать 20 человек, которых второго числа высадили. Шли на пределе. Бачата¹ бросают камни в вертолёты. Хотели проучить их на обратном пути.

Начали снижаться, накрыло пылью, правое колесо попало в яму. Чуть не опрокинулись! Прокатились, как по стиральной доске.

Забрали 10 человек и пошли домой. Уже было темно.

Говорят, передали по телевидению, что Бабрака Кармаля заменили на министра обороны...

5 мая

Сходил к доктору. Несколько человек слегли с тифом. Пока не летаю.

Вчера вечером была стрельба. Это террористическая группа наскочила на минное поле. Один подорвался, остальные отстреливались.

Планируется операция с 11 по 22 мая в Кандагаре.

В Хосте участвовала Афганская армия, вертолёты были тоже их. Наши только прикрыли выходы. Наконец-то начали работать!

6 мая

Идёт операция по очистке «зелёнки» от банд. Привезли оттуда двух убитых и четырёх раненых.

«Подарок» к празднику — сегодня сгорел туалет!

Жарко.

7 мая

Ходили на разведку. Ничего. Только следы. Зато поохотились!

¹ Дети.

Первую козочку упустили. Вернее, она нас перехитрила. Легла, словно подбитая. Мы сели, боец побежал к ней, а она вскочила и удирать! Пока мы взлетели снова, коза ушла. Но одну всё же завалили...

8 мая

Летали Зелениук и Завалишин, наткнулись на «Симурку», пустую, замаскированную. Сняли колесо, приборы, магнитофон и взорвали её.

Потом вместе мы уничтожили ещё одну «Симурку». Захватили начфина духовского. Перевозили 1 млрд афганей.

ДШК чистили «зелёнку», взяли 1500 ракет класса «земля—земля», три ДШК, ЗГУ. Потери: двенадцать человек убиты, около двадцати раненых.

В 17-00 торжественное собрание. Потом танцы.

9 мая

В честь праздника играли в футбол со спецназом. Проиграли 2 : 0.

Всё спокойно.

11 мая

Сходили на восток. Обнаружили две «Симурки», замаскированные, возле кишлака. Я открыл дверь, установил пулемёт. Заходим на посадку.

И тут видим возле деревьев духов человек двадцать! Все в чёрном. Банда.

Мы отошли на километр и сели. Вызвали Су-25. Пока они шли, Ми-24 нанесли удар. Одна «Симурка» взорвалась. 24-ки сделали несколько заходов, потом пошли на досмотр спецназовцы.

Духи встретили их огнём. Снова пошли 24-ки, и затем досмотровая группа. И опять плотный огонь! Одного бойца тяжело ранило в живот и грудь, немного выше сердца.

Забрали всех и пошли домой, вызвали «санитарку». Бойца увезли, но потом нам сообщили, что он умер...

Су-25 и 24-ки снова обработали то место, где духи были. Сожгли вторую «Симурку». Мы вернулись и сели в 40–50 метрах от кишлака.

Бойцы пошли вперёд. Из-за дувалов ударили очереди. Четверо духов всё же не выдержали, побежали. Одного из них пристрелили точно, остальные, видимо, ушли.

Мы забрали группу, отработали по кишлаку НУРСами¹ и ушли.

В «Симурках» были боеприпасы, ракеты, ЗГУ и запасной ствол, автоматы.

У духов работали снайперы, стреляют разрывными и обычно целятся в самые уязвимые места: живот, сердце, голову. Готовят их в Пакистане. Только на стрельбу у них уходит шесть часов в день. На стрельбище установлены колонки, передаются записи стрельбы и гула вертолёттов, и т. п.

У снайперов охрана 5-6 человек...

12 мая

Приехали артисты Ленинградского театра. Вечером показали отрывки из спектаклей.

Из Пакистана завезли 200 «Стингеров», будут переправлять в район Гаджоя.

13 мая

Высадили группу и пошли на восток по руслу высохшей реки. Заметили мотоциклиста с пассажиром. Духи открыли огонь из автоматов.

Зеленюк ответил из пулемёта. Духи бросили мотоцикл и — ходу!

Пока мы разворачивались, один дух удрал в кишлак. Другой тоже уже уходил, но плохо накрылся маскиро-

¹ НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

вочным материалом. Его заметили и прошли из ПКТ. Получил ранения в пах и обе ноги.

Мы забрали мотоцикл и раненого. Дух оказался начфином, вёз 700 тысяч афганей и письмо от главаря банды. А когда мы уже на месте убирали вертолёт, то обнаружили под чехлом спрятанный паспорт и членский билет Исламской партии.

В госпитале духа заштопали, рана пуштыковая. А левую ногу отрезали. Артериальное давление у него было 40/0, так как потерял много крови. Но живучий!

23 мая

Забрали группу, которую высадили два дня назад, уничтожили одну «Симурку» и взяли в плен одиннадцать духов!

Банда ехала из Пакистана. Кучу пакистанских рупий добыли и мотоцикл.

25 мая

Сходили на север, осмотрели духовской район. Есть ЗГУ, ДШК, ПЗРК.

Духи хотят перекрыть воздушное сообщение в Лошкаргах, Гаджой, Фарах.

Подошла ещё банда с новым ПЗРК.

28 мая

Духи обстреляли городок ракетами «земля—земля». Одна упала между женским модулем и модулем Ми-6. Повариху тяжело ранило. Несколько ракет взорвались на территории автопарка и дизельной.

Когда мы возвращались на аэродром, то заметили трёх духов на мотоцикле. Начали заходить, а они легли и лежат. Что у них на уме? Возможно, с оружием.

Мы открыли огонь. Одного сразу убили, второго, молоденького, ранили, третий остался невредим. Забрали их на базу. Раненый умер.

Обнаружили у них фотографию, где они сидят в «Симурке» с автоматами. Ещё нашли карты и 70 тысяч афгашек.

31 мая

Вечером пошли забирать группу эскадрилей в составе трёх вертолётов Ми-8 и трёх Ми-24. Когда шли назад, заметили пещеру, из которой утром был пуск ПЗРК, правда, неудачный. 24-ки отработали по пещере управляемыми ракетами. Внутри что-то взорвалось, много огня. Может, там склад оружия был?

1 июня

С утра сходили на разведку. Обнаружили три гружёные «Симурки», «барбухайку»¹ и трактор. Они стояли под брезентом возле кишлака.

Мы вызвали Су-25 и Ми-24. Одна «Симурка» взорвалась сразу, вторая загорелась. И в это время со склонов гор ударили две ДШК, и ещё одна из кишлака.

Су-25 нанесли удар. Все машины и трактор уничтожили, а в гору попали, видимо, в склад, начались взрывы.

Мы тоже отработали свою цель в русле реки Аргандаб, в 65 километрах от аэродрома. Домой добирались на аварийном остатке топлива...

2 июня

Утром забрали группу, что высаживали вчера для охраны аварийного Ми-24. Отремонтированный вертолёт встретили в воздухе, шёл в Кандагар.

Потом целый день отсыпался. А вечером снова на высадку трёх групп на три дня.

¹ Барбухайка — специальное пассажирское или грузопассажирское транспортное средство, созданное и изготавливаемое малым предприятием на базе грузового автомобиля и имеющее кузов собственной конструкции.

Завтра идём фотографировать то, что осталось от тех «Симурок», которые уничтожили 1 июня. Кабул не верит, требует подтверждения...

3 июня

Утром пошли на фотографирование. По кишлаку вели огонь со всего бортового оружия. Сделали снимки и заметили ещё одну «Симурку» под брезентом в реке. Отработали по ней, прошли всю. На выходе из кишлака обнаружили ЗГУ или «Эрликон». Навели туда Су-25.

Вечером пошли на высадку тремя бортами. По основному варианту не получилось, потому что было много кочевников. Пришлось высаживать по запасному. Кругом горы, валуны. Сесть негде, а надо!

Первым сел Кондаков Серёга. Затем мы. Только зависли и начали выпрыгивать спецназовцы, Серёга взлетел, за ним ушли мы. А Нетёсов не мог сесть. Пыль сильная поднялась.

С «зелёнок» дважды работали ДШК, но всё нормально. Дошли до аэродрома хорошо.

4 июня

Вечером нас подняли идти за больным бойцом из той группы, что высадили вчера. Шли на пределе.

Начал Серёга спрашивать — молчит земля! Су-25 слышат, а мы — нет. Прошли по всем районам, мотались по всем ущельям и долинам. Не отвечает земля.

Топливо заканчивалось, и мы повернули домой. Не долетели до аэродрома километров тридцать, как заметили сигнальную ракету, сначала одну, потом другую. Пускали с горушки.

Мы шли на высоте пять метров. Серёга с Эльдаром и Зелёным ведущие. Назаров, Слава Мартынов и я — ведомые. И три 24-ки. Шли над дорогой. Темно.

Вдруг впереди, прямо по курсу, метрах в трёхстах,

сноп огня и шлейф потянулся. В отблеске отчётливо увидели духа, который стрелял из ПЗРК по ведущему. Спасло то, что шли на малой высоте, немного бы выше и — всё.

Мы даже не успели открыть огонь, как по нам ударили из гранатомёта.

Спасла темнота.

24-ки отработали по тому месту. Потом вызвали Су-25. А по ним стреляли четыре ДШК.

Домой дошли нормально. Правда, ноги ватные были...

Вывод: долго ходили по одному маршруту. Нас подстерегли. Хорошо, что всё хорошо закончилось!

5 июня

С утра опять пошли за больным. Боец сорвался со скалы. Но всё обошлось.

Потом забрали группу. Завтра экипаж двадцать третьего борта улетает домой. Счастливые!

В Кабуле двое наших выпили травленной водки. При вскрытии обнаружилось, что печень разложена, желудок тоже. Допились!

6 июня

В 10-36 взлетел Юрка Куприянов. Попрощался покачиванием с крыла на крыло и ушёл на Север. Сегодня будут дома...

Вечером сходили на высадку трёх групп.

Из письма жены от 6 июня

...С белорусским приветом к тебе все мы! Получили сегодня от тебя сразу два письма!

...Есть ли уже приказ о замене? Я так боюсь, что тебя вдруг задержат... Вот теперь тороплю июнь...

Представляю, какую надо иметь силу воли, чтобы встать в такое раннее время! Ты хоть днём отдыхай!

И на письма не трать много времени, лучше отдохни больше. Пиши кратенько. А то ты, наверно, тратишь много времени и не высыпaeшьcя. Нам главное получить весточку от тебя, и мы спокойны...

Мы живы-здоровы. Женька бегаёт днями на улице, загорел...

К нам привозят сейчас в район много детей и семей¹. Витебская область считается самой чистой. А там Бог знает, как будет. Страшно жить на белом свете, не знаем, что нас ждёт...

7 июня

Духи грозились применить химические снаряды. Су-25 нанесли удар по одному складу, так много духов было убито этим же, химическим оружием, которое там хранилось.

В мае авиация сработала эффективнее, чем за полгода.

Всех главарей банд срочно вызвали в Пакистан на совещание.

8 июня

Два вылета было. Разведка и досмотр.

Потеря двух 24-ок. Прикрывали колонну на маршруте Гардез—Кабул. Когда заработали две ДШК, приняли решение их уничтожить. Пошли в атаку и попали под перекрёстный огонь ДШК. Жалко ребят.

Жара. Сорок градусов.

9 июня

Сегодня чуть не расстреляли своих спецназовцев! Хорошо, что промедлили и успели разобраться. Это наши в духовской одежде были.

Потом фотографировали северную часть Кандагара и горы.

¹ Из Чернобыльской зоны.

11 июня

С 20-го числа планируется операция по всему Афгану.

18 июня

Высадили группу... духов с главарём и начфином. Одна из враждующих друг с другом группировок встала на сторону народной власти.

Вот мы их и поддерживаем.

Жара...

21 июня

Отвезли генерал-лейтенанта Грекова и других в место сосредоточения. Выполнили ПСО и домой.

22 июня

Подорвались две машины, один топливозаправщик упал в пропасть.

Духи заминировали кишлак, хорошо, что другие показали, где фугасы, так разрядили их.

Захватили несколько тысяч ящиков с патронами, большое количество ракет «земля—земля». Взяли склад с обмундированием. Командующий Греков сказал: «Сжечь!».

В горах была банда 1000 человек. Отработали «шлейфом». Мало кто спасся.

В 18-00 повезли воду на первую площадку, но так и не смогли сесть.

Жалко ребят. Плохо без воды!

Упал вертолёт Ми-24 в горах. Сесть не было возможности. Так кувыркались! Экипаж жив! В рубашках родились...

Третью площадку обстреливали из-за границы из дальнобойных орудий.

Банды ходят с американскими инструкторами.

24 июня

Забрали 45 человек спецназа и домой. Операция закончилась. Жара.

26 июня

Подняли нас после обеда. Температура 42 градуса. Сообщили, что где-то в пустыне, на расстоянии 100 километров, идёт большой караван из 90 вьючных.

Вышли в район, начали искать. Пусто. Минут через десять нашли 35—40 верблюдов с тюками. Духи залегли под попонами.

Мы высадили десант и одного духа-наводчика. А на борту осталось ещё три духа-наводчика. Страшно стало: что у них на уме? Бог их знает!

Спецназ начал шмонать караван. Оказалось много тюков с опиумом и героином. Нашли оружие, гранатомёт, автоматы. Загрузились.

Подошли два бойца и семь духов из каравана. А машина перегружена. Тюки с наркотиками под потолок и десять человек спецназа. Старший приказал духов пустить в расход. Жалко одного было — всего лет 13-14...

Когда возвращались с Шуриком Шустовым на базу, то чуть не врезались в горы. Хорошо, что вовремя заметили. Было темно, шли на высоте 350 метров. Прошли через всю «зелёнку». Сели в 21-00, остаток топлива 270 литров.

Уже на базе выяснилось, что нет одной 24-ки. Оказывается, упала, когда начали взлетать с пыльной площадки. А такого опыта у лётчика не было. Потерял ориентировку, задел бархан левым колесом, потом правой консолью, потом левой, и опрокинулись.

28 июня

Вернулись в пустыню за остальными мешками с опиумом. А вчера вывезли 2,5 млн афганей, 280 кг чистого героина и десять тонн опиума.

Ещё захватили четыре мотоцикла духов, которые приехали посмотреть, что с караваном.

Задержали двух пуштунов, говорят, что мирные. Оружия у них не было. Посадили в вертолёт и высадили за 50 км от этого места, в пустыне.

Операция по разгрому каравана закончилась.

Итого: взято где-то 80 тонн опиума, 160 кг героина, 2,5 млн афганей. Всё отправили в Союз. Это была третья часть каравана. Шёл он в Пакистан.

Сказали, всех представить к наградам. Посмотрим... Завтра отдых.

29 июня

День начался нормально. Сходили в кантин¹ — всё дорого. Решили идти в городок пешком. Идём, а Олег Щукин, который был наблюдателем за ПЗРК, кричит сверху, что упал Ми-8 № 49.

Привезли ребят. Командир — Роман Иосифович Тупица, из Могилёвской области, холостяк, второй раз в ДРА. Штурман — Косульников, борттехник — Яналов. Все в тяжёлом состоянии. Несколько пассажиров пострадали меньше экипажа. Ещё везли раненого бойца, он скончался. Через 2 часа 40 минут умер Ромка. Остальных отправили в Кабул. Надежды мало...

30 июня

В вертолёте, в комбезе, нашёл скорпиона.

Отправили Романа на Родину. Жалко Ромку. Немного не дотянул до замены, всего 15 дней...

Погода стоит жаркая, +42—44 в тени.

1 июля

Намечается в десятых числах операция. Севернее Аргандаба.

Вечером сходили к Черняку на яичницу.

¹ Торговая лавка, магазинчик.

6 июля

На востоке, у границы, американские инструктора подбирают площадки для вертолётов. Будут перевозить оружие.

8 июля

Вечером ходил в кино. Первая серия «Двенадцать стульев».

9 июля

Сегодня пять вылетов. Два — с группами на высадку. Обстреляли нас из крупного калибра. То ли «Эрликон», то ли ещё какая ерунда. Потом там наши Су-25 отработали. Всё нормально.

Садись с группой на очень пыльную площадку. Молодец Мишка Кладов!

11 июля

Не отдохнул. Заболел Завалишин, поэтому меня подняли в 3-40. Пошли на разведку на восток. Тихо.

Забрали двумя рейсами группу из 40 человек. Перед вторым рейсом Н. опрокинул сто грамм спирта. Как летает? Ни о чём не думает. Страшно!

14 июля

Слетал с Домрачёвым, контролировал Назарова. Садился на пыльную площадку и с выключенным двигателем, сначала левым, затем правым. Нормально.

Су-25 нанесли удар по машине зелёных. Убито девять человек. Один их начальник сказал, что будут на востоке всех сбивать, будь то вертолёт или самолёт. А лётчика Су-25 грозился зарезать. Вот такие дела!

16 июля

Снова летали в четвёртое хозяйство, чтобы высадить там группу. Набрали высоту 2500 м, вышли в пустыню

и на пределе пошли пересекать «зелёнку». Шли 24-ки по краям и сзади, а мы — посередине.

Проходили мимо кишлаков, когда с двух сторон ударили ДШК. Они стояли на тракторах. Пришлось маневрировать. С 24-ки открыли ответный огонь, один трактор уничтожили...

Когда на базе стали осматривать машины, оказалось, что из пяти получили пробоины три. В одну 24 пули вошли, во второй прострелен двигатель в районе выходного устройства, в третьей фюзеляж и балка повреждены.

Больше в этот день не летали — не на чем.

Обвинили во всех грехах Юрку Нетёсова. А почему, мол, не пошли на безопасной высоте? Никого не волнует, что по нам били ПЗРК и ЗГУ!

Прилетал генерал армии Варенников, уехал в Кандагар.

17 июля

Юрку отстранили на десять дней от полётов. Неполное служебное соответствие. Надо сдать зачёты.

Второй Афган тянет Юрка. Два раза горел, сбивали из ЗГУ и ДШК...

Вечером я проходил медицинскую комиссию. Сделал ЭКГ. Что-то там врачам не понравилось. Выпил ерунду какую-то, и через сорок минут сделали по новой. Немного лучше, но всё же... Посоветовали есть печёную картошку, отдохнуть и дома опять сделать ЭКГ.

19 июля

Немного спала жара. Я, Мишка Галатин, Олег Щукин сидели в комнате, а Серёга Курбан и Серёга Ржаных пошли в баню. Слушаем музыку и вдруг чувствуем: дым откуда-то идёт.

Всё осмотрели, на крышу залезли, но ничего не обна-

ружили. Но дыма всё больше! Потом открыли стеной шкаф, а там проводка горит. Олег побежал за водой. Хорошо, что свет отключили, а то наделал бы беды. Потом отыскивали электрика, восстановили всё к вечеру.

Так прошёл день.

20 июля

Ждём заменщиков, должны скоро появиться. Ну, а мы пока летаем.

В 15-30 сел Ил-76 с заменой. Были там и со Спасска: Ливнев и другие.

Но они сели в Ан-12 и отправились в Кабул, будут менять газнинцев...

21 июля

Замена заменой, а летать надо! Ходили в разведку на восток.

22 июля

Хожу с обходником.

23 июля

Снова собираю подписи. А несколько экипажей ещё оставляют служить.

Серёгу Кондакова отправляют в Газни. Сначала хотели оставить в Кандагаре командиром отряда. Приложил руку М., вот что за человек?!

Похолодало.

24 июля

Сдаю борт заменщику. Волошин. Второй раз в ДРА. Был в Кундузе и вот через 1,5 года снова.

Продолжаю подписывать обходной.

Далее рукой жены Татьяны

Саша вернулся из Афгана в начале августа. Почти

сразу мы уехали отдыхать в Пятигорк по путёвкам, которые Саша привёз с собой.

В начале октября уже были в Спасске, в части. А через несколько дней Саша улетел в Чернобыль тушить взорвавшийся реактор. Говорил, что всего на неделю...

Вернулся Саша только в конце декабря. К Новому году.

1986 год **Чернобыль**

Из писем Александра Коваленко

14 октября

Посёлок Гончаровск. Украина.

...Танюшка, родная, вот и опять между нами тысячи километров. И снова письма. Но что сделаешь? Нужны мы здесь!

Завтра принимаем борта.

Второго октября тут погибли ребята с «восьмёрки». Жалко. Не повезло.

А на сколько мы сюда, никто не знает. Так что поживём — увидим...

Условия у нас хорошие. Тепло. Вода горячая и холодная. Кормят хорошо.

Ребята, что меняются, схватили от восьми до пятнадцати рентген. Это по-божески...

Не скучай! Всё будет хорошо. Прорвёмся!

24 октября

...Прошу извинить за долгое молчание, просто в таких условиях находился, что было не до писем.

Принял борт, и в тот же день слетали в Малетки (деревня), на пункт спецобработки техники. Помыли вертолёт. А 17-го загнали на четыре дня для обработки.

Сняли двигатели, сильно были заражены, 24 миллирентген в час, а допустимо — 0,3. Отмывали вертолёт круглосуточно, сбили до нормы. Завтра — вперёд!

Если ничего не изменится, то в ноябре буду дома. Повторяю, если ничего не изменится...

17 ноября

...Реактор уже закрыли, так что работы осталось немного. Часть личного состава разогнали. Ну, а с нами решится где-то первого декабря. Телеграмму на замену дали...

Привет Евгеньюшке от блудного папы...

Старший лейтенант Александр Коваленко сделал 30 рейсов над горящим реактором. Видел, как гибли экипажи вместе с вертолётами, которые в буквальном смысле затягивал, словно в воронку, адский радиоактивный огонь...

1988 год

Афганистан. Баграм

13 мая

День рождения встретил в дороге. Исполнилось 33 года.

Самолёт Ан-12 унёс меня от жены и сына в Центр подготовки для отправки в Афган...

В Хабаровске нас напутствовал командующий Воздушными Вооружёнными Силами округа. Потом мы отправились в Чирчик и приступили к интенсивной работе. Беседы, лекции и т. д.

Принял 46-й борт. По первоначальным примеркам, идём в Лашкаргах, но очень много слухов. Так или иначе, пойдём. Не в Лашкаргах, так в Баграм.

Вывод войск идёт, но по поступающим сведениям —

тяжело. Начали выводить из Файзабада — потеряли семь или восемь вертолётов. Из двух бригад полторы вышли, а два батальона недалеко от Кабула ведут тяжёлые бои...

Нас перевели на казарменное положение, так как в воскресенье, ночью, оператор с 24-ки шёл с телефонных переговоров и попал под машину. Лежит в реанимации. А его командира экипажа отправляют назад. Недосмотрел!

26 июля

(Чирчик. Центр подготовки)

Сходили в Валеркой в город, посетили базар, купили орехов, яблок. Съели по два шашлыка и — в казарму.

Серёга Ш. звонил в Спасск, говорит, что там всё хорошо. Прилетел Сумароков, отдыхает. Его вертолёт загнали в ТЭЧ, восстанавливают.

Вечером принял душ.

Здесь ходят слухи, что Лашкаргах и Кандагар сегодня ночью выводят.

И что мы тоже скоро отсюда поедим домой, что нас оставят ещё всего дней на пятнадцать...

27 июля

День прошёл нормально. Заболел Ляшенко. Живот.

28 июля

День начался с построения. Ищут Артамонова, прапорщика со Спасска.

Не ночевал в казарме, и никто не знает, где он. Командир эскадрильи сказал, что отправит его обратно.

Сходил к Ляшенко, находится в изоляторе. Живот.

30 июля

Сегодня нам сказали, что отправляемся в Ташкент и дальше...

Готовимся к броску за границу. Сходил на переговорный пункт, заказал разговор с Городком, поговорил с тёщей Евгенией Степановной.

Вскоре мы прошли таможенную и в 10-50 были в Кабуле. Изменения, по сравнению с 1985 годом, небольшие. Построили два новых здания, и всё. Поселили в казарме.

Идёт операция по очистке тридцатикилометровой зоны Кабула. Привозят убитых и раненых. Ну, а мы готовимся к перелёту в Баграм.

1 августа

Ещё один день в Кабуле. Едим. Спим.

Сегодня начался вывод войск из Кандагара. Выходят с боями.

2 августа

В 3-50 приземлились в Баграме. Поселили в казарме. Первое впечатление — хуже, чем в Кандагаре.

Три бойца подорвались на минах.

3 августа

Занятия. Выступал заместитель командующего полковник Рудкой. Второй раз в Афгане. Хороший мужик.

День и ночь летают Су-17 и 25, МиГ-23. Наносят удары по центрам подготовки в Пакистане.

Я принял 21-й борт, Серёга — 22-й. Ночь прошла спокойно, если не считать стрельбы.

4 августа

В Хосте сбили полковника Рудкого! О нём ничего не известно. Не повезло! Второй раз его сбивают, первый раз в 1986 году.

Всю ночь туда летают все самолёты и наносят удары.

Целый день и ночь не было света.

5 августа

О судьбе Руцкого ничего не известно. Самолёты летают туда и наносят удары.

Мы день отдыхаем, а с 20-00 снова полёты.

Насчёт вывода войск ходят слухи, что месяца через три-четыре уйдём.

Поживём — увидим...

Жара, а кондиционеров нет.

Из письма

Здравствуйте, мои любименькие, дорогие мои Танюшечка и Женечка!!!

...Вот и прибыли мы на место, где прослужим месяца три-четыре. Летаем в основном в районе аэродрома. Погода стоит не очень жаркая. В Кандагаре было жарче. Живём пока в казарме, когда уедут заменщики, переберёмся в модуль. Жить будем по 6 человек.

Встретил здесь Фиськова. Пока спокойно. Жить можно... Несмотря на всю эту «курортную» жизнь, считаем дни до вывода. А там видно будет...

Пишите, очень жду. Люблю. Скучаю. Крепко обнимаю. Горячо целую. Люблю!!!

Твой Саник.

6 августа

По поводу Руцкого противоречивые сведения. Кто говорит, что погиб, кто, что у духов. Официально никто ничего не говорит.

Узнал, что письма отсюда идут дней 15—20.

7 августа

С утра на аэродроме выполнили целевые осмотры. Потом приняли душ, искупались в бассейне и отправились в казарму.

Выступал комендант, сказал, чтобы в кантины — ни-ни! Но это же несерьёзно...

Вчера ночью подъехали остальные экипажи.

8 августа

Руцкой находится в Пакистане. Через МИД СССР будут вырывать его.

Много, очень много духов собралось в окрестностях Баграма. 166 600 человек! Засланы диверсионные группы, одеты в нашу форму и форму афганской армии.

Много работают наши истребители и штурмовики здесь и в Пакистане, по базам.

А насчёт нашего пребывания здесь — всё покрыто мраком. Разные слухи: кто говорит, что до февраля, а я думаю, что до 15 ноября мы должны уйти отсюда.

Из письма от 12 августа

Здравствуйте, мои любименькие, дорогие мои Танюшечка и Женечка!!!

Вчера переселились в модуль. Я с Серёгой и Рома с Агапом, Самойлов с Ломом. Часто не бывает света, но ничего, не это самое страшное...

Как там Женечка, слушается ли???

Привет всем! Крепко обнимаю, горячо целую. Люблю. Скучаю. Твой Саник.

15 августа

Сменились с Серёгой с дежурства. Отдыхаем. Наводим порядок в тумбочках, расставляем всё в комнате. Хорошо, что есть кондиционер и не выключали свет...

Готовимся ко Дню независимости. С 17 по 21 августа усиление бдительности. Часто обстреливают Кабул. Наши ребята погибают...

Если выведут войска из Кундуза, мы окажемся в кольце!

16 августа

Вчера в Кабуле упала 24-ка. Экипаж в тяжёлом со-

стоянии. Это ребята, которые были со мной в подготовительном центре в Чирчике.

Ждём писем, почти никому ещё не было.

Снова наши в Кундузе! Отбили аэродром, идёт чистка городка. В Кундузе сбили Ан-26. Ночью работал «Град».

17 августа

Руцкого передали нашим в Пакистане. Уже, наверное, в Союзе.

В 7-00, на построении, зачитали приказ министра обороны о внеуставных взаимоотношениях, о работе с письмами и т. д.

День прошёл нормально, только вот нет писем...

Погода жаркая.

18 августа

С утра выехали на аэродром, опробовали вертолёты и до обеда были там. Когда вернулись в модуль, Валерка принёс мне два письма от моей единственной и неповторимой! И Серёге письмо.

Вечером построение и сон.

Истребители летают очень много...

19 августа

День прошёл спокойно. Постирался. Целый день не было света. Тоска.

Но главное, тихо и не летаем!

Из письма

...Вчера у меня был праздник, получил сразу аж два письма от своей любимой Танюшки... Хотел ответить тут же, но не было света у нас в модуле.

Попали мы в Баграм. Аэродром расположен в котловане, а вокруг горы. Летаем мало и летаем в охраняемой зоне. Так что беспокоиться нечего.

Танюшечка, милая, к тебе есть небольшая просьба! Если есть возможность, то помоги Шуляковой насчёт места в детском саду. Серёга слёзно просит. Хорошо?

20 августа

Пришла замена для экипажей МиГ-23. Повезло ребятам. Счастливые!

21 августа

С утра был спортивный праздник, а мы на аэродром.

В 11-00 торжественное собрание. Из нашего звена грамоты получили Рома, Агапов, Серёга Ш. и Валера. Меня Рома подавал на поощрение командующим, да что-то ничего нет. Но не это главное!

Ночь прошла спокойно.

23 августа

Опять ждём приказа лететь на Бамиен. Вечером поступила команда: «Отбой!».

Сегодня мы узнали, что туда ходили духовские «восьмёрки». Одну сбили, одну повредили. Опоздали! Банда в 3000 человек вырезала 800 человек — активистов НДПА, женщин, детей, стариков.

Если бы мы сунулись туда, то, возможно, наградные нам писались бы посмертно. Оттуда живыми вывезли только десять человек! Один демократ уцепился за подкос заднего колеса и так летел 130 км на высоте 6000 м. Но зато — живой!

Здесь находится командующий ВВС 40-й армии генерал-майор Романюк.

Лешего посадили на губу.

Так прошёл ещё один день.

24 августа

Руцкой уже в Москве, вернули его. Духовская разведка работает чётко. Они знали, где, когда и что будут

бомбить и кто будет бомбить. Не сваливают на судьбу... Жалко мужика. Хороший дядька.

Обстреляли ночью дивизию, трёх солдат ранило. Из эскадрильи боец подорвался на mine, ногу оторвало.

Получил письмо от Танюшки.

25 августа

Приехали московские артисты. Ансамбль «Сюрприз», поэт Дубровин, муж с женой — артисты оригинального жанра и исполнительница танцев народов мира. В 16-00 начался концерт. Вначале поэт прочитал стихи про Афган, хорошие стихи. И... в который раз погас свет! Просидели до 19-30, и продолжился концерт. Хорошо выступили. Показали музыкальный компьютер — вот это да! Хорошая штукавина. Короче говоря, понравилось.

Пришёл в модуль, только сел писать письмо, погас свет. И всё!

26 августа

Весь день провели на аэродроме. В горах выпал снег, а у нас шёл дождь.

У Виталика Сумарокова родился сын. Поздравляли. Взяли у инженера немного спирта. Отметили и спать. Но спирт остался, так А. и К. замучили Рому, ходили и кланчили всю ночь. Ромка отдал им.

Пить, особенно с некоторыми, опасно! Делаю выводы...

По разведанным, намечается нападение на гарнизон и аэродром. Но пока всё тихо.

27 августа

В Кабуле сбили Ми-24. Все погибли.

28 августа

Кабул снова обстреляли, есть убитые и раненые.

29 августа

Сидим в готовности. Летают «Грачи»¹, «Стрижи», «Грифы». Молодцы ребята!

30 августа

Погода стоит жаркая. Но уже чувствуется осень, по утрам прохладно.

31 августа

Обстрел Кабула. Рванули ГСМ. Короче, Кабулу достается. У нас тихо...

1 сентября

Сегодня Женечка пошёл в первый класс! Интересно, как будет ходить в школу, с интересом или без?

Из письма жены от 3 сентября

Саник, любименький мой, здравствуй!

От тебя ничего нет, может, мои письма не получаешь? Или не все доходят. Ты не жди писем, пиши сам. Хоть пару строк, чтоб я не волновалась. Хорошо? Письма долго идут, и твои, и мои...

Такие дурные сны снятся, ужас! Завтра пойдём с Маринкой в церковь. Готова я всё делать, только бы у тебя всё было хорошо.

Меня не успокаивает то, что вы мало летаете. Самое опасное впереди. Это вывод. Дай Бог, чтоб вам повезло!

Мы уже тут расстроились: парень из нашего дома, квартира 21, с «двадцатичетвёрки», погиб. Как и что, ничего не знаем. Но горе жене, близким — это страшно!

Боже, как надоел этот Афган всем! Говорят, что ещё пойдут наши ребята. Сколько можно? Ладно, будем надеяться на лучшее...

Саник, денег тоже мне не высылай. Мне одной хва-

¹ Истребитель Су-25.

тает своих. За меня не волнуйся... Я привыкла рассчитывать на свои силы. Не пропаду. Главное, чтобы у тебя всё было нормально!

Я не знаю, как лучше сделать, где рожать? В больницу ещё не ходила, надоест туда бегать да анализы сдавать. Ещё более-менее стройная. Влезаю в брюки...

Газеты у вас есть почитать? Сейчас много интересного пишут. Кстати, делать подписку на 1989 год?

Из письма от 5 сентября

...Танюшенька, насчёт нашего вывода ходят разные слухи, от ноября до февраля, а может и дальше...

По поводу того, где тебе рожать, то я думаю, что лучше в Городке, потому что мы не вернёмся даже к февралю.

Хорошо, что Женечка пошёл в первый класс в Городке. Всё же преподаватели получше, да и присмотр будет лучше у бабушки за любимым внуком. Я туда буду писать. Интересно, как Женечка будет грызть гранит науки?

...Что-то Ирина Ш. Валерке не пишет. Ещё ни одного письма не получил от неё, а только от матери. Вот такие дела...

6 сентября

Вечером судили прапорщика за употребление спиртных напитков. Объявили общественное порицание.

9 сентября

Витёк Осипов обмывал орден «Красной Звезды» за Чернобыль. Фиськову Лёше пришёл орден «За службу Родине в ВС» III степени...

10 сентября

Вечером ЧП. Убили на ГСМ часового и забрали автомат. Разводящий только отошёл метров на 50—100,

выстрел. Когда подбежали, боец уже был готов, пуля попала в левое плечо и вышла через правое, задев сердце. Автомата уже не было.

Из письма

...Литвиненко погиб 27 августа. Прикрывали «восьмёрки», которые шли на посты, и их сбили «Стингером». После этого начался обстрел Кабула. Было в газетах об этом...

Седьмого отметили день рождения Серёжи Ш. (чаем). Сбросились и подарили ему японскую электробритву.

Живём, хлеб жуём, всё в норме.

Таня, миленькая, насчёт подписки на 1989 год. Попробуй только на «Аргументы и Факты»... Договорились?

Да, разбросало нас по разным точкам земли. Интересно, как Женюлька в школе ведёт себя, с настроением ли ходит? Я написал письмо в Городок. Жду ответа...

11 сентября

Прилетел генерал-майор Романюк. Наводили шмон.

В Кундузе сбили демократовский Ан-32 стингером. У нас спокойно, в Кабуле тоже. Работают «Грачи», «Грифы» и «Стрижи».

Из письма

...Погода стоит уже не очень жаркая. Так что жить можно. Гепатит косит наши ряды. Гурьян лежит в госпитале, и ещё один парень, увезли сегодня.

Вован Михайлюк порвал связки на правой руке. И смех и грех!..

Люблю свою единственную и неповторимую Зеленоглазочку!!!

Спокойной ночи. Приятных снов!

12 сентября

От безделья сходим с ума. Целый день играем в «кинга», на отжимание. Пришлось отжаться от пола 120 раз. Игра идёт с переменным успехом.

В звене Филатова правак¹ написал рапорт, отказался летать с командиром экипажа. И у них накрыли с пьянкой! Будут троих судить. Вот так и живём.

13 сентября

Вот уже два месяца, как мы прилетели из Спасска. День прошёл по обычному распорядку. Отжался 100 раз. Вечером снова было нападение на часового на ГСМ.

У Ахмад Шаха армия 166 000 человек.

К нам переводят штаб. Романюк скоро будет у нас.

Из письма

...Четыре человека в госпитале: желтуха и малярия. Пока (тьфу, тьфу, тьфу!) пронесит. Ходят слухи, что первого декабря уйдём.

Сегодня не было почтовика... Что нового в Спасске, Городке?..

14 сентября

Ночью обстреляли госпиталь и аэродром. Это ответ Ахмад Шаха на то, что наши истребители вчера нанесли удар по его госпиталю. Там объявлен траур.

К духам прибыли контролёры по ракетам «земля—воздух». Куплено ракет много, а пусков сделано мало.

В район Баграма прибыла банда из бывших советских военнoслужажих для проведения террористических актов. Главарь Казбек, бывший лейтенант СА.

Примерные потери нашей авиации за всю эту кампанию составляют:

113 — Ми-24, 175 — Ми-8, 29 — Ми-6, 1 — Ми-9,

¹ Второй лётчик-штурман.

1 — Як-28, 32 — Су-17, 32 — Су-25, 6 — Ан-26, 5 — Ан-12, 1 — Ил-76.

К сожалению, некоторые потери произошли от безграмотных действий членов экипажа.

15 сентября

Из Ирана для главаря Давлета (Шинданти) прибыли четыре ПЗРК....

Из писем

17 сентября

...Ждём вывода. Если будет в феврале, то остаётся 150 дней. Уже 50 прошло...

Танюшка, поздравь, пожалуйста, Полубедовых с сыном. Хорошо?

Интересно, а кто у нас будет???

Танюшка, это плохо, что Женечка нас редко вспоминает. Ну, что сделаешь, если отец в дальней стране, мать — в другой стороне, а сын — в третьей? Короче, Азия, Дальний Восток и Европа. «Хороший» расклад!

...Написал в Городок, что Женечке привезу настоящую солдатскую каску и бинокль (нужно купить в Союзе)...

Танечка, миленькая, береги себя и будущего ребёночка. Хорошо? Ну, а я буду смотреть здесь, чтоб всё было нормально...

19 сентября

...Вот уже прошёл 51 день, как мы здесь, вроде уже втянулись немного и привыкли. Гепатит косит направо и налево. У меня всё нормально...

Сегодня вылетела очередная «утка», что уже пойдём после вывода не в Малино, под Москву, а куда-то под Минск. Если в Белоруссию, то без разговоров. Даже пешком пойдём!

...Да, забыл написать о погоде. Стоит не очень жаркое, но пыльное «надворье». А как у вас? Золотая осень?..

25 сентября

...Вчера был концерт, выступал ансамбль «Каскад». Мне понравилось. Так что иногда попадаем на концерты. Хоть какое-то разнообразие...

1 октября

...С 15 октября начинается второй этап вывода, остаётся 1,5 месяца, потом ещё 1,5. И вторая война будет за плечами. У нас тихо. В Кабуле похуже. Да об этом в газетах пишут...

5 октября

...Спасибо тебе, моя любимая, за тёплые и ласковые письма, которые согревают меня в эти холодные октябрьские дни. Спасибо!

...Заболел Михайлюк. Пожелтел. Мы пьем Лиф-52 для профилактики. Пока держимся. До выхода осталось дней 110–120. Главное — продержаться.

По утрам уже холодно, влезли в куртки. Днём тепло...

Береги себя! За меня не переживай. Скоро встретимся!..

8 октября

...Танюша, миленькая, сходи в кино на «Маленькую Веру». Потом мне напиши, хорошо? А то в газетах много пишут об этом фильме, хочу узнать от тебя. Лады?

...Сидим с Серёгой на аэродроме вторую неделю, на двух бортах отказы. Но в понедельник заменимся. Михайлюк лежит под капельницами...

Погода стоит нежаркая. Саланг уже в снегу. Иногда идут дожди...

15 октября

...Газеты здесь читаю регулярно. Все центральные и плюс «Звезда» на белорусском языке. Также «Литературку», «Огонёк» и другие. Недавно прочитал роман «Крёстный отец» в номере за 1987 год. О мафии. Сейчас Серёга Ш. читает...

Сегодня письма получила вся комната, кроме Лёхи Агапова. Злой ходит, долго писем нет...

Я думаю, что такая крайняя командировка, такая длительная, последний раз. Будем вместе воспитывать детей и больше не станем ссориться по мелочам. Кто от ссор в выигрыше? Никто!

...Петруха Федосюк говорит, что из дома пишут, будто в городе Берёза построили дом для вертолётчиков. Но кто пойдёт туда? Буду пробовать в БССР. Лучше на Родину...

2 ноября

...Сегодня радостный день у меня: получил три письма от любименькой!!!

Сегодня Лёха получил шесть писем, Серёга Ш. — два, Валера Ш. — три. И другие. Начитался, спасибо тебе, родная моя! Спасибо, что ты есть в моей жизни!

...Очень мало времени. Встаём в 4-00 и ложимся в 21—22 часа, выматываемся сильно...

13 ноября

...Вчера проводили ребят, три экипажа, в Кабул, в командировку, где-то месяца на два. Из наших уехали Серёга Ломов и Агрямов, борттехник.

По программе «Время» вчера показывали последние проводы погибших ребят из Кабула. Не повезло. Мужики из Кобрин и Одессы. Смотрели телевизор, и — прямое попадание ракеты «земля—земля». В итоге, сорок человек убитых и раненых.

Ломеевой ничего не говори. Серёга сам напишет...

29 ноября

...Валера улетел в Союз принимать вертолёт, будет где-то 23—25 декабря. Передал с ним 12 пачек конфет, чтобы отправил Женечке в Городок...

Сейчас роем щели, обкладываем модули ящиками с песком. Заболели желтухой Заровный и один борттехник. Что это такое творится?

Погода стоит хорошая, ещё не холодно.

Кабул обстреливают часто. Насчёт вывода ничего толком не известно...

Танюшечка, милая, в квартире топят хоть, или холодина стоит невыносимая?..

19 декабря

...До вывода остаётся, если по-старому, 14 дней, если по-новому, то Бог его знает! Всё покрыто мраком, никто ничего не знает конкретно. А пока не летаем.

В горах уже снег лежит, вот уже третий день идёт дождь, и третий день нет почтовика... Таня, милая, если получишь это письмо и больше не будет, то не расстраивайся, просто почтовик уже к нам летать не будет. Я думаю, это последнее письмо отсюда...

Хотелось бы мне забрать тебя с дочуркой из роддома, но увы! Скорее всего, это останется мечтой! Как хочется увидеть свою Зеленоглазочку!!!

...А пока наберёмся терпения и мужества...

6 января 1989 года

10-00. ...Сейчас готовимся к выводу. Погода, правда, стоит невыносимая. Дня три шёл снег, так что осталось только покататься на лыжах и отправиться в дорогу. Почтовик не летал.

Серёга выбрался из Пули-Хумрей и застрял в Кабуде. Шмелёк на боевом дежурстве, завтра придёт, т. к. день рождения у него. А я заступаю с понедельника. Отстою неделю, и останется немного...

19-05. ...Сегодня улетают ребята в Союз, и в Спасск. Осталось немного, и мы будем в Союзе тоже.

Как буду в Союзе, дам телеграмму и позвоню на твою работу. Постараюсь вырваться побыстрее к тебе.

Ну вот, пока и всё. Крепко обнимаю, горячо целую. Люблю свою любименькую Зеленоглазочку!!!!

До скорой встречи!

Твой Саник.

Из Обращения ЦК КПСС

**к советским воинам-интернационалистам,
возвращающимся из Республики Афганистан**

Дорогие товарищи!

Вы возвращаетесь на Родину. Приветствуем вас, честно и мужественно выполнивших свой воинский долг, проявивших на деле высокие чувства интернационализма.

За вашими плечами остались дни суровых испытаний. В этих испытаниях вас укрепляла глубокая вера в благородное дело помощи дружественному народу. Вы выполнили приказ Родины. Пройдя через огонь сражений, вы научились ещё крепче любить Родину, родительский дом, друзей и подруг. Узнали вы и что такое ненависть врагов...

Слава солдатам Отечества! Слава сынам и дочерям Родины!

* * *

Очевидцы говорят, что в Афганистане, на войне, люди привыкали к смерти... Особая психологическая защита. Солдат, в которого стреляют, привыкает к смерти, чтобы выжить. Привыкает телом, умом, но не ду-

шой... Под пулями раскрывается мощь его духа. И думает он уже не о себе. Долг перед Родиной, верность товарищам, любовь к близким — сильнее страха смерти.

«Афганцы», шурави — советские воины, побывавшие «за речкой», погибшие и выжившие, выполнившие интернациональный долг — любящие, щедрые, совестливые, покаянные души...

Из Афганистана Саша привёз домой несколько ящиков и коробок. Соседи завистливо шептали: «Добра сколько притащил!».

«Что бы они сказали, — думала Таня, — если б узнали: Саша привёз настоящее богатство — книги! Многомного книг! Всю ночь собирал их в брошенной библиотеке оставленного нашими войсками военного городка...»

* * *

...Шёл 1993 год. На улице было по-апрельски тепло, но небо постепенно затягивали на редкость тяжёлые, грозные тучи. Дома же вкусно пахло ванилином, корицей: Татьяна пекла пасхальные пироги. Сквозь праздничное настроение нет-нет, да и просачивалась тоска...

Несколько суток подряд дежурил Саша на ПСС¹. За себя и за больного борттехника. В разгаре Дальневосточные армейские учения. Приказ: срочно доставить группу парашютистов к месту назначения...

Перед вылетом на задание Саша всё же забежал домой. Обнял жену, отломил пирога, смачно жуя, пообещал: «Не стирай бельё одна, вернусь — помогу...».

Утром Татьяну разбудил стук в окно. В стекло отчаянно билась предвестница-птица...

¹ Поисково-спасательная служба.

22 апреля в «Красной звезде» появилось короткое сообщение:

«Около 11 часов утра потерпел катастрофу вертолёт Ми-8 армейской авиации ДВО... Командир экипажа военный лётчик Николай Самойло и его подчинённые к выполнению полётного задания были подготовлены полностью, погода в районе полёта стояла нормальная, тем не менее вертолёт врезался в землю в районе горы Острая. Экипаж и два находившихся на борту пассажира погибли...».

До последней минуточки, пока не увидела Сашу на опознании, Таня отказывалась верить в беду.

У Александра Петровича Коваленко остались два сына. Старший, Евгений, после Суворовского военного училища закончил Военную академию Республики Беларусь (факультет связи и АСУ). Младший, Юра, — выпускник Белорусского аграрного технического университета.

О Д Н А С У Д Ь Б А

Дорожные впечатления, знакомства иногда помогают найти новую тему, подталкивают к творчеству. Моя очередная попутчица в купе поезда не без гордости рассказала о зяте, любимым увлечением которого стала... патриотическая работа. Сорокалетний майор полиции из Санкт-Петербурга не только превратил рабочий кабинет в военный музей, но даже свободное от службы время проводит с соратниками из общественной организации, занимающейся реконструкцией масштабных военных событий, грандиозных боевых сражений.

Это не игры в войну взрослых людей, как может показаться на первый взгляд, это эмоционально захватывающий, прошибающий до мозга костей способ сохранить историческую память, отдать долг защитникам Отечества, воспитать мужественных патриотов, не позволить извратить историю. Задача, которую решать, решать всем нам, чтобы не потерять новое поколение, не потерять страну, как это уже случилось в братской Украине. Надо использовать самые различные средства, в том числе слово — мудро-огневое слово писателя.

Книга о войне, о человеческом подвиге — это тоже реконструкция. Воссоздание тех далеких дней, у которых сейчас осталось так мало свидетелей. Тем ценнее становится произведение, созданное писателем-воином.

«Посеешь ветер...» — название книги Анатолия Сульянова, заслуженного деятеля культуры, писателя,

генерал-майора авиации, военного летчика 1-го класса. Он, освоивший 14 типов самолётов и проведший в небе более двух тысяч часов, дважды награждён орденом Красной Звезды, медалями, Почетной грамотой Президиума ВС БССР (1986).

Документальная повесть о войне, увидевшая свет в 2014 году в издательстве «Мастацкая літаратура» (Минск), впервые пришла к читателю несколько десятков лет назад. Написана была по заказу Министерства образования. Переиздана уже в третий раз!

В чём кроется причина «живучести» произведения, востребованности и в годы расцвета так называемого «застоя» в истории СССР, и во времена его распада, и теперь — в суверенной Республике Беларусь?

Не так давно довелось услышать трогательно неподдельную тревогу в размышлениях опять же дорожного попутчика, мол, и в белорусских учебниках истории, как на Украине, есть попытка разобщить народы, переписать историю войны... Не стану хвалить учебники: еще не остыло мое негодование на те мудрёные тексты с еженедельной необходимостью помогать детям разбираться в них, объяснять доступным языком исторические события, иногда даже поправлять автора, уличив его в предвзятости, неточно или искажённо расставленных акцентах. Мои школьники выросли, а учебники, возможно, уже иные. Но обвинения в попытке переписать Великую Отечественную я отвергла категорически! В Беларуси, потерявшей в годы войны каждого четвёртого (а по последним источникам — третьего) жителя (в Городокском районе Витебской области — каждого второго!), такого нет и быть не может. Книга Анатолия Сульянова «Посеешь ветер...» — яркое тому доказательство.

В аннотации сказано, что автор использовал богатый документальный и фактический материал, показал «панораму Великой Отечественной войны, начиная с её

первого дня до полного освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Ценно то, что книга адресована юному читателю, которому мало известно о страшных испытаниях, выпавших на долю нашего многострадального народа».

Признаюсь, читала этот своеобразный «учебник» не просто с удовольствием, а с восхищением: вот оно! Вот так и надо писать историю для детей — увлекательно, живо, исключительно насыщено.

Хотя в аннотации говорится лишь о Беларуси, автор изображает всю панораму войны, начиная с конца 1930-х годов, когда армия Гитлера захватила большинство европейских стран. Затем писатель останавливается на героической защите Брестской крепости, достаточно подробно освещает судьбоносные битвы за Смоленск, Москву, Сталинград, не обходит вниманием блокадный Ленинград, героическую Одессу, Севастополь. Особое внимание — белорусскому сопротивлению. И конечно, освобождение Европы, победа в Берлине.

Повествование построено в виде беседы с детишками, которые забрасывают вопросами автора, отвечают на те, что задает им он.

Писателю удастся создать живую канву произведения, акцентировать внимание читателя на важных моментах, сделать необходимые выводы.

Автор книги предстает перед читателем в нескольких ипостасях. Это историк-документалист, аргументирующий фактами, цифрами, датами, фамилиями (Анатолию Константиновичу Сульянову пришлось много поработать с ценными архивными документами).

Это военный летчик, представляющий в тонких подробностях, что такое подвиг воздушного тарана, который совершил летчик Петр Рябцев над Брестом в первый же день войны — 22 июня 1941 года. Что

такое подвиг капитана Николая Гастелло, направившего горящий самолёт на вражескую колонну, или Саши Мамкина, который, заживо сгорая в кабине самолёта, все-таки сумел его посадить и тем самым спасти детишек из блокадной партизанской зоны.

Художественно описывая подвиги героев Великой Отечественной войны, автор предстает перед нами уже как талантливый писатель. В то же время мы видим его гостем в школьном классе, ученики которого с доверием внимают очевидцу, ведь Анатолий Сульянов знает войну не только по архивам, он видел её собственными глазами.

«Перед вами — один из десятков тысяч четырнадцатилетних подростков, которые осенью сорок первого года копали противотанковые рвы, окопы, траншеи, ремонтировали дороги. Я со своими одноклассниками работал вместе со взрослыми по четырнадцать часов подряд, без отдыха. А когда начались морозы и снегопады, мы охотно шли расчищать снег на взлетной полосе соседнего аэродрома. Ох и замерзли мы в ту тяжелую осень! А гитлеровские лётчики на бреющем полёте били из пулемётов по нам, когда мы шли расчищать аэродром. Мы падали в канавы, прятались за деревья. Сколько помню войну — столько хотелось есть. Бывало так, что в доме не оставалось ни крошки хлеба».

Военный голод — отдельная тема для неравнодушно-го историка и писателя. Тема, обязательно мучительно-скорбно звучащая в воспоминаниях уцелевших в Великой Отечественной. Поэтому, немного отвлекшись от произведения А. Сульянова, коснусь книг ещё двух авторов: кандидата технических наук, заместителя начальника лётно-испытательного центра по научной работе (до 1991 года), лауреата Государственной премии СССР полковника Анатолия Семёновича Стефашина — «Найди себя» (Саратов, 2013) и писателя Александра

Георгиевича Скокова, члена Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России — «На всех была одна судьба» (Санкт-Петербург, 2013), за которую он стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени А. К. Толстого.

А. Стефашин подарил читателю повествование о мальчишке из глухо-глухой деревушки Дарьино Карачевского района Брянской области. «Если говорить точнее, то моя деревня была не просто глухая, а глухонемая и слепая, так как в ней при мне (до 1953 года) не было ни электричества, ни радио, ни газет, ни магазина, ни школы, ни фельдшера и было натуральное хозяйство». Пережив войну, пройдя через все испытания, мальчишка от курсанта Казанского военного авиационно-технического училища вырос до учёного и руководителя лётно-испытательного центра в Ахтубинске. Чем не достойный пример для нынешних подростков?

Есть одна резко отличительная особенность в причинах выбора авиации своей профессией у Анатолия Сульянова, тоже выросшего в крестьянской семье, с детства увлекавшегося полётами, книгами о летчиках, а во время войны помогавшего на аэродроме, и Анатолия Стефашина, родившегося в 1935 году. Он и думать не думал стать лётчиком, но ненавидел немецкие самолеты, сбрасывающие бомбы на его родную землю, и переживал за свои, бомбившие фашистов. Сначала экипаж подвешивал «люстру» — светящуюся бомбу на парашюте, чтобы осветить всю округу. Вторая группа самолетов сбрасывала зажигательные бомбы, третья бомбила фугасными. «После этих взрывов наши избы ходят ходуном. Таких налетов бывает 2-3 за лётную ночь. После такого кино зрители долго не расходятся... радуются, что зенитки не сбили ни одного нашего самолета...» К радости подмешивался ужас от надрывного гула авиационных моторов, сброса бомб,

зарева пожараищ. «Я от страха прятался под кровать, считая это место безопасным». И совсем не думал тогда, не мечтал о романтическом небе. А когда пришло время выбирать профессию, главным аргументом было то, что курсанты «обеспечиваются питанием и обмундированием. Какая прелесть, это же мечта...».

Голод обрушился на деревню после освобождения. Отступая, немцы выжгли поля с уже созревающим хлебом, плодовые деревья вырубали еще в начале войны, чтобы ими маскировать танки. Уничтожили жилища. Вместо мужей, отцов в дома приходили похоронки. Но надо было выживать, пахать и сеять. «Пахать лопатой и сеять вручную, как и сто лет назад».

В книге А. Стефашина простота изложения, серьезность и даже трагедия жизни органично переплетаются с неисчерпаемым народным оптимизмом и юмором. «Удивительное создание человек, питается одной крапивой, ходит с зелеными от крапивы зубами, с рахитичным большим животом, удивляется, почему это у него появилась резь в желудке, но он ежедневно ходит на работу, а если кто-то заиграл на гармошке, то идёт петь и танцевать. Только танцует осторожно, потому что в большом животе раскачивается много воды с крапивой. Нет, таких людей истребить невозможно. Они не изучали ОБЖ, но сама жизнь учила их выживанию».

Без преодоления трудностей, без боли, как физической, так и душевной, невозможно само существование человеческое, без страданий не будут обретены сострадание, любовь, милосердие, без горестей нельзя познать счастье и ощущение полноты жизни. Но не всякий способен на преодоление. Таких обстоятельства безжалостно ломают, приводят к предательству и даже смерти, прежде всего — духовной.

Книги Анатолия Сульянова «Посеешь ветер...» и Анатолия Стефашина «Найди себя» о людях высокого

человеческого духа дополняются книгой Александра Скокова «На всех была одна судьба». Она является той самостоятельно необходимой частью, без которой картина войны, возможности человеческого героизма, вершины величайшего патриотизма, загадочность души русской, славянской не были бы раскрыты до конца.

Нельзя говорить о победе в Великой Отечественной, умолчав о победе блокадного Ленинграда, который первым из советских городов получил в январе 1944 года высокое право произвести салют Освобождения. 900-дневная битва у стен Ленинграда — небывалое в истории событие.

Как в «учебнике» А. Сульянова дана широкая панорама военных действий вплоть до победы, так и в книге А. Скокова дано широкое полотно огненных, голодных, казалось бы, несовместимых с жизнью тяжёлых дней блокады. 29 документально-художественных рассказов составляют основу книги, разделяясь на три части: «Третий студенческий взвод», «Прикрывали завод амбразуры и дзоты» и «Шли уроки под гул канонады». Ещё более тридцати повествований от имени очевидцев «И взрослые, и дети» и более сорока — короткие рассказы детей о своих дедах «Мой прадед погиб на войне». Уже по названиям разделов можно представить обширный охват тематики: «Ленинград не только отражал натиск врага, но и оставался могучим арсеналом — здесь выпускали танки, гвардейские реактивные миномёты, стрелковое оружие, боеприпасы. Тысячи и тысячи ленинградских женщин, подростков, освоив “мужские” специальности, выполняли, перевыполняли задания вместе с кадровыми рабочими, а после смены отправлялись на дежурства по городу...» — сказано генерал-майором в отставке председателем Совета ветеранов Адмиралтейского района Санкт-Петербурга

В. М. Кипрским в предисловии к книге. Удивительным образом в осаждённом городе продолжали работать школы, детские сады, госпитали, театры... Голодные, вымороженные холодом люди жили и боролись за победу!

Читая о блокадном Ленинграде в книге А.Скокова, я невольно проводила параллели между военными событиями, описанными двумя другими авторами, и удивлялась точности названия «На всех была одна судьба». А ведь она, действительно, была одна — и для осажденных в белорусских лесах партизан, и для голодающих в землянках жителей глухой брянской деревеньки, и для истощённых горожан северной столицы СССР.

Невольно на память пришла моя бабушка, пережившая войну с двумя маленькими дочками и до конца дней своих державшая на чердаке дома запас: мешок соли и бочонок хлебных сухарей, высушенных на печке. Сухари периодически заменялись свежими, а старые шли на корм скотине. Бабушка знала, что такое голод и помнила народную мудрость: «Запас беды не чинит!».

«Никаких запасов у нас не было, мама уходила к линии фронта, в пригородные огороды, поля, собирала там замороженные капустные листья... Под Новый, 42-й год, взяв ломик, отправилась она к бывшим Бадаевским складам. Ей повезло, удалось найти оплавленный от пожара сахар. Дома растопила в воде эту глыбу с землей, процедила, сделала сироп. И давала по чайной ложке нам с сестрой в самое голодное время» («Мы выжили чудом» — воспоминания К. Н. Быстровой из книги А. Скокова)

«Однажды с отцом мы нашли в стеклянной банке 9 зернышек гречневой крупы. Как раз по три зернышка — мне, ему и маме. Для нас это была драгоценная находка» («Девять зернышек гречки» — воспоминания В. И. Талиш)

Не много осталось в живых очевидцев страшной войны 1941—1945 годов, тем удивительнее видеть, что людям, пережившим страх, холод и голод, Господь даровал долгие годы. А как же значение сбалансированного питания? А как же пресловутые нервные стрессы? И какая такая тайна у этого загадочного народа-победителя?

А. Стефашин рассказывает: «Средняя школа находилась в городе на расстоянии 10 км от деревни, по времени это 2 часа хорошей ходьбы туда и столько же назад... По возвращении домой из школы на полпути начинались спазмы желудка с обильным выделением слюны. Желудок просил пищи. Если хлеба не было, то нужно было пересидеть приступ. Потом я приспособился: по дороге домой в хлебном магазине за 20 коп. покупал кусочек хлеба (50 г) и съедал его. Тогда я до дома доходил спокойно».

Вот так — перехитрив, пересилив, преодолевая обстоятельства, деревенский мальчишка нашёл себя. Окончил Казанское военное авиационно-техническое училище дальней авиации и Киевское высшее инженерно-авиационное военное училище ВВС, защитил диссертацию, стал заместителем начальника лётно-испытательного центра в Ахтубинске. С Беларусью его связывают не только контакты во вопросам научных разработок в области вооружения, но прежде всего — могила отца, Семёна Стефашина, павшего в боях с фашистами осенью 1943 года при освобождении г. Городка Витебской области.

В наших мудрых народных сказках, когда молодцы стоят на распутье перед камнем с надписью: «Направо пойдёшь — женишься, налево пойдёшь — богатым будешь, прямо пойдёшь — голову потеряешь!», выигрывает всегда тот, кто, не страшась, идёт прямо. В результате — и женится, и достаток отыщет, и жив

останется. Тот же, кто ищет лёгких путей, неизменно погибает, если, конечно, добрый наш «Иван-дурак» на помощь не придёт. (А он всегда приходит!)

История только тогда может научить народы избегать прежних ошибок, если не искажена в угоду определённым силам. Извращение событий, идейной направленности и итогов Великой Отечественной войны в украинских школьных учебниках, кино и литературе привело к тому, что взращённое ложью поколение украинского народа пожелало выбрать не прямой, хотя и трудный путь, а тот, который якобы сулит богатство (жизнь в Европе!). Печальный, трагический результат этой дороги, как и милосердные попытки «Ивана» помочь, спасти, обогреть, накормить голодающих на юго-востоке страны «блудных» братьев, мы сейчас с болью и горечью наблюдаем, закономерно задавая себе вопрос: возможно ли такое у нас? И с надеждой отвечаем: пока есть такие книги, как «Посеешь ветер...» А. Сульянова, «Найди себя» А. Стефашина и «На всех была одна судьба» А. Скокова, мы защищены суровой правдой Истории.

«Бок о бок сражались русские, украинцы, казахи, белорусы, киргизы. Шесть суток личный состав отбивал под Волоколамском атаки противника. 150 танков врага было подбито и уничтожено. У разъезда Дубосеково совершили героический подвиг 28 воинов-панфиловцев. Четыре часа длился этот неравный бой горстки панфиловцев с бронированной армией гитлеровцев. 18 танков остались чадящими кострами на земле заснеженного подмосковья возле Дубосекова...» — рассказывает А.Сульянов о подвигах воинов, подпольщиков, партизан, стариков, женщин, подростков и братьев — представителей других народов, примкнувших к партизанскому движению: чехов, словаков, поляков, сербов, французов, венгров, бельгийцев, австрийцев, немцев, румын... На страницах

книги их имена. Гомельская подпольщица Мария Евдокимова, взорвавшая гитлеровцев, празднующих мнимую победу над Москвой. Сержант Яков Павлов, удерживающий с бойцами дом в Сталинграде в течение многих недель. Лётчик Александр Горовец, в последнем бою уничтоживший девять вражеских самолётов. Константин Заслонов, Минай Шмырев, Василий Корж, Пётр Машеров, Елена Мазаник, Вера Хоружая, Ян Микула, Густав Лазар... Дети-подпольщики: Зина Портнова, Марат Казей, Коля Гойшик, Витя Ситница... Бесчисленны эти святые имена!

Прошли долгие для человеческой жизни годы после Победы — 70 лет! Мгновение для многовековой жизни цивилизации. Но, пользуясь иллюзорной давностью лет, иные лже-историки пишут, строчат новые учебники, статьи, книжицы, пытаются лишить героического ореола тех, кто мученически отдал свою жизнь за сегодняшний мир, за то, чтобы один деревенский мальчишка стал учёным, другой — лётчиком, третий — писателем.

И вот уже пролилась где-то липкая грязь на панфиловцев; вроде бы не такая уж героическая была Зоя Космодемьянская... Находится кто-то, кому до экстаза нравится перебирать чужое бельё и выдёргивать из чужой жизни светлые лепестки, оставляя лишь уродливо осыпавшуюся сердцевинку. Но человеку невозможно оставаться человеком без идеала чистоты, подвига.

Тот, кто вырос на советских книгах о Павке Корчагине, об Алексее Маресьеве, той же Зое Космодемьянской, на книге А. Сульянова «Посеешь ветер...», знает, как велика сила духовного воздействия таких произведений, как рождают они бесстрашие и готовность к подвигу, как возвращают в душе неизмеримую любовь к Отечеству. И даже если вдруг мера героизма автором произведения несколько

преувеличена, то лучше нам остаться с теми, кто воспевает подвиг, чем с теми, кто его развенчивает, — по примеру великого писателя-пророка Фёдора Достоевского, который говорил: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной», потому что «нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть».

Надо признать, что поколение, повзрослевшее в годы целенаправленного уничтожения СССР, но успевшее впитать героические идеалы прочитанных книг и нравственно-патриотических кинофильмов, всё-таки сумело передать и воспитать в своих детях любовь к родному краю и готовность к подвигу. На горемаятной земле Донбасса рядом со взрослыми, ополченцами и добровольцами, воюют и погибают добровольцы-подростки, юноши и девушки, повторяя подвиги своих дедов и прадедов в Великой Отечественной войне, когда с первого и до последнего дня, до самого Рейхстага, солдаты и офицеры многонациональной Красной армии шли на смерть за Родину. Безмерна их стойкость в священной войне с фашизмом. Не оскудела и не оскудеет святая Русь сынами-героями!

Анатолий Сульянов пишет, как однажды спросил у своих маленьких друзей:

«— Как вы думаете, что побуждало людей совершать подвиги?»

— Любовь к Родине! — ответил долго молчавший Лёник.

— Желание защитить родную землю от врага, — рассудительно проговорила Лена.

— Молодцы. А вот если враг окажется у границ Беларуси, то как тогда будете действовать вы?

— Я буду танкистом! — Василь не раз говорил, что после окончания школы он поступит в военное училище.

— Я стану медицинской сестрой. — Лена мечтала быть учителем, но сегодня она подумала о том, чтобы помогать раненым».

Страница за страницей ведет писатель за собой по дорогам войны и подвига. А десятиклассник Василий Ковалёв из книги А. Скокова «На всех была одна судьба» пишет в школьном сочинении: «Великая Отечественная война унесла миллионы жизней и наверняка унесла бы больше, если бы не воинский талант советских офицеров, генералов...».

Имена Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина, маршала СССР Г. К. Жукова, генерала армии К. К. Рокоссовского, генерал-лейтенанта П. И. Батова, генерала армии, а затем маршала А. М. Василевского, генерал-полковника И. Д. Черняховского и многих других, кроме того, командиров партизанских бригад В. Лобанка, Д. Короленко, П. Романова... яркими звездами сияют в книге Анатолия Сульянова, вызывая законную гордость.

Работая с архивными документами при подготовке рукописи, имея личные впечатления от встреч с командирами разного уровня, писатель так увлёкся и проникся уважением к их незаурядным личностям, что в последующем из-под его пера вышли отдельные книги о них.

Случайная встреча в Подмоскovie, в Серебряном Бору, на даче у генерал-лейтенанта Константина Фёдоровича Телегина, с сыном которого дружил тогда ещё подполковник Сульянов, и откровенная беседа с Константином Константиновичем Рокоссовским в течение целых двенадцати часов, когда молодой писатель, печатавшийся в военных газетах и журналах, «терзал» своими вопросами удивительно терпеливого, потряса-

юще доброго, умного, мудрого генерала, легла в основу произведения «На рыбалке». Хочу заметить, что я умышленно употребила эпитет «случайная» к слову «встреча». Дело в том, что она действительно могла бы не состояться, не прояви тогда Анатолий Константинович решительность и твердость.

В Москву он приехал сдавать экзамены — кандидатский минимум, чтобы поступить в аспирантуру. Время для него было крайне напряжённое, сжатое нагрузками. Но когда позвонил младший Телегин, Костя, и предложил отправиться с ним на рыбалку, в которой примет участие сам Рокоссовский, Сульянов отставил все дела, отдал половину из имевшихся при нём денег за такси и ровно в 4 утра прибыл в Серебряный Бор.

Жизнь часто ставит человека перед выбором, от которого во многом зависит его дальнейший путь. Каждый из нас нет-нет да и оказывается на своём распутье перед камнем, на котором высечено: «Направо пойдешь...». Сульянов не прогадал. И это, видимо, тоже неслучайно! Есть определённая, даже какая-то таинственная закономерность в объединяющем всех участников той рыбалки имени — Константин: Константин Рокоссовский, Константин Телегин, младший Константин Телегин и Анатолий Константинович Сульянов. Твёрдость, крепость, устойчивость, упорство... Основание, кость, становой хребет, константа — постоянство, непобедимость звучат в этом имени.

«Непобедимые» — так называется новая книга Анатолия Сульянова, которая вышла в издательстве «Мастацкая літаратура» в Минске (2014). Это документальные рассказы о выдающихся личностях: И. В. Сталине, В. П. Чкалове, Г. К. Жукове, К. К. Рокоссовском и многих других героях и военачальниках, благодаря подвигам и мудрому

командованию которых советский народ выстоял в жесточайшей Великой Отечественной войне.

Но ещё раньше, в 2004 году, в Минске увидела свет книга А. Сульянова «Маршал Жуков. Слава, забвение, бессмертие». Судьба Георгия Константиновича (!), тесно переплетённая с судьбой страны и народа, дорогих и близких А. Сульянову людей, неудержимо звала писателя к письменному столу. Первое произведение — о Рокоссовском, «На рыбалке» — вошло составляющей частью в книгу о маршале Жукове. Битва за Сталинград, сложные отношения с Главнокомандующим, взаимодействие с генералами армий, высокая оценка И. Сталиным: «Суворова сейчас нет, есть Рокоссовский!» — обо всём этом и многом другом рассказывает А. Сульянов неравнодушному читателю.

От жаждущего взлететь в небо мальчишки, имевшего редкостное благословение: знаменитый лётчик, комбриг, Герой Советского Союза Серов Анатолий Константинович (ну как тут опять не вспомнить об удивительном совпадении имён!) подарил пацану свою пилотку, — до отважного лётчика-орденоносца... Что же это за особая порода бесстрашных людей — лётчики?

Ответ на этот вопрос А. Сульянов попытался дать в книге «Расколотое небо», несколько месяцев назад переизданной в Минске («Мастацкая літаратура»). Прототипом героя произведения, Геннадия Васеева, послужил капитан Геннадий Николаевич Елисеев, который 28 ноября 1973 года, после двух неудачных попыток уничтожить с помощью ракет Р-3 иранский самолёт-разведчик F-4 «Phantom II», осуществлявший задание в рамках американско-иранской программы Project Dark Gene, таранил дерзкого нарушителя

границы. Это был третий в советской авиации случай тарана на сверхзвуковом реактивном самолёте. Лётчик погиб.

Зачем, почему он это сделал?! Ведь не война. Ведь дома жена и двое детишек! Ответ на вопрос, измучивший не только командование, но и автора произведения, до изумления прост. («Где просто, там ангелов — со сто, а где мудрено — там ни одного».) Да потому же, почему в первый день войны, 22 июня 1941 года, сразу пятнадцать советских лётчиков совершили подвиг — протаранили вражеские самолёты. Главная задача офицера: выполнить задание любой ценой! Решение государственной задачи — важнее собственной жизни. Геннадий Николаевич Елисеев был патриотом.

Делясь воспоминаниями об участии в расследовании дела о гибели лётчика Елисеева, Анатолий Константинович вдруг признался мне во время телефонного разговора: «Да эти иранцы с американцами так обнаглели, нарушая нашу государственную границу, что если бы я был за штурвалом самолёта, то тоже пошёл бы на таран!». Сегодня писатель переживает о том, чтобы решился вопрос увековечения памяти Героя Советского Союза в Беларуси, чтобы его имя было присвоено школе в г. Берёза, где он когда-то служил.

А пока А. Сульянов, офицер, военный лётчик-орденоносец, как и А. Стефашин, удостоенный звания лауреата Государственной премии за работу в области специальной военной техники, и А. Скоков, лауреат нескольких литературных премий, и другие писатели-«реконструкторы», рассказывает правду о войне, о героях прошлых и сегодняшних дней, продолжая великое дело — служение Отечеству!

Об авторе

Наталья Викторовна Советная — кандидат психологических наук. Член Союзов писателей России, Беларуси, Союзного государства.

Автор книг поэзии и прозы «В поиске сокровища», «За краем света», «Увидеть ветер», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Цветок на морозе» и др., а также многочисленных публикаций в журналах, коллективных сборниках, альманахах.

Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014).

Награждена медалями «Святой благоверный князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), юбилейными.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЧОК ТРАВЫ

Подранда	7
Небеса на коромысле	40
«Как из нашей из деревни...»	68
Пучок травы	98
Подкоп	153

ОДНА СУДЬБА

«Сжигай слова, чтоб сохранить мотив...»	165
Жить, «пока пуля летит».....	191
Выбор Сани Коваленко	197
Одна судьба	262
Об авторе	278

Наталья Викторовна
Советная

ПУЧОК ТРАВЫ

Корректор
М. Е. Устинов

Дизвайн обложки
Д. Г. Рыбалтович

Верстка
М. Е. Устинова

ISBN 978-5-906782-31-1

Формат 80×100/32. Гарнитура Academy
Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 8,75. Тираж 200 экз. Заказ № 252

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д